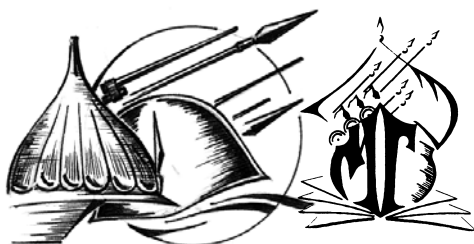

Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2019

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Противостояние цивилизаций ...	3
Валерий ФИЛИМОНОВ. Рывок в «светлое будущее»... ..	72
Игорь МИШИН. Движение в тупик	108
Надежда МИРОШНИЧЕНКО. Керчь. Обновление любви	146

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Герань в распахнутом окне. Роман. Продолжение	15
Наталья КОРОТКОВА. По долинам и по взгорьям. Повествование в рассказах	82
Михаил ЗАРУБИН. Два рассказа	120
Юрий ПАХОМОВ. Ужин на двоих. Рассказ	128
Ирина ПРИЩЕПОВА Байкал во льдах. Эссе	153

ПОЭЗИЯ

Елена КУЗЬМИНА. Почерк пушкинской метели. Стихи ...	63
Николай КОНОВСКОЙ. Свыше рожденное слово. Стихи	68
Алексей ГУШАН. Откровение Родины. Стихи	101

Александр АФАНАСЬЕВ. Любовь прощальная. Стихи ...	106
Молодые поэты Оренбурга	134

ПОДВИЖНИКИ

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Об истоках мудрости и таланта	170
--	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Отступать некуда!	178
---	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Черносотенцы. За чей счет праздник? Сталинофобия	188
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир ОСИПОВ. Инструменты глобализации	197
Николай ЛОБАСТОВ. Плоды гнилого дерева	206
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. «Перезагрузка» ..	211
Сергей КАРАМЫШЕВ. Апология мата на российском ТВ	214

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Нина БОЙКО. Тоска небывалой весны (М.Ю. Лермонтов). Окончание	218
---	-----

ЗЕМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

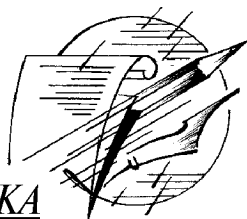
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	284
--	-----

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Тот человек мне гадок,
В ком мысли гнусные,
Язык же льстив и гладок.
*Уильям Шекспир,
«Венецианский купец»*

Прочел я недавно в «Слове» статью Александра Афанасьева «Либеральный катехизис, или Непротивленчество по Шведкому». Автор обозначил как бы Двуликого Януса современного либерализма в России — у него, с одной стороны, зверский лик Чубайса, а с другой — слащавая физиономия бывшего министра культуры, а ныне спецпредставителя президента РФ по культуре.

С Чубайсом, которого, после ряда его провальных должностей, указом тогдашнего президента Д.А. Медведева 22 сентября 2008 года пристроили генеральным директором Госкорпорации «Роснано», все ясно. Это — абсолютное зло. Он — один из самых непопулярных государственных деятелей России. Так, по итогам соцопроса ВЦИОМ в декабре 2006 года Чубайсу не доверяли 77% россиян. В опросе ФОМ 2000 года подавляющее большинство отрицательно оценили действия Чубайса, он

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

характеризовался как «человек, действующий во вред России», «дискредитатор реформ», «вор» и «жулик».

Со Швыдким сложнее. И не всегда за его масками можно разглядеть зло. В 2004—2008 годах он руководил Федеральным агентством по культуре и кинематографии и в этом качестве выступал посредником в переговорах между руководством Большого театра и Правительством РФ, отстаивая утвержденную смету реконструкции ГАБТ. Сама реконструкция Большого, которая была поручена ныне сидящим в СИЗО под следствием братьям Магомедовым, владельцам группы «Сумма», считалась медведевским проектом и обернулась скандалом. Реконструкция ГАБТ шла с 2003 по 2009 год. Стоимость ее составила 35,4 млрд. рублей, говорится в сообщении Счетной палаты от 14 февраля 2012 г., которая подвела итоги мониторинга проекта. Эта сумма значительно, на 10—15 млрд., превышает оценки, появлявшиеся в СМИ ранее. Предыдущая проверка, итоги которой были опубликованы Счетной палатой в августе 2009 года, выявила «грубые нарушения», допущенные при реконструкции Большого театра. Тогда аудиторы заявляли, что стоимость проектных работ оказалась завышенной в 16 раз. По итогам этой проверки было возбуждено уголовное дело о растрате, однако о его расследовании информации нет. И о перерасходе в 10—15 млрд. тоже забыли.

Несмотря на демарш Счетной палаты, скандал замяли, и братья Магомедовы попали за решетку только после того, как президентом России в 2012 г. был избран Путин. Однако уже в мае 2008 года агентство, возглавляемое Швыдким, было упразднено, все его функции были переданы Министерству культуры. 7 июня 2008 года Швыдкой был официально отправлен в отставку. Выручил его всё тот же «защитник либералов» Д. Медведев. Став президентом, 1 августа 2008 года он назначил Швыдкого специальным представителем президента РФ по международному культурному сотрудничеству с задачей создания положительного образа России за рубежом. Должность больше напоминает синекуру, чем влиятельную властную структуру, но звучит внушительно.

Многие считают, что Швыдкой, используя свое положение в коридорах власти, сейчас всячески пытается «стать пророком и апостолом либерализма, причем не только в «узких» рамках России, но и во всемирном масштабе».

Старания его замечены, и хотя не во всемирном масштабе, но на Западе Швыдкого всячески поддерживают. У него — семь высших иностранных орденов и медалей, больше, чем российских. Он — кавалер ордена Почетного легиона (Франция, 2011 г.), Великий офицер ордена «За заслуги перед Ита-

льянской Республикой» (2012 г.) и Командор ордена Святого Карла (Монако, 2015 г.). Очевидно, сильных западного мира устраивает то, как их «великий офицер» выполняет вмененную ему миссию культуртрегера-либерала. Кто же этот человек на самом деле? За что он ратует и зачем?

«Я — западник, — говорит Швядкой, — и я считаю, что Россия — европейская страна со всеми вытекающими отсюда последствиями: поведенческими, правовыми и так далее».

Западники, заметим, бывают разные. И Герцен с Огаревым были западниками, и Чернышевский, и Чаадаев. Но даже Чаадаев с его резкой критикой российской реальности оставался русским патриотом до конца своих дней. Но были и другие западники — такие, как доцент Московского университета В.С. Печерин. Он родился в 1807 году в селе Дымерка под Киевом, а умер в 1885 году в эмиграции, в ирландском Дублине. В историю он вошел вот с такими русофобскими стишками:

*Как сладостно отчизну ненавиждь
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу пробужденья.*

Швядкой на все упреки в том, что западничество в духе Печерина (а оно процветает на наших широтах) — явление для России разрушительное, отвечает: «Я считаю, что русская культура — великая культура, которой нечего бояться». Нельзя с этим не согласиться. Но означает ли это, что попыткам уничтожить ее на корню не следует давать отпор? Да и пойдя попробуй назвать вещи своими именами, как вся наша либеральная рать бросается искать защиты мирового сообщества, апеллируя к толерантности.

Наступление на все то, что свято для русского человека, не ново. Россия знакома с этим со времен Великой схизмы 1054 года. С тех пор волны русофобии бьют о наши берега то в форме легкого прибоя, то в виде разрушительного цунами. Последний тому пример — атака либеральной интеллигенции на всё русское, на всё святое для советского человека с началом горбачевской перестройки. Громили наши святыни, вытравливали в народе историческую память безжалостно. И так в этом преуспели, что на защиту советской власти никто, включая 18-миллионную КПСС, армию, милицию и КГБ, не вышел. Ее просто отменили и разошлись по домам праздновать Новый год. Это ли не образец толерантности, навязываемой нам Западом?

Не вспомнили наши ведущие либералы о толерантности и в 1993 году, когда составляли позорное «Письмо 44» в поддержку расстрела из танков по приказу Ельцина российского парламента. Там стоят подписи тех, кого называли «нашей совестью и надеждой» — от Беллы Ахмадулиной до Булата Окуджавы. А Василий Аксенов, присоединившийся к этому письму из Франции, вообще потребовал от Ельцина поставить к стенке всех тех, кого не удалось пристрелить в Белом доме.

Это наступление чуждых России сил продолжается по сей день. Только теперь писем уже никто не пишет, разве что строчат доносы на патриотов России, обвиняя их в «экстремизме». На контролируемом Швядким канале «Культура» используются самые современные средства манипулирования массовым сознанием в духе либерализма. Швядкой любит этот канал. Он его основал и с тех пор не покидает. Это — его заработок и его рупор.

С 29 ноября 2001 года по 5 июля 2017 года выходила в эфир передача этого телеканала в жанре ток-шоу «Культурная революция», которую вел сам Швядкой. О том, что это было за шоу, можно судить по названиям нескольких его выпусков: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев», «Русский фашизм страшнее немецкого», «Интеллигенция погубит Россию», «Без мата нет русского языка». Продолжением этого шоу стала программа «Агора» в том же духе: «Без вранья мир рухнет», «Чувство долга мешает жить» и т.д.

В уставных разработках «психологической войны» есть такой термин: «разложение тыла противника». Передачи Швядкого в духе «культурной революции» — яркая иллюстрация такого рода действий, направленных на идейную дезориентацию и развращение молодежи, пропаганду безнравственности и дискредитацию патриотизма, а по сути дела — на создание в России прозападной пятой колонны уже не в виде неких подпольных группок, а в массовом масштабе многомиллионной аудитории. Под видом критики «совка» Швядкой готовил контрреволюцию в умах, в менталитете постсоветского поколения. И он действует не в одиночку. Бывший министр образования РФ Фурсенко дал такую установку воспитателям постсоветского поколения: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования Человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя».

В 2005 году на посту главы Роскультуры Швядкой выступил в защиту постановки в Большом театре модернистской оперы Леонида Десятникова по либретто Владимира Сорокина «Дети Розенталя». Впервые со сцены Большого прозвуч-

чала нецензурная лексика, эротика заменила пластику, а гимнастика — танец. «Профессионалы, — писал критик И.В. Смирнов, — привлечённые по сугубо материальным соображениям к распространению похабщины, успешно освобождаются от творческой индивидуальности». Группа депутатов Госдумы выразила протест против использования нецензурной лексики и изображения маргинальных персонажей на сцене Большого. 4 марта 2005 года их поддержали сразу 293 депутата. Швыдкой лично защищал эту «оперу» от обвинений в порнографии. И таки отстоял. А известная критикесса умудрилась с его подачи написать, что «опера вписана в русло традиции классической русской оперы».

Швыдкой стоит и за постановкой балета «Нуриев» в Большом театре с режиссурой К.Серебрянникова. Почему для наших либералов, которых в народе неспроста зовут «либерастами», активная поддержка публичного профанирования русской культуры и продвижение сатанинской псевдокультуры гомосексуалистов стали едва ли не первостепенными задачами? Потому что, по словам Александра Афанасьева, «...нравственность составляет ядро культуры». Вот это ядро они и пытаются взорвать практически с момента зарождения либерализма.

Своими русофобскими геройствами Швыдкой давно рекомендовал себя в России как убежденный сторонник того центра, который великий русский философ Иван Ильин назвал «мировой закулисой». Именно она управляет сегодня либеральным интернационалом, который объединяет злейших врагов России в странах коллективного Запада и Востока и своих сторонников во всем мире, включая Россию. Со времен Гоббса и Локка либерализм, выступая под лозунгом защиты прав человека и гражданина, примерил великое множество масок и доктрин, дабы скрыть свою истинную суть и конечную цель. А она, как теперь очевидно, сводится к установлению власти над человечеством международной денежной и интеллектуальной элиты, именующей себя «либеральной». И если поначалу гражданское общество выполняло задачу защиты прав человека и гражданина, то в наши дни оно используется для захвата власти с помощью «цветных революций» (Египет, Ливия, Сирия), майданов (Украина) и «маршей протеста» (Россия, Армения и др.).

В глобальной структуре современного либерального интернационала Швыдкой, несмотря на все его претензии на роль некоего гуру либерализма, активно поддерживаемый подконтрольным либералам российским телевидением, — фигура незначительная. Он всего лишь, если использовать

терминологию Салтыкова-Щедрина, один из тех «гадов», сидящих в российской луже, не более того, несмотря на все его претензии. Масштабы, как и кругозор Швыдкого, больше местечковые и конъюнктурные, за что над ним откровенно издеваются даже его единомышленники. «Швыдкой умный, очень умный, но порой на него больно смотреть, — пишет А. Мельман, обозреватель «Московского комсомольца». — Потому что чиновник-интеллигент — это звучит гордо, но смешно (по-нашему, по-культурному). Он как Фигаро — слуга двух господ. Он должен пройти сквозь тонкую красную линию для того, чтобы остаться «лояльным тем, кто сильнее его, и быть филантропом, просветителем для всех остальных». Не тянет он ни на князя Мышкина, ни на Алешу Карамазова. Ни тем более на Великого Инквизитора, хотя и пытается всячески ему уподобиться, когда рассуждает, что «плохих людей не бывает. Бывают только недостатки в поступках...» Казалось бы, это вот и есть терпимость к заблуждениям и прегрешениям людским... Да и кто из нас без греха? Увы, не о том речь ведет наш культуртрегер. Речь идет о стирании граней не просто между плохим и хорошим, а между Добром и Злом. Борьба этих двух начал столь же давняя, как и земная цивилизация.

С той поры, как Христос в своей Нагорной проповеди сказал: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (от Матфея. 6—19), стяжательство и погоня за наживой отождествляются со Злом. Шекспир представил его в «Венецианском купце» в образе ростовщика-кровопийцы Шейлока, требовавшего со своего должника фунт его плоти, а Салтыков-Щедрин — с образом Иудушки Головлева. А Карл Маркс так сформулировал мировоззрение денежного человека в одной из своих первых работ — «К еврейскому вопросу», опубликованной в 1843 году: «Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека. Бог практической потребности и своекорыстия — это деньги. Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей. Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом... (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 409).

Маркса и при его жизни, и после не раз обвиняли за эти строчки в антисемитизме. Но для него категория *Judentum*,

равно переводимая с немецкого и как «еврейство», и как «торгашество», имела в первую очередь нравственный, этический, а не этнический характер. В «плавильном котле мира торгашества» евреи, по Марксу, настолько же стали христианами, насколько христиане — евреями, что было результатом отказа денежного человека от христианской этики в пользу денег, этого «ревнивого Бога Израиля», во имя стяжательства, наживы и культа потребления, а евреи, в свою очередь, пошли на отказ от обособленности, интегрируясь в деловые сообщества и гражданское общество христиан. «Реальная сущность еврея, — писал Маркс, — получила в гражданском обществе свое всеобщее действительное осуществление, свое всеобщее мирское воплощение». По-своему защищает Маркса от обвинений в антисемитизме даже «Еврейская энциклопедия». В статье о Марксе читаем: «Маркс никогда открыто не отрекался от этих выраженных в статье 1843 года идей, хотя в посвященном возникновению современного капитализма историческом обзоре «Капитала» евреи совсем не упоминаются. Это дало возможность многим последователям Маркса, стремившимся доказать, что Маркс не был антисемитом, утверждать, что содержащееся в его ранних работах (в том числе «Святом семействе») понятие «юдентум» («еврейство») — не историческое еврейство, а социальная категория» (Маркс К.Г. Краткая еврейская энциклопедия. — **Авт.**). Не могу с этим не согласиться.

По большому счету, работа Маркса приобретает сегодня весьма актуальное значение, потому что после распада Советского Союза Россия встала перед цивилизационным выбором: каким путем ей идти впредь? — западным, где доминирует Judentum, либо своим историческим путем Православия, освященным веками и пролитой русской кровью в защиту суверенитета России и единства Русского мира. Окончательный выбор Россия не сделала по сей день, хотя и пошла по капиталистическому пути развития. Сегодня она сталкивается с множеством цивилизационных вызовов — от военного, экономического, технологического, информационного и демографического до духовного и нравственного.

В целом Запад с его могущественным экономическим и военным потенциалом, с глобальной информационной системой дезинформации и фейковых новостей бросает недвусмысленный вызов России, который практически сводится к ее капитуляции и отрицанию базовых ценностей русской цивилизации. *«Единственно «значимое» в понятиях Вашингтона, соглашение, которое российское правительство могло бы заключить с США, — это отказаться от российского суверените-*

та и признать статус России как вассала Вашингтона. Сколько синяков должно еще получить российское правительство, чтобы осознать эту основную неизменную реальность?» — пишет известный американский экономист и публицист Пол Крейг Робертс, статью которого «Предает ли Россию ее интеллигенция?» газета «Слово» публикует в том же номере, что и статью А.Афанасьева. Конечно, перед лицом этого вызова Россия и в экономическом, и тем более в военном отношении не беззащитна. Но решающим в нашем противостоянии с Западом станет тот духовный, нравственный и в итоге мировоззренческий выбор, который должна сделать и сделает Россия. Кардинальным в этом выборе будет именно та сфера, в которой Швидкой чувствует себя как рыба в воде, — культура.

Сэмюэл Филлипс Хантингтон в своей знаменитой статье «Столкновение цивилизаций», опубликованной в 1993 году в журнале *Foreign Affairs*, писал: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Наиболее важные границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов. Грядущий конфликт между цивилизациями — завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире».

И вот тут возникает вопрос, поставленный ребром еще А.М. Горьким накануне Второй мировой войны: «С кем вы, мастера культуры?» Горький презирал либеральную интеллигенцию, называл ее «нянькой капиталистов», потакающей всем порокам буржуазии, которая по своей классовой сути «враждебна культуре и уже не может не быть враждебной ей». С кем *культуртрегер* Швидкой в этом противостоянии — давно уже ясно.

Ему, как и всем поборникам либерализма, приходится изобретать всё новые и новые методы манипуляции массовым сознанием, чтобы возвысить и обелить тот мир, которым правят деньги, т.е. тот «мирской бог», которому поклоняются все современные шейлоки, независимо от их национальности, и где истинному Богу нет места. «А там, где Бога нет, все дозволено», — писал Ф.М. Достоевский, сформулировав тем самым самую суть современного либерализма и его нечелове-

ческую, торгашескую суть. Вседозволенность — это и есть основа той «толерантности», за которую ратуют *культуртрегеры* от либерализма, впадая в богохульство и сатанизм.

«...Эгоизм блаженства, — писал Маркс всё в той же работе, характеризуя «моральный кодекс» торгашества, — необходимо превращается в своей завершенной практике в еврейский эгоизм плоти, небесная потребность — в земную, субъективизм — в своекорыстие». «Эгоизм плоти» и сатанизм активно культивируются в наши дни денежной элитой Запада. Так, в одном из самых закрытых филиалов «мирового правительства» — в Богемском клубе в Калифорнии, где собираются самые богатые дельцы Америки, регулярно проводятся оргии гомосексуалистов с приглашением мужских проституток. Ну а что творилось в Белом доме при Клинтоне, какие оргии устраивали в Голливуде — это уже секрет Полишинеля.

В России господа либералы всячески пропагандируют «новое течение в искусстве» с сатанинским уклоном — акционизм. Что это такое? В 2012 году панк-рок-группа Pussy Riot ворвалась в Храм Христа Спасителя и устроила там богохульский «панк-молебен». Участниц этой «акции» — Надежду Толоконникову, Марию Алехину и Екатерину Самуцевич — обвинили в хулиганстве и осудили на небольшие сроки. Уже в конце 2013-го все они вышли на свободу. «Акция» принесла им мировую известность. Акционизм был признан новым и прогрессивным направлением в современном искусстве. И вот в 2008 году шесть «акционистов» из арт-группы «Война», среди которых была беременная на девятом месяце Н. Толоконникова, которую теперь именуют не иначе как «концептуальный художник», устроили в московском Государственном биологическом музее имени Тимирязева акцию под нецензурным названием «***» (совокупляйся. — Авт.) за наследника медвежонка». Проще говоря, разделись и устроили публичную оргию. В своем интервью после этого безобразия Толоконникова заявила: «Я не считаю, что это плохая акция. Я не считаю, что она неправильная и аморальная, что за нее нужно стыдиться». «Акционистка» подчеркнула при этом, что считает себя пансексуальной: «Это и мужчины, и женщины, и пансексуалы, и квиры».

Еще один «акционист» — известный провокатор от якобы искусства Пётр Павленский, «художник-акционист», издает журнал «Политическая пропаганда», прибывает гвоздем свою мошонку к булыжнику на Красной площади. Сотрудники полиции его вежливо снимают с гвоздя и вполне толерантно отпускают. «Гений самоинсталляции» на этом не успокаивается и через некоторое время с наступлением тем-

ноты устраивает очередную «художественную акцию» — поджигает входную дверь ФСБ. И либеральная общественность, восхищенная столь «гениальным» воплощением протеста в реальность, бьетесь в истерике, требуя от общества толерантности в отношении этого «гения». Толерантность власти проявили и вместо того, чтобы впаять поджигателю всё, что ему положено по УК, помогли уехать во Францию. Там он решил повторить свой «шедевр» и поджог двери банка «Сосьете женераль». Его тут же скрутили и отправили в тюрьму. За свободу «художника» Павленского боролся весь либеральный мир. Его выпустили досрочно, не то сидеть бы ему во французской тюрьме по полной программе не менее семи лет. Да и в России за свой поджог ФСБ он отделался всего лишь штрафом за «порчу имущества». Не Швыдкой ли похлопотал?

К чему ведет подобный маразм, мы хорошо знаем из нашей истории. После Октябрьского переворота 1917 года у нас тоже была «культурная революция», проводившаяся одновременно с революцией сексуальной и «красным террором». Пушкина, Достоевского и Толстого «сбрасывали с корабля современности» и громоздили на этот «корабль» шарлатанские «шедевры» вроде «Черного квадрата» Малевича и стихи типа «Дыр бул щыл» А. Крученых. Свободный секс, в соответствии с революционной теорией «стакана воды» по рецепту товарища Коллонтай, вменялся в обязанность советским женщинам, в первую очередь членам ВКП(б) и ВЛКСМ. К чему бы привела эта вакханалия, если бы ее вовремя не остановили, — нетрудно догадаться: к тому же, что мы сегодня видим на Западе.

Французский писатель Николя Боннель в своей статье в журнале *Quatre veritas* пишет: «На Западе сатанизм превратился в официальную массовую культуру, и Запад готов на всё, чтобы такую защитить. Посылки на сатанизм скрупулезно подсчитаны и являются воплощением скрытого обличья гуманитарной демократии, которая в любой момент готова щедрой рукой сбросить бомбы на Сирию, Иран или пригрозить войной России. Мишенью является всё, что не вписывается в систему, но главной мишенью становится Православие.

Наши церкви препятствуют демонам устраивать свои праздники, и т.н. «демократы» приходят от этого в бешенство. Текущее *либеральное* общество желает ликвидировать всякий след чистоты и духовных корней. Оно хочет уничтожить даже саму память. Потому что идеальный потребитель — это тот, кто забывает, что именно он только что купил.

Отступим немного в прошлое. Советский Союз на Западе не пользовался уважением по причинам политическим, но

имелись также и причины культурного и художественного характера. Он производил не Поллоков, но художников, работающих в жанре фигуративной живописи; он производил не «Битлз», но Прокофьева, Шостаковича или народные танцы. Он не воспевал Люциферовой свободы. Теперь в той среде, где витийствуют *швидкие*, это считается старомодным и отставшим от жизни. Западная «культура» не является больше христианской культурой, она не укоренена в истории или земле данного народа. Она связана с «духовной» дрессурой людей, она абстрактна и рассчитана на поголовную массовость. У нее — точные глобализационные планы, ее историю можно прочертить от так называемой «современной литературы» до постклассического кинематографа.

Воцарение же наркотиков и контркультуры соответствует полицейско-политическому проекту, в котором черпал вдохновение Голливуд. Относительно сексуальной революции она была предписана как некое чудодейственное лекарство уже в «Дивном новом мире» Хаксли! Вылилась она в доступную всем массовую порнографию и в злобный рык политических авантюристов.

Обусловливание массового сознания начинается с детства. Ребенок превращается в жесткий диск и должен функционировать по заданной программе. Подростки, словно по ниточке, ходят за своим iPodом, гипержестокими видеоиграми и откровенным сатанизмом. Эта новая «культура» имела единственную цель — отупить молодежь на несколько поколений вперед, распространить наркотики, алкоголизм и нигилизм и таким образом превратить человеческие существа в шелуху, в тубик (youtube) для использования.

Философское наступление проводилось Америкой через рекламу, имеющую в своих истоках военную пропаганду, а затем — Франкфуртской школой с ее постоянной охотой за авторитарными фигурами. Также при помощи телевидения был внедрен образ гомосексуалиста, очернив при этом роль отца семейства, превратив женщину в серийную мадам Бовари с ее вечными долгами и разводами. Была дискредитирована традиционная семья, затем — сама идея нации, признанная фашиствующей, а за нею и цивилизация. О расе даже не будем говорить! Поэтому Россия и славянские народы должны уразуметь, что они шокируют Запад (на Олимпийских играх, например) своими белыми атлетами. Конечно же, совершенно произвольно, но все-таки шокируют!

Всё в западном мире уже пропитано праздным и игривым сатанизмом, и особенно — американские студенческие братства. Американские университеты превращают людей в су-

масшедших и в ницшеанцев. И их сообщества, их коды, их обряды посвящения сатанизму больше не скрываются. Они прорвались к власти в США и Европе, и они продолжают выставлять себя и свои элиты напоказ в полном расцвете Люциферовых крестовых походов».

Бонфель дал очень точный термин для обозначения современного характера столкновения западной и русской цивилизаций. Крестовый поход против России под стягом сатаны разворачивается по всем фронтам, но прежде всего в культуре. Ведь именно в этой сфере формируются духовность человека, его мировоззрение и его вера. Достоевский в своем «Великом инквизиторе» дал страшный образ врагов рода человеческого, которые издревле стремятся к мировому господству, сокрушая веру людей в Добро: «У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга... О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих». Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших!»

Не это ли тот самый «либеральный катехизис», в соответствии с которым разрабатывается стратегия столкновения цивилизаций? Нам всем надо научиться видеть за велеречивыми рассуждениями о толерантности и «общечеловеческих ценностях» их истинную суть — это всего лишь камуфляж, прикрытие планов завоевания мирового господства и порабощения славянских народов, уничтожения их культуры и государственности. Надо понимать, что мальчишам-плохишам от культуры вроде Швыдкого в этом противостоянии отведена та же роль, что и известному под этим именем герою сказок Гайдара-старшего: по первой же команде мировой закулисы организовать такой взрыв, который подорвет самые основы нашей культурной обороны от западного нашествия пошлости, сатанизма и гомофилии.

ГЕРАНЬ В РАСПАХНУТОМ ОКНЕ

РОМАН

12

Оказавшись у Марии, Володя не сразу пришёл в себя, посмотрел отвлечённо на всё, что произошло. А когда взглянул, то даже и тогда ему по-прежнему не верилось, что приезжала Елизавета, что Мария спасалась от неё бегством, что сам он разговаривал с сыном, с которым, правда, разговора не получилось. Ему в какой-то момент даже показалось сном, что он лежит рядом с Марией в её доме, в котором непривычно пахло кислым тестом и кошкой, норовившей пристроиться у них в ногах. «Хорошо ещё, что на подушку не лезет!» — раз за разом думал Володя о кошке и старался столкнуть её на пол; кошке это не нравилось, и она в отместку отмахивалась, даже оцарапала. И тогда он приноровился — сбрасывал кошку не голый ногой, а через одеяло, но кошка упрямо возвращалась, и, в конце концов, он отстал. Да и не до неё стало, особенно, когда Мария спросила, а потом и переспросила:

— Что теперь будет-то?

Кузнецов ответил не сразу, а будто собрав силы на усмешку:

Продолжение. Начало в №1-2 за 2019 г.

ПРОЗА

— Развод и девичья фамилия! Вот что! Даже самая захудалая жена не будет терпеть измену, а настоящая — тем более!

Мария вздохнула, хотела что-то сказать, но так и не решилась. Зато Володя неожиданно повеселел.

— Вздыхай, девка, не вздыхай, а весёлая жизнь нам обеспечена! Тем более что мы под постоянным наблюдением находимся. Сын-то сказал, что это Эльза доложила моей обо всём. Даже подсказала, в какой день надо приехать! Одного не пойму, от кого старуха всё это узнала?!

Мария в этот момент вспомнила, что сама как-то говорила, что была в гостях у дачника, пригласившего на чай, и что, наверное, с того откровения и пошли разговоры по деревне. Но даже если это и так, то она никогда не думала, что Эльза решится на пересуды! Ведь это самое последнее дело. За это ведь мужики по мордам бьют, а бабы волосья друг другу выдирают! И всё-таки почувствовав свою вину, Мария не отважилась признаться и сказала, будто не о себе, а о какой-то другой бабёнке, даже приврала:

— О нас с тобой давно сплетают... Ещё прошлым летом говорили, что, мол, я к тебе в баню бегаю...

— Может, и сплетают, — всерьёз принял враньё Володя, — но я что-то такого не слышал. Да и повода для этого не было.

— Повод всегда найдут... Они давно заметили, как ты туфли начал чистить... А теперь и вовсе держись. Ты, думаешь, просто так твоя приехала и уехала?! Как бы не так! За ней, поди, вся деревня следила: как в дом ломилась, как потом в Москву умчалась! Да и о том, что ты ко мне отправился, наверняка все бабки знают. Сейчас, поди, вокруг избы дежурство установили — ждут, когда от меня пойдёшь! Сейчас нам только стоит зажечь свет, как они врассыпную ломанутся по крапиве!

Володя рассмеялся:

— Долго же им ждать придётся! До утра оставишь?

— Оставайся. Теперь уж одно к одному!

Поговорив, они действительно включили свет, напились чаю с вареньем, а за столом сидели полуголые, и шторы не стали закрывать, словно дразнили возможных наблюдателей, от которых лёгкий тюль плохая защита. Правда, их озорство и нахальство сохранялось недолго. Когда вновь улеглись, Володя серьёзно сказал:

— Мне, Маш, после такого случая работу надо искать! От жены теперь денег не дождёшься, да и не обязана она меня кормить! Теперь самому о себе думать надо. Ну, может, и ты мне поможешь. Помнишь случай, когда в интернате чуть было сарай не сторел? Мне тогда ваш зам говорил, что у них

электрик натуральный пьяница, на работу не ходит, и они бы его давно выгнали, да заменить некем. Так, может, поговоришь с замом? Я бы смог. У меня и профессия подходящая!

— А что — это дело! — радостно поднялась на постели Мария. — Завтра же поговорю. Только не с замом, а с директором. Он как раз на днях приехал из отпуска, на каких-то океанских островах отдыхал!

— Вот и отлично получится!

— Молодец, что так придумал! — обняла Мария Володю, расцеловала его. — Вместе на работу будем ходить! Хотя — нет, не получится: я-то на кухню чуть свет через день убегаю, а ты будешь, как белый человек, к восьми приходишь, а ещё лучше на автобусе приезжать!

— Зачем на автобусе-то?! Два километра всего!

— Это ты сейчас так говоришь. А как дожди зарядят да деньжонки появятся, то по-другому запоёшь! Только зарплата у нас, сам понимаешь, не как в Москве. — И добавила веселее: — Зато обед почти бесплатный.

— Сколько бы ни платили, а всё равно деньги. Сейчас у меня никаких нет, честно скажу!

— Тогда тем более надо устраиваться! — подвела твёрдый итог Мария, словно теперь сама решала: принимать на работу Кузнецова или не принимать.

Утром так и сделали, как договорились ночью, хотя и наступила пятница — не самый благоприятный день для трудоустройства. Даже хотели вместе пойти, но когда проснулись, заговорили по-иному. Вернее, Мария застрашала:

— Со мной не ходи — чего такую рань потащишься? Всё равно никого из начальства нет. Часам к десяти подходи. К этому времени я постараюсь с директором переговорить о тебе, а пока ложись и досыпай.

— Чего спать-то, если уж проснулся, пойду к себе: проверю хозяйство. Всё равно домой надо заходить за паспортом.

— Смотри сам... Делай так, чтобы всё по уму было! — привычно, словно прожила с Кузнецовым всю жизнь, тараторила Мария; днём ранее была любовницей, а теперь стала женой.

Она хотела приготовить ему чай, но он отказался, зная, что ей чаёвничать некогда, а он и у себя спокойно позавтракает. Поэтому они сразу же вышли на улицу, но разошлись в разные стороны: она направилась к шоссе, а он на дальнюю окраину Ключей.

Дачу, ставшую теперь домом, начал оглядывать издали, словно за ночь в её облике что-то могло измениться. Но нет — ничего внешне не изменилось, или он ничего не разглядел в

свете уличного фонаря. Зато внутри показалось неуютно, пустынно и даже дико, словно за одну-единственную ночь здесь произошло что-то непонятное и невидимое, хотя всё оставалось на своих местах. Это ощущение не проходило всё это время, пока он варил рисовую кашу на сгущёнке, ею же заправил кофе. Завтракал без аппетита, словно по обязанности, как прежде, когда ходил на работу.

Добравшись до интерната, миновав проходную, где едва отбил от охранника, сказав ему, что идёт к директору устраиваться на работу, он сразу же заглянул в приоткрытое окно кухни, окликнул раскрасневшуюся Марию, крутившуюся около плиты. Макарова торопливо подошла, стеснительно улыбнулась и шепнула, хотя в кухне никого не было:

— Всё в порядке... Я говорила с Эдуардом Максимовичем... Он не против. Так что, — она взглянула на часы, — сразу иди к нему. Как зайдёшь с торца, где висит вывеска «Администрация», то слева увидишь его кабинет. Я ему о тебе кое-что рассказала, но ты и сам ещё раз расскажи!

«Вот бабы! — мелькнула у Кузнецова едкая мысль. — Так и лезут туда, куда их не просят!»

— Чего хоть наболтала-то ему? — спросил вслух.

— Ничего особенного... Сказала, что переехал человек на постоянное жительство, работу ищет по специальности...

— И ничего более? Ну, там про жену или ещё о чём?

— Ни-ни... Это меня не касается.

До директорского кабинета путь не долог, а даже короток, но Кузнецов успел подумать о том, о чём ранее, конечно, думал, но будто с запозданием, будто не о себе, а сейчас почему-то эта мысль вновь вернулась, стала своей. Ведь получалось, что он шёл устраиваться на занятое кем-то место! А чем он особенно заслужил его, тем, что поменьше выпивает, тем, что дисциплинированный и исполнительный. Но ведь это он только сам о себе знает. И как бы он поступил, будь на месте директора? Понятно, что тому надоело терпеть пьяницу, но ведь он и его, Кузнецова, знает лишь со слов Марии, а что она может сказать о нём? Практически ничего. Что, мол, желает работать. И это всё? Может, многие готовы бы работать на этом месте, да что-то не очень идут. И хорошо для Кузнецова, если нет желающих, а если есть, но не могут они перешагнуть какого-то местного хлыща? А он, значит, осмелился переступить. Ну, переступил, и что тогда? Ведь могут подкараулить и наkostenять, чтобы не совался, куда не просят. Кузнецов такой перспективы уж очень-то не пугался, но радости от неё всё равно мало. И более из-за того, что не хотелось наживать врагов ни в Ложкине, ни во всей округе.

Пока Володя рассуждал, оказался у металлической двери, сбоку от которой прилепилась табличка: «Администрация». Зашёл Володя в закуток, а в нём всего две двери — одна напротив другой: директора и его заместителя. Постучавшись, Кузнецов приоткрыл дверь в приёмную директора и услышал женский голос: «Войдите!» Володя вошёл, увидел брюнетку-секретаря со сверкающей бусинкой в носу и удивился, подумал, что секретари обычно бывают блондинками, улыбчиво сказал:

— Я к директору... Моя фамилия Кузнецов.

— По какому поводу?

— Трудоустройства.

Брюнетка взяла трубку, осторожно приложила к уху, украшенному то ли булавками, то ли мелкими шпильками, сказала:

— Эдуард Максимович, к вам пришли!

Вслушав, что ей сказали по телефону, секретарь кивнула:

— Проходите...

Кузнецов вошёл в кабинет, уселся на указанное место напротив директора, и хозяин кабинета показался в громоздком кресле не очень-то солидным, даже мелковатым, и непривычно смуглым. Сняв очки, он сказал:

— Слушаю вас!

— Моя фамилия Кузнецов, зовут Владимиром Николаевичем, вот мой паспорт... Прошёл слух по окрестностям, что вам нужен электрик, вот я и пришёл узнать что к чему. Может, думаю, понадобится!

— Вообще-то у нас имеется электрик... А что вас, конкретно говоря, подвигло на трудоустройство? Вы же в Москве живёте! Что — в столице работы не стало? Только почему-то все туда на заработки ездят.

— Так уж обстоятельства сложились... Живу сейчас в Ключах, и чтобы не скучать — решил поработать на благо Родины и местного населения. Ну и, конечно, своего собственного.

— Если живёте, то должна быть местная регистрация, хотя бы временная.

— А я буду из Москвы ездить! Ведь в Москву-то ездят работать из Сергиева Посада. Почему нельзя в обратном направлении? Народу меньше!

— А вы весёлый человек.

Директор снял трубку, спросил:

— Снежана, Евгений Анатольевич на месте? — И что-то, видимо, услышав от секретаря, попросил: — Пригласи его, пожалуйста!

Через минуту пришёл широкий в животе Евгений Анатольевич, сразу узнавший Кузнецова и подавший ему руку, как старому знакомому.

— Вы об этом человек говорили? — спросил директор у заместителя.

— Именно о нём. Две недели назад пожар предотвратил в интернате. Ответственный человек.

— На работу пришёл проситься ваш ответственный человек, а из всех документов лишь паспорт. Ни трудовой книжки, ни диплома или какого-нибудь свидетельства!

— Так на разведку же шёл! А «трудовая» в ближайшие дни будет доставлена, заодно и диплом о среднетехническом образовании. Только в Москву смотаюсь, — поторопился объяснить Кузнецов.

— И кто же вы по специальности? — спросил директор.

— Техник-электрик... После техникума всего в двух местах работал: сперва на заводе, потом специалистом по охран-ным системам. Так что — не «летун».

— Ну что, — переглянулся директор с замом, — берём?

— Надо брать... Весёлый человек, но ответственный.

Володя оживился от таких слов:

— Только, если будете оформлять, надо теперешнего электрика не обидеть. А то потом вражда будет. А мне это ни к чему.

— И нам тоже... Так что приходите с документами к концу следующей недели, а мы к этому времени всё сделаем так, как нам надо, да и вам будет потом спокойно работаться.

Вышел Кузнецов из директорского кабинета и готов был сейчас же ехать в Москву, но сразу погасил душевный порыв. «Нечего горячку пороть! После выходных съезжу, а пока надо к Марии зайти. Порадовать её».

— Ну и как? — спросила она, когда Володя выманил её из кухни в коридор.

— Вроде бы берут... Хотя надо будет в Москву съездить за документами. Без них веры нет.

— А жена? Не возьмёт в оборот?!

— Чего жена! Я в будни поеду, когда она на работе, потому что видеться, сама понимаешь, мне с ней никак нельзя. Пограничный конфликт может произойти.

— Сейчас-то куда?

— Куда же ещё — домой пойду, а вечером в гости жди. Никому обо мне не болтай. Чтобы разговоров не было лишних.

— Что ты, что ты, — замахала Мария тряпкой. — Никому — ни-ни!

Кузнецов торопливо чмокнул Марию и, развернувшись, вышел за дверь, почувствовав в себе новое настроение. Миновав ворота и кивнув на прощание охраннику, сонно смотревшему из-за мутных стёкол, Кузнецов вскоре вышел за посёлок и неторопливо зашагал в Ключи, почему-то впервые этой осенью подумав, что теперь возвращается не откуда-либо, а с работы! «Вот так-то, ребята! Пусть будет по-вашему! — заочно согласился Володя с домашними, но лукаво согласился, словно теперь что-то знал особенное, такое, чего никогда не узнать ни жене, ни сыну. — Вы забыли, какая у меня фамилия! С такой фамилией только и быть кузнецом собственного счастья. Так что теперь у вас своя жизнь, а у меня — своя!»

13

В Москву Владимир Николаевич собрался во вторник. В понедельник не поехал — день тяжёлый, да и народу много бывает. Добрался с Марией до Ложкина на автобусе. Когда она вышла на перекрестке, что-то шепнув на прощание, Кузнецов сразу в мыслях перенёсся в Москву, вспомнил внучку, представил встречу, хотя и не знал: одна ли она дома или, не дай бог, с Елизаветой сидит.

В Сергиевом Посаде Кузнецов вдруг понял, что отвык от движения машин, от людей, мелькавших на тротуарах, и теперь смотрел на всё городское так, словно никогда этого не видел. И вот конечная. Пройдя к железнодорожному вокзалу, купил билет, хотел за пивом скоротать ожидание, но передумал. Вспомнив о внучке, купил шоколадку.

Хотя и не долог путь до Москвы, но Володя успел о многом передумать, и теперь, даже если бы увиделся с женой, и та в глубочайшем раскаянии упала бы перед ним на колени с воплем «Прости!», то и тогда не стал бы с ней ни о чём говорить из-за обиды, которую она нанесла, даже, наверное, не заметив этого. При этом Володя уверенно опускал случай с Марией, то, что Елизавета застала его в постыдном положении, — всё это следствие, для него почти ничего не значащее, а первопричина, приведшая к этому, появилась два месяца назад, когда Елизавета повела себя неуважительно, даже хамски!

Выйдя из вагона на Лосиноостровской, Володя вскоре оказался у своего подъезда и застыл, увидев знакомую машину. Хотя был рабочий день, но сын почему-то находился дома, а Володе не хотелось встречаться с ним, чтобы не заводить пустых разговоров, которые обязательно закончились бы каким-нибудь обидным вопросом. Поэтому Кузнецов решил

прогуляться в отдалении. Наверное, полчаса кружил, даже замёрз, прежде чем дождался появления сына. Подойти, конечно, к нему не посмел и от обиды подумал: «Вот до чего жизнь людей доводит? Даже собственного сына начинаешь сторониться!»

Когда тот уехал, Володе ничего не оставалось, как отправиться к дому, хотя он и не знал, кто сейчас находится в квартире. Но теперь, кто бы ни находился, а идти за документами всё равно надо. Володя набрал код на входной двери подъезда, запищал зуммер, и дверь отворилась. Хоть в этом ничего не изменилось! Выйдя из лифта и прислушавшись, он услышал из-за двери своей квартиры слабые звуки скрипки, и на душе отлегло: внучка дома! Он не спешил открывать дверь, зная, что звонка она не услышит из своей «музыкальной» комнаты, а какое-то время слушал, как Ангелинка непостижимо ловко играет чардаш Монти. Чардаш этот никогда не нравился Елизавете, она всегда просила поиграть внучку что-нибудь другое, поспокойнее, но та всякий раз упрямо говорила: «Бабушка, я же с этим номером буду выступать на итоговом концерте!» Только напоминание о концерте заставляло жену смириться с «надоедливой», как она говорила, музыкой. Зато Володе этот чардаш всегда был в радость, от его звуков — то плавных и раздольных, то непостижимо быстрых — у него всякий раз замирала душа и он готов был слушать чардаш бесконечно, чувствуя, как душа наполняется волшебством и готова улететь к облакам... Когда Володя всё-таки оказался в прихожей, то, раздевшись и помыв с дороги руки, заглянул в кухню, обследовал комнаты — к своему удовольствию, никого не обнаружил и только потом, чтобы не перепугать внучку, постучался к ней. Когда звуки скрипки оборвались, негромко сказал:

— Гелька! Это я — дедушка! Слышишь меня?

Вместо ответа дверь приоткрылась, и Ангелинка высунула острый носик. Увидев Володю, закричала:

— Дедуля?!

— Я-я, — тоже заулыбался Кузнецов. — Вот приехал навестить. Какие у тебя успехи? Как нога?

— Нормально всё... Вчера гипс сняли. Так что я теперь без костылей хожу, сама! — щёлкнув языком, похвалилась внучка, направляясь к дивану в зале. И Кузнецову понравилось её настроение, хотя он и пожурил:

— А вот это, может, и рано... Что врачи-то сказали? В школе-то бываешь?

— Разрешили со следующей недели ходить. Но осторожно, с тросточкой, особенно, когда выпадет снег... — мягко опустившись на диван, пожаловалась она.

Володя подсел к ней.

— Ну, это не беда. Успеешь ещё, напрыгаешься — какие твои годы. Главное, музыку не забывай... А мне вот кое-какие документы понадобились.

— Жалко, что папу не застал. Он был недавно — мазь мне привозил.

— Как он? Всё нормально у него?

— Хорошо всё.

— А у мамы и бабушки как дела? А то ведь теперь редко видимся.

— Они работают... А бабушка на Новый год в Египет собирается.

— Ты-то поедешь с ней?

— Нет. Она говорит, что устала сильно, что нервы совсем испортились — ей надо одной побыть, отдохнуть от нас.

— Пусть съездит, — Володя не подал вида, что эта новость обидно всколыхнула. — Она несколько лет никуда не ездила: всё дача и дача. А летом я съезжу куда-нибудь. Вы все приедете летом в Ключи, чтобы хозяйство не оставлять без присмотра, тогда я и соберусь.

— Дедушка, тебе, наверное, скучно там? Бабушка говорила, что когда у меня нога заживёт, то она возьмёт с собой — тебя навестить. На даче так интересно. Как там норка поживает и ужи?

— Норка карасей гоняет, а ужей не видно — они давно в спячке. Теперь до весны буду дрыхнуть.

— Всё равно приеду. Там так интересно. Снегири скоро появятся!

— Приезжай, обязательно приезжай. Я буду ждать тебя!

Видимо, представив, как поедет к бабушке на дачу, Ангелинка раздумянулась, даже, кажется, разволновалась. Её детская непосредственность, далёкая от завидного положения, сложившегося в их семье, и, конечно же, скрываемого от внучки, заставила Кузнецова пожалеть о том, что теперь приходилось недоговаривать, почти врать.

— Ой, дедушка, ты, наверное, голодный с дороги?! — повзрослому спохватилась Ангелинка. — Я тебя сейчас чаем угощу и бутербродов нарежу. Но сперва суп надо поесть. Нельзя без первого!

Забота внучки понравилась Кузнецову, но будто по сердцу резануло невинное и заботливое слово «угощу»! Получалось, что теперь он стал гостем в собственной квартире, и неспроста Ангелинка сказала именно так. Значит, разговоры теперь о нём в семье идут, как о госте, а не о постоянном жителе. Мол, живёт дед где-то далеко-далеко и теперь лишь в го-

сти будет приезжать! Как чужой человек или, в лучшем случае, как дальний родственник.

— Хорошо, ты пока чай вскипяти, супа не хочу, а я документы посмотрю! — согласил Володя и поднялся с дивана, помог внучке, предостерёг: — Только не торопись!

Собрав документы, он уж собрался идти в кухню, но увидел тёмно-вишнёвую коробочку, в которой хранил золотой перстень-печатку — отголосок моды семидесятых годов. Володя в ту пору был холостым, соблазнился модой с товарищем, говорившим, что, мол, это кусок хлеба на чёрный день. И вот сейчас перстень попался на глаза, заставив вспомнить товарища. «А ведь он был прав! Теперь настал для меня такой чёрный день! В ломбард сдам, чтоб не валялся без дела!» Володя сунул коробочку с перстнем в карман и отправился в кухню.

— Вот, дедушка, всё готово! — весело и по-взрослому встретила его Ангелинка как настоящего гостя и указала на блюдо с бутербродами и чашку с чаем. Заглянув в холодильник, она достала формочку с холодцом и хрен с горчицей. — Руки мой и за стол садись.

— Ты меня накормишь! — с едва заметной стеснительностью сказал Кузнецов, словно действительно стал гостем в собственном доме, и подумал: «А что, так и есть! Прежде я всегда усаживал внучку за стол, заставлял руки мыть, а теперь всё перевернулось!»

Он сходил и помыл руки, не сказав внучке, что успел это сделать ранее, — не хотел лишать её инициативы. Пусть будет так, как она хочет, пусть считает себя хозяйкой в квартире, приучается к самостоятельности.

Хотя Кузнецов и проголодался к этому часу, но еда почему-то не привлекала. Казалось, что сидит он за столом тайком, пользуясь отсутствием старших, и ещё неизвестно, согласился ли сесть за стол, будь дома Елизавета? Скорее всего — нет! Ни за что!

Съев кусочек холодца, бутерброд с сыром, а главное, напившись чаю, поговорив с Алинкой и помыв по привычке посуду, Володя попросил:

— А теперь сыграй, пожалуйста, чардаш и я поеду.

— Тебе правда интересно послушать, как я играю? — загорелась глазами Алинка.

— Если бы не хотелось — не просил... Поиграй! Только негромко, с чувством!

Они прошли в комнату, затворили дверь, и внучка взяла скрипку, тронула струны смычком и замерла, словно прислушивалась сама к себе и тем звукам, какими сейчас порадует деда.

Кузнецов готов был слушать чардаш бесконечно, удивляясь волшебной мелодии, удивляясь умению внучки, когда она после медленного начала вдруг заиграла с такой невообразимой скоростью, nepocтижимо ловко перебирая тонкими, но крепкими пальчиками, что он даже не успевал за ними взглядом. Дождавшись окончания мелодии, Володя похвалил:

— Молодец! Так бы слушал тебя и слушал, но... — Он встал со стула, обнял внучку и ещё раз похвалил: — Молодец!

Он тяжело собирался, тяжело прощался с Ангелинкой и не хотел уходить, не зная, когда ещё увидит её, с каким настроением и чувством. Когда уж совсем собрался, поцеловал её в щёку, попросил запереть дверь за ним и никого посторонних не пускать в квартиру, кто что бы ни сказал. Когда уж переступил порог, вспомнил:

— Да, совсем забыл... Скажи бабушке, что я приезжал и взял кое-какие документы и перстень из комода. Теперь буду носить его...

— Хорошо, дедушка, скажу, — грустно пообещала внучка, словно знала, для чего и зачем дедушка всё это взял, а главное — почему!

А ему от её грусти и самому стало печально до невозможности, даже тоскливо. Поэтому и уходил в самом скверном настроении. Сохранялось оно до того момента, когда нашёл у метро ломбард, где за перстень выдали ему неожиданно много: почти четыре тысячи. Для кого-то деньги, может, и небольшие, а для него в нынешней ситуации очень даже неплохие. «Теперь вполне до полочки доживу, — радостно думал он, возвращаясь к железнодорожной станции, по пути кинув сотню на телефон, — надо лишь побыстрее устроиться на работу!» — решил Кузнецов.

В Сергиев Посад он приехал за полчаса до отхода своего автобуса и успел пробежаться по магазинам, чтобы купить кое-чего из продуктов и не останавливаться в Ложкине, а сразу проехать до Ключей. Может, поэтому обратная дорога показалась короче обычной — мигом доехал. А как вышел на своей остановке и зашагал сперва под горку, а потом свернул на деревенскую улицу, вдруг показавшуюся чуть ли не родной, то шёл по ней с непривычным чувством здешнего жителя.

Переночевав у Марии, Кузнецов заглянул домой, взял кое-какие инструменты и отправился в интернат. Директор принял без проволочек, а когда увидел в руках Володи пакет с

выпирающими отвёртками, даже улыбнулся, сказал как старому приятелю:

— Ну, что же... Пришли вовремя.

Кузнецов знал от Марии, что предыдущего электрика вчера уволили, когда ему предложили принудительное лечение от алкоголизма, а тот отказался, да ещё учинил скандал. Даже пришлось вызывать участкового. Лейтенант быстро утихомирил буйную головушку. Мол, ступай, парень, проспись хорошенько, а потом приходи за расчётом!

Кузнецов без лишних слов положил на директорский стол диплом, трудовую книжку, паспорт, даже военный билет и тихо сказал:

— Теперь, кажется, всё.

— Вот и хорошо. Как и было обещано, место электрика в интернате полностью свободно, и, пожалуйста, приступайте сегодня к работе. Мой заместитель по хозяйственной части введёт вас в курс дела, снабдит ключами от всех объектов и заострит внимание на проблемных местах. Это ясно?

Кузнецов кивнул.

— А к концу рабочего дня, когда в отделе кадров вас оформят, загляните ко мне за документами.

Эдуард Максимович связался с кем-то по телефону, пригласил:

— Зайдите, пожалуйста, Анатолий Петрович! — А Кузнецову объяснил: — Это мой заместитель по хозяйственной части, ваш непосредственный начальник. Так что поддерживайте с ним контакт.

Через несколько минут, познакомившись с завхозом, — опрятным, при галстукe, оказавшимся кучерявым, белоглазым, совсем молодым человеком, Владимир Николаевич собрался в ознакомительный обход территории, но прежде сказал:

— Хотелось бы иметь под рукой схему энергохозяйства. Ведь электричество такая вещь, которую за хвост не ухватишь, но знать, откуда и куда оно течёт, необходимо!

В каптёрке завхоз перерыл два стеллажа и начал по-стариковски ворчать:

— Это так необходимо? Ваш предшественник без всяких схем обходился!

— И я тоже буду обходиться, но сперва всё-таки хотелось взглянуть на неё и всегда в будущем иметь под рукой.

— Тогда давайте вместе искать.

Хозяйственник указал на одну из полок, а когда Кузнецов начал перекладывать бумаги, радостно вскрикнул:

— Вот оно! — и подал Володе лохматую пачку бумаг грязно-сиреневатого цвета, на которых почти ничего невозмож-

но было разглядеть. Правда, оказалось, что внутри бумаги не выщвели, схемы выглядели вполне прилично, и это радовало.

— Вот это мне и надо!

Анатолий Петрович, насмешливо, не по возрасту сразу прозванный Володей Петровичем, поспешно, будто куда-то опаздывал, назидательно напомнил:

— Будут проблемы — обращайтесь. Да, чуть не забыл... С сегодняшнего дня можете обедать в столовой. За это удовольствие будут вычитать деньги из зарплаты, но небольшие. Так что есть резон написать сейчас же мне заявление соответствующего содержания.

Кузнецов написал со слов хозяйственника нужную бумагу и с лёгкой, даже радостной душой отправился на дальнейшее ознакомление с территорией.

Всё или почти всё обойдя, отправился в столовую. Увидев Марию, спросил, где ему притулиться на обед. Мария замаялась, не зная, где усадить Кузнецова, но Володя твёрдо сказал:

— Не переживай, я подал прошение Анатолию Петровичу и буду теперь постоянно обедать на законных основаниях.

Мария сразу повеселела:

— Тогда другое дело! Иди в зал. Сейчас всё принесу.

Постаралась, конечно, Макарова. Принесла тарелку, всклень налитую борщом, несколько кусков мяса на второе, умело прикрыв их макаронами, а в стакан с компотом наложила абрикосов. Это, конечно, было хорошо, что у него свой человек работает в кухне, но всё равно Кузнецову сделалось некомфортно, стыдно, и чтобы никто не увидел щедрости Марии, он постарался всё побыстрее проглотить, потому что пререкался у всех на виду не хотелось. Пообедав, заглянул к ней и тихо сказал:

— Спасибо, дорогая, за такую заботу, но чтобы в следующий раз подобное не повторялось. И две порции вместо одной мне не подавай!

— Ну, ладно, ладно, — притихла Мария. — Хотела же как лучше...

После обеда Кузнецов более или менее разобрался в своей каптёрке, составил список необходимых расходных материалов. Занёс список Анатолию Петровичу. Кузнецов думал, что тот обрадуется, но Петрович погрустнел:

— Список-то составить легко... Но у нас бюджетная организация, не какая-нибудь частная лавочка, где всегда есть свободные деньги. Теперь надо ждать нового квартала. А когда он наступит? Правильно: после Нового года! Вот тогда, дорогой Владимир Николаевич, и пригодится ваш список!

— Как бы он ни удвоился к тому времени...

— Сейчас об этом пусть у нас с вами голова не болит. Пока работайте с тем, что имеется в наличии. А если уж создаст форс-м72ажор — тогда другой разговор, тогда пускай начальство решает проблемы... Да, кстати, как вы пообедали?

От вопроса Володя смутился, словно Анатолий Петрович знал, сколько Мария набухала ему в тарелки. И всё-таки не подал виду, сказал, как о чём-то привычном:

— Спасибо! Вкусно кормят у нас!

Хозяйственнику видимо понравилось выражение «у нас», и он улыбнулся так, словно сам лично накормил нового работника:

— Вот и прекрасно... Да, чуть не забыл... Надеюсь, у вас есть мобильный телефон? Если позволите, хотелось бы узнать номер. Это на тот случай, если в интернате, не дай бог, возникнут какие-то проблемы. Да и вы обращайтесь!

Распрощавшись с хозяйственником, Кузнецов вернулся, продолжил сортировать хлам, оставленный предыдущим работником. Два ведра набрал. Когда выносил к контейнеру — увидел Марию, спешившую с миской, полной остатков еды.

— Кому это?

— Найде... У неё шенок есть!

— Тогда вместе пойдём, познакомиться надо. А то сунулся к ней, чтобы проверить трансформатор, а она чуть не скушала меня! А с тобой-то не тронет!

— Тогда миску держи, сам покормишь её. Она сразу и привыкнет к тебе.

Действительно: когда Кузнецов пришёл к будке с Марией, то Найда заискивающе завертела хвостом, начала радостно подскакивать, норовя лизнуть Марию в щёку, не обращая при этом внимания на Володю. Когда же он поставил перед собакой миску с едой, то и его удостоила взгляда, правда, посмотрев перед этим на Марию, словно спрашивала у неё разрешения. А когда услышала от неё: «Свой, свой...» — то сразу набросилась на еду.

Кузнецов улыбнулся:

— Голод — не тётка. Уговаривать не будет.

— Щенята всю иссосали. У неё недавно выводок был... Охранники одного пока оставили.

Когда они повернулись, чтобы уйти, Найда тактично замахала хвостом на прощанье, немного проводила их — и скорее к миске.

— Какая умница! — удивился Володя. — Догадливей иного человека! — Кузнецов будто случайно глянул на Макарову и ухмыльнулся: — Домой-то вместе, что ли, пойдём?

— Чтобы все увидели?

— Да и так уж, наверное, все знают, что живу у тебя. Иначе чего бы тебе возиться со мной, на глаза начальству лезть!

— Что правда, то правда! Этого не отнять.

— Да ты не бойсь... Теперь рано темнеет, так что как разведчики пойдём, скрытно.

До той минуты, когда Макарова расправится с кухонными обязанностями, оставалось время, и, чтобы не слоняться, Володя продолжил наводить порядок, и, видимо, увидев свет в его каптёрке, заглянул Анатолий Петрович, удивился:

— Владимир Николаевич! День-то рабочий у вас заканчивается ровно в семнадцать! Забыли, что ли?

— Помню... Надо, пока в охотку, повозиться, а потом обленюсь, жиром оплыву — с места не стронете!

Хозяйственник многозначительно улыбнулся, обо всём догадавшись:

— Ну, если есть такое желание... Это не возбраняется. Да и самому же потом легче будет. И вот ещё что: директор просил передать вам документы. Трудовая книжка теперь, естественно, хранится в канцелярии. Так что поздравляю!

— С меня причитается! С первой полочки, как и положено, «поляна» за мной!

— Ну ладно, ладно, — отмахнулся Анатолий Петрович, а сам заулыбался потаённо.

Хозяйственник ушёл, а Кузнецов сунул документы в куртку и подумал: «А что: надо будет действительно стол собрать! Чтобы всё по-настоящему было!»

От мысли, что он становится своим, Володя окончательно проникся добрым настроением и теперь ждал появления Марии, а когда дождался, то отправился вместе с ней в Ключи. Когда они оказались за посёлком и пошли тропинкой вдоль шоссе, по которому изредка проносились машины, Володя хмыкнул:

— Ловко у меня сегодня получилось: не успел устроиться, а уж обедом накормили!

— Я старалась! — вставила словечко Мария, но Кузнецов не оценил её реплику.

— Вот этого как раз делать не надо было, хотя и понимаю тебя! — сказал он сердито. — Что потом будут люди говорить? Что Кузнецов стариков объедает? Хорошая слава, ничего не скажешь! — Пристыженная Мария замолчала, видимо обидевшись, а он остановил её, обнял и, поцеловав, предложил: — Давай не будем людей дразнить и давать им поводы для сплетен. Буду стоять на раздаче в общей очереди со всеми рабочими, а ты более не выходи ко мне в зал! Поняла?

Он поцеловал её и пожалел, что тропинка узка и приходилось идти след в след, а то пошли бы в обнимку, чтобы чувствовать друг друга.

У Ключей они остановились и долго смотрели на ранние звёзды, повисшие в холодном чёрном небе, словно отражавшиеся в колодезном дне, и Кузнецову показалось, что звёзды совсем рядом, что они его соседи, а сам он тоже жилец космоса. Вздохнул:

— Правда красиво?

— Пошли, а то задубеем! — сказала Макарова заботливо, но грубовато, и сразу отбила охоту любоваться звёздами.

К утру следующего дня погода сменилась. Вместе с северо-западным ветром пришёл циклон, и на Ключи выпал первый снег. Сколько уж видел Кузнецов в своей жизни таких зазимков, но каждый год они почему-то воспринимались по-новому, каждый год удивляли и волновали воображение, притягивали воспоминания, и тогда он весь день ходил под впечатлениями детства и тех давних чувств, которые всё-таки казались более острыми, чем теперь, — незабываемыми. И всё-таки Кузнецову почудилось, что с приходом всё изменившего зазимка и жизнь его теперь станет иной, и он постарался более не думать о событиях осени. Ведь это было так давно. А теперь — зима, а зимой и мысли всегда иные.

15

Через два дня снег растаял, а новые мысли и новая жизнь остались.

До первых выходных Кузнецов успел сходить на работу всего-то трижды, а уж казалось, что всю жизнь топтал тропинку до Ложкина. Володя вспомнил, что почти неделю не навещал дачу, жил так, будто забыл о ней, будто она оказалась лишней и безмерно тяготила. Поэтому, когда проснулись и попили чаю, сказал Марии без всякой охоты, словно подневольный:

— Пойду, дом протоплю...

— Давно бы надо. А то дождёшься — все трубы полопаются, — заботливо поторопила она, словно пеклась о своём добре.

— Не с чего им лопаться... — сердито отговорился Кузнецов, словно Мария давно и настырно вмешивалась в его дела и мысли. — Морозов-то настоящих не было.

Он и на улицу вышел в таком же недружелюбном настроении. А тут ещё встретил Немку. Старуха тяжело поднималась на порядок от ручья с тазом застиранных тряпок, и ей, видно, было не до разговоров. В другой раз Володя поинтересовался

бы, попытался расспросить её, но после всего того, что он теперь знал о ней, с ней было даже здороваться противно.

На даче всё показалось чужим, леденящим; в ней даже запах изменился. В прежние годы всю зиму стояла на замке — и ничего, а тут несколько дней — и, пожалуйста, от плесени не продохнёшь! Плянул на подоконник, а герань почернела и поникла, словно побывала под снегом. Когда-то он принёс черенок от сестры, и на зиму отвозил к ней разросшийся куст на хранение. Теперь же, хотя и жил в Ключах, — не углядел, закружившись. Володя всегда любил этот цветок, его горьковато-сладкий, сложный аромат, его ярко-алые округлые лепестки, почему-то особенно казавшиеся радостными, когда, опадая, устилали подоконник, как ковром. Володя подолгу не разрешал их убирать, и красовались они до полного своего усыхания.

Сейчас Кузнецов попытался отогреть дыханием обмякшее, узловатое растение, а потом сразу же начал топить печь. От смолистой бересты щепы быстро занялась красноватым, густым и коптящим пламенем, вскоре торопливо загудевшим за чугунной дверцей. То ли от гудевшего огня, то ли от суеты, Володя разогрелся, скинул куртку, включил чайник и заварил кофе, заправил его двумя ложками сгущёнки и сидел, чуть приоткрыв дверцу, неторопливо отхлёбывая кофе и поглядывая на беснующийся огонь. Красота! Сколько мыслей и дум в такие минуты проносится в голове. Он принёс ещё охапку дров, когда прогорела первая, начал подметать пол от древесного мусора и не услышал, как во двор дачи заехала машина, лишь услышал, как что-то стукнуло или упало на веранде. Выглянул туда, а навстречу Елизавета с сыном, и оба загадочно улыбаются. Вот так номер! Опять внезапно нагрянули! И это сразу не понравилось Володе.

— Чего вы всё проверяете-то меня? Ещё раз хотите враспloch застать? — не сдержался и укорил он вместо приветствия. — Проходите, если приехали. Чего застыли-то?

Лиза зашла первой и сразу передёрнула плечами:

— Чего так холодно-то? И дыма напустил — все занавески почернеют.

Володе бы промолчать, но он не сдержался:

— Ругаться, что ли, прискакала? Как без тебя хорошо было!

— А ты радуешься этому, делаешь, что душевнечке угодно! От всего устранился, даже семья не интересуется! — сняв куртку, укорила Елизавета.

Володя поздоровался с Алексеем и ответил жене на обидный укор:

— Почему же... Недавно ездил в Москву, внучку навестил.

— «Навестил»... Это так теперь называется? Перепугал девчонку, играть заставлял. Зачем неволил-то?

— Если считаешь музыкальное упражнение внучки неволей, тогда зачем учить её чему-то. Пускай по улице шляется, там быстрее найдёт себе занятие по душе. Ты этого хочешь?

Пока они пререкались, сын не вмешивался, а когда они начали укорять друг друга, поднялся и вышел, видимо, чтобы не мешать и чтобы не быть свидетелем. Без него Елизавета воодушевилась, демонстративно надела куртку.

— Чего здесь холодно-то у тебя? — повторно спросила она. — Или в другом месте живёшь, в тёплом гнёздышке?!

— А если и так, то что мне грозит?

— Разве не понимаешь? Развод! Какая порядочная жена будет терпеть открытую наглость, из-за которой мне теперь стыдно пройти по Ключам. А тебе, видно, всё равно, совсем совесть потерял... Из дома начал тащить! Куда заныкал перстень золотой? Не молчи, мне Гелька всё рассказала!

— А я и не скрывал этого, сам попросил доложить тебе. А почему взял именно перстень? Так он является личным ювелирным украшением и не подлежит дележу в случае развода! Сдал его в ломбард, потому что просить у тебя денег на жизнь не намерен. А то наобещали: «Будешь жить на всём готовом!» Ну и что? Двух месяцев не прошло, как зубы на полку положил... Я и документы взял и теперь устроился на работу, чтобы не зависеть от вас. Поняла? А деньги за перстень мне могут дожить до получки!

Неожиданно Елизавета улыбнулась:

— Ну и что же это за работа такая?

— Тебе-то какое дело! Я же не выспрашиваю, чем ты занимаешься? И ты в мои дела теперь не лезь. А то всю жизнь руководила. Доруководилась, хватит!

Лиза ничего более не сказала, поднялась над столом, за которым нервно мяла сухую хлебную крошку, посмотрела в окно и, не увидев сына, спросила у мужа:

— Лёшка-то куда-то делся? Машины нет! — Елизавета выскочила на веранду и быстро вернулась, сказала Володе, словно обрадовала: — Наверное, домой укатил, если сумку с продуктами оставил.

Кузнецов тоже заглянул на веранду, а вернулся действительно с тяжёлой сумкой и запиской, которую снял с входной двери. «Вы пока отношения выясняйте, а я поехал домой. Завтра вернусь», — прочитал Володя записку Елизавете и спросил:

— Специально, что ли, подстроила, хитростью хочешь чего-то добиться, как всю жизнь добивалась? — и поспешил до-

бавить, когда Елизавета попыталась что-то ответить: — Это ты умеешь! Только теперь вся хитрость на виду!

Елизавета промолчала, а, позвонив сыну и наткнувшись на отключённый его номер, сказала:

— Алёшка-то оказался умнее, больше думает о нас, чем мы сами о себе. Так что хватит ругаться. Сейчас сварю обед и останусь ночевать, если уж сын нам такую возможность устроил.

— Оставайся, только если что-то серьёзное надумала — бесполезно! Ни на какую проверку не поддамся!

— К Машке уйдёшь?..

— Не важно...

— А я не пушу.. Закрою дверь и всю ночь буду использовать тебя! Готов к такому повороту семейных отношений?

— Гребостно ведь будет...

— Ничего, ради великой любви к тебе стерплю! — с вызовом выкрикнула Елизавета и неожиданно расплакалась: — За что так невзлюбил-то меня? Что я плохого сделала?

— Где-то ты хитрая, на пять ходов вперёд видишь, а здесь оказалась близорукой. Или куриная слепота напала? Помешала увидеть и понять, что всю осень я ждал от тебя внимания. Ничего более. А ты же всякий раз относилась по-хамски, как ничтожного холуя оставила для охраны. Мол, мужик сделал своё дело — дачу построил, теперь его надо прочь гнать, как пчёлы в конце лета гонят трутней из улья. А чтобы те не трепыхались и не вернулись — крылья им подгрызают! И ты поступила со мной так же...

Володя сделал паузу, а Елизавета сразу вставила словцо, даже два:

— Всё высказал?

— Нет, — ухмыльнулся он, — лишь малую часть того, что хотел сказать. Но добавлю лишь только то, что баб хватает и без тебя. Одна такая сразу же нашлась на твоё место, и очень даже радуется этому.

— Чего же ты тогда пришёл-то от неё? Вот и жил бы с ней, если у вас такая любовь!

— Дом свой прогреть, чтобы было, где жить на старости лет.

— Никакой он не твой, а общий...

— Формально это так, но по сути — мой. А чтобы вы с сыном не совсем уж расстраивались — меняю его на свою приватизированную долю в квартире. Думаю, по цене это примерно сопоставимо.

— Молодец, ловко придумал!

— Молодец не молодец, а всё так и получается. Любой скажет, едва узнает нашу историю. Только немножко не расчи-

тала: думала, на коленях буду ползать перед тобой, а я на работу устроился, независимым человеком стал. Вот так-то!

— Ну, если ты такой независимый у нас, то мне здесь делать нечего. Сама на автобусе уеду! А ты здесь оставайся, продолжай бомжевать, только легче тебе от этого не станет.

— Езжай — удерживать не стану! — вроде бы радостно и воодушевлённо сказал Володя, но всё-таки слегка растерялся от дерзких слов Елизаветы, понимая, что, если она уедет, это будет окончательным разводом, пусть пока и формальным. Чтобы скрыть растерянность и смущение, он опустил ся на колени перед топкой, подбросил в горячее нутро оставшиеся поленья.

Кузнецов почти не обращал внимания на быстрые сборы жены, лишь будто бы случайно косился на её покрасневшее лицо и разбухшие от слёз блестящие глаза, и ни жалости, ни сострадания не испытывал. Совсем уж собравшись, Елизавета в дверях остановилась, спросила:

— Где квитанция-то из ломбарда? Давай сюда — Лёшка выкупит твой перстень, чего добром разбрасываться!

— Вон, на полке лежит, — указал глазами Володя, — возьми, если уж ты такая кредитная! — подсказал он и понял, что Елизавета, хотя и устроила демонстративный отъезд, но окончательно отношений разрывать не хочет. А по нему — хоть бы и разорвала.

Он был готов в этот момент всё ей отдать, лишь бы уехала, не мотала нервы. А она, затолкав квитанцию в сумку, действительно торопливо вышла на веранду, закрыла за собой дверь. Володя — на цыпочках к окну: хотелось понаблюдать и удостовериться, что Елизавета отправилась на остановку автобуса. Но она никуда, видно, не торопилась. Замерла под навесом крыльца и долго стояла, о чём-то задумавшись. И он понял, что никуда она не собирается уезжать, а решила поиграть на нервах. Что вскоре и подтвердилось.

— Я раздумала! — объявила она, вернувшись и начав снимать одежду. — А то у тебя уж очень лёгкая жизнь, как погляжу, получается. Любой каприз сбывается. Захотел — к другой бабе начал шляться! Захотел — дачу на долю в квартире поменял, а забыл, что половина дачи моя, и половину эту ты у меня никогда не выкупишь.

Володя понял, что если не остановить жену, она будет казнить бесконечно, потому что быть палачом сейчас ей очень и очень приятно. Поэтому молча оделся, незаметно проверил в карманах куртки ключи, нащупал документы, в которых, между прочим, хранились деньги, потому что Елизавета мог-

ла их запросто умыкнуть вместе с документами, и шагнул к выходу. Перед дверью всё-таки не удержался, сказал:

— Оставляю тебя одну, чтобы не мешаться наслаждаться своей половиной дачи!

Она что-то в ответ пробормотала, он даже не попытался вникнуть в её бормотание и поспешно, не желая и единого слова более тратить на бесконечную грызню, вышел на свежий воздух. На улице сразу почувствовал, как горят щёки и не понял, от чего именно: то ли оттого, что сидел у печки, то ли от нервного возбуждения. Но сейчас не время разбираться с внутренним состоянием — захотелось поскорее вернуться к Марии. И ещё появилось одно желание: выпить, расслабиться, чтобы забыть нервотрёпку последнего месяца.

Поэтому зашёл к Устюжаниной, державшей на случай собственной кончины, помимо смертного узелка, два ящика водки. Об этой заначке никто не знал, кроме Кузнецова, да и он-то узнал случайно, когда однажды менял у неё в чулане заискривший выключатель и наткнулся на укрытые дерматиновой ящики. Зная, что Устюжанина занимает в Ключанском правительстве пост силового министра, ещё пошутил тогда: «Конфискат, что ли?» Слово «конфискат» Наталья не особенно поняла, но по интонации поняла, что Кузнецов шутит, и если уж обнаружил её захоронку, то предложила выпить, нехотя достав из ящика пыльную бутылку. Да, тогда они свели всё к шутке, а сейчас Кузнецову было не до весёлости. День только начинался, а у него уж руки-ноги тряслись от нервов, так что сто пятьдесят сейчас совсем не помешали бы!

Он легко влетел на устюжанинское крыльцо, громыхнул щеколдой, вломился в сени. И сразу в лицо — запах хлеба и мяты, ну точь-в-точь, как пахло в детстве в их доме! Этот нектати вернувшийся вкус детства остановил, заставил на секунду задержаться, заставил оглядеться и принюхаться... Вспомнив, за чем пришёл, Кузнецов стукнул для порядка в дверь, распахнул во всю ширь и крикнул, словно Устюжанина слыла глухой:

— Есть кто в избе?

— Есть, есть! — услышал он торопливый ответ и увидел вышедшую из-за перегородки худющую, коротко остриженную под «горшок» хозяйку.

Она осмотрела с ног до головы Кузнецова и крикнула за перегородку:

— Мария, Владимир Николаевич пришёл!

От слов хозяйки он сразу погрустнел. Получалось: шёл за одним, а нашёл другое! Заглянул за перегородку, Мария и в самом деле сидит у стола за чашкой чая.

— Чайку с нами выпьете, Владимир Николаевич? — предложила хозяйка.

Но что Кузнецову чай в этот момент, когда у него в мыслях вилась совершенно иная затея, но теперь об этом не скажешь. Стыдно говорить. Ведь не алкаш же он какой-нибудь. Да и перед Марией неловко. Поэтому сказал так, словно знал, что она находится именно здесь, чаёвничает с хозяйкой:

— В следующий раз о чае подумаем, а сейчас пора об обеде позаботиться, а то вы что-то засиделись! Пойдём, Маш! Все дела сделал, теперь можно по супчику вдарить!

Мария внимательно посмотрела на него, заулыбалась и тотчас выскочила из-за стола. Когда вышли на улицу, спросила:

— Как нашёл-то меня? А то я увидела, что твои приехали, ну всё, думаю, прощай Володя! Сейчас жена в оборот возьмёт, на ночь останется! О чём говорили-то?

— Да ни о чём. Ругались... Хватит об этом.

— Правда, что ли, знал, что я у Натальи сижу?

— Откуда мне знать? Случайно зашёл, хотел бутылку взаимы попросить, выпить с горя захотелось! Да не получилось — пришлось форс держать из-за тебя!

— Не горюй! Бутылочка и у меня найдётся, а выпьем мы с тобой не с горя, а от великой радости! Понял?

— Понял, понял — как не понять! — будто нехотя проворчал Кузнецов, и ему в этот момент захотелось напиться допьяна, но объяснять Макаровой ничего не стал.

Всё равно бы не поняла, что творилось у него на душе в эти тревожные минуты.

16

Уж чего-чего ожидала Елизавета от мужа, но только не позорной наглости. Это надо догадаться, чтобы пропитаться таким нахальством, чтобы среди дня бросить жену и уйти к любовнице! Тем более на виду у всей деревни! Местным старухам это только в радость, не надо по телевизору смотреть хохмачей — здесь своя хохма, забавнее всех вместе взятых телевизионных забав.

В какой-то момент у Елизаветы мелькнула мысль позвонить Эльзе Немке и попросить узнать что-нибудь о Володе: куда, мол, пошёл, к кому и зачем? Но стыдно стало даже перед Немкой, хотя часто говорила с ней, но то было, когда звонила из Москвы. Объяснимо вроде. А как теперь объяснить свою просьбу? Ведь любая бабёнка посмеётся над ней, поймёт, что она полная размазня, что, приехав навестить мужа, не может удержать его.

— Нет, не будет этого! — громко и вслух сказала Елизавета сама себе, вспомнив Немку, заклиная себя на выдержку и безразличие. — Не буду ни перед кем унижаться. Набегается — сам приползёт. Вот тогда уж я оторвусь на нём, заставлю ноги мне мыть, а после ту воду пить.

В разобранных чувствах она упала на диван и лежала какое-то время, ничего не соображая, пыталась и не могла связать мысли концами, чтобы они сплелись в одно цельное: правильное, крепкое и надёжное. Елизавета могла бы пролежать на диване недвижимо весь день, но от бегущих размышлений оторвал телефонный звонок. Звонил сын. Едва услышав его голос, она спросила:

— Ты где? Что случилось? Почему уехал, ничего не сказав?!

— Дома я уж, дома... Надоело слушать вашу ругань. Может, думаю, без меня быстрее помиритесь! Отец-то где?

— На улице, в гараже что-то делает! — соврала Елизавета. — А я занавески снимаю, надо в Москве постирать. Чего им тут до весны коптиться?

— Когда за тобой приехать-то?

— Завтра... Хотя чего мотаться туда-сюда. Доеду сама. А вы там Ангелинку не забывайте, а то целыми днями девчонка одна!

Слова матери, хоть и показались ему сердитыми, но в них он почувствовал надежду на мирный исход родительской войны.

Елизавета отключила телефон, подумала: «Хочешь не хочешь, а надо делом заняться!» Но прежде чем снимать занавески, решила попить чаю, вспомнив, что привезла Володе круг колбасы. Правда, колбаса показался невкусной, хлеб непечённым, чай с неприятным привкусом. Поэтому почти ничего и не съела: кое-как осилила бутерброд и два-три глотка чая. Но ей и этого хватило, чтобы немного отвлечься, загореться работой и новой мыслью: «Вот вернётся Володя, надо будет с ним картошечки пожарить. Да и о карасях не забыть. Остались ещё, наверное!»

Занавески она снимала более не для того, чтобы постирать в Москве, а чтобы оголить комнаты, чтобы впредь, если мужёнок приведёт лахудру, весь он с ней был на виду. Пропылесосила затоптанный ковёр, полила цветы. Хотела выбросить поникшую герань, но поостереглась, зная, как Володя любит этот цветок. К этому моменту дача прогрелась по-настоящему, и невольно в голове одна мысль сменяла другую: «Ну, чего нам не живётся спокойно? Ведь всё же есть: тепло, уютно, но нет — надо ему кочевряжиться, Ваньку из себя ломать!

А кого удивит этим? Ведь чужие люди только посмеются да поиздеваются, если, не дай Бог, пожалуешься им. Взять ту же Немку... Ну зачем она мне, что толку от её стукачества? Она, конечно, следит за порядком, когда нас нет. Но ведь её услуги были нужны, когда Володя не жил постоянно! Если бы не она, глядишь, и никакого скандала не было бы, и никто бы знать ничего не знал!»

Мысли её шарахались из крайности в крайность, но она так ничего и не придумала конкретного. Знала только, что сдаваться нельзя, а нужно бороться за мужа. Но делать это не нахрапом, а постепенно и не сейчас, а когда с него пройдёт первый любовный пыл. Эта мысль её даже рассмешила: «Посмотрим-посмотрим, насколько тебя хватит, женишок!» Она окончательно успокоилась и наполнилась радостью будто бы свершившегося мщения, но так и не дождавшись муженька, легла спать и незаметно уснула. Правда, спала тревожно и проснулась рано, задолго до хмурого рассвета; или это расцвет так поздно наступил. Глянула на часы — так и есть: почти девять часов! Хотя чего волноваться-то, если спешить некуда.

Елизавета медленно и долго раскачивалась, приходила в себя после вчерашних бурных разговоров, прислушивалась к непривычной тишине, в которой даже не было слышно каких-либо часов. И эта пустынность вдруг заставила подумать о незавидности жизни в таком доме, она вдруг поставила себя на место мужа, можно сказать, не по собственной воле оставшегося здесь в одиночестве. Кому-то оно в радость, а Володю придавило неподъёмной тяжестью, что походило на правду. И Елизавета окончательно простила бы мужа, если бы он сейчас находился рядом, а не искал утешения на стороне. Но его не было, и это обидное и до невозможности нестерпимое обстоятельство не могло сразу прояснить чувства и позволить легкомысленно отнестись ко всему, что произошло.

За завтраком она согрелась, и теперь не так печально и сердито смотрела на всё вокруг, понимая, что от её желаний ничего в один миг не изменится. Надо смириться и ждать лучших времён. Она даже придумала это «лучшее время», вспомнив о новогодних каникулах, когда почти на две недели можно будет приехать сюда всей семьёй, привезти Ангелинку, которая к тому времени окрепнет. Мысль о зимних каникулах окончательно согрела Елизавету, и собиралась она на автобус без вчерашнего отчаяния и без сегодняшней утренней тревоги, зная, что в жизни появилась путеводная звезда. Отправляясь на шоссе и проходя чередой изб, очень хоте-

ла увидеть Володю, скрывающегося в одной из них. Она даже знала, в какой именно. Шагая мимо неё, — шла с гордо поднятой головой, даже не позволив себе посмотреть на чужие окна, лишь чуть незаметно покосилась, не утерпела, но никого не увидела.

Зато её прекрасно видел Кузнецов, случайно заметив из глубины комнаты; Мария была на работе, а он дожидался её, тоскуя от одиночества. Увидел Володя жену и пожалел, что посмотрел в ту сторону — уж лучше бы вовсе не видел: тогда, глядишь, легче на душе было бы, и без того измученной в последний месяц. Ведь не скажешь никому о своих мыслях и чувствах, ни с кем не поделишься, потому что никому не нужны чужие проблемы, когда у всех хватает своих. А ему очень хотелось встретить такого человека и всё ему рассказать. Он даже вспомнил Никанора Аристарховича, гревшегося в этот момент в Крыму. Что бы теперь сказал художник, узнай о том, к чему сам подталкивал? Но Болотного рядом не было.

После обеда Кузнецов сходил к себе, проверил оставленную женой дачу: выгреб из печи золу, включил обогреватель, работавший на бесплатном электричестве, так как *минус* обогревателя был подключён к замаскированному заземлению. Правда, мощности котла обогревателя хватало лишь на то, чтобы не разморозить трубы. Для настоящего тепла была печка, которую изначально клали тогда, когда ни о каких котлах и мыслей не имелось. Об этом потом догадались. Неожиданно заметил, что Елизавета снимала занавески, и не понял: то ли она начала вывозить с дачи добро, то ли взяла постирать. Зная жену, её характер, Володя решил, что сделала она это из-за вредности, чтобы показать, что именно она здесь настоящая хозяйка! «Ладно, будь пока ею, — подумал Кузнецов, — а дальше посмотрим, как всё сложится!»

17

Через день-другой после визита жены Кузнецов мало-помалу забылся, осваиваясь и привыкая к новой работе. Главной заботой в эти дни была возня по замене скруток и «жучков», оставленных в наследство предыдущим электриком. Более или менее освоившись, облазив чердаки и подвалы, он посчитал, сколько нужно заменить метров проводки, сколько необходимо иметь в запасе лампочек, выключателей, изоляции и многого другого. Обо всём сказал Анатолию Петровичу, а чтобы он не забыл его слов, подтвердил их списком необходимых материалов. Тому это, видимо, не особенно понравилось:

— Я, конечно, доложу о списке, но только до Нового года ничего не получится с материалами. Я же говорил!

Кузнецов по опыту знал, что не любят подчинённые до-саждать начальству просьбами, тянут с решением любого вопроса, особенно поступившего от нижестоящего работника, до крайнего срока или какого-нибудь случая, например, до пожара! Поэтому, догадываясь о возможной «скромности» хозяйственника, как-то встретив директора интерната, Кузнецов прямо сообщил ему, поздрававшись:

— Эдуард Максимович, на днях я довёл до Анатолия Петровича список самого необходимого и прошу вас не забыть о том списке. От этого зависит пожарная безопасность интерната!

— Спасибо, я в курсе, Владимир Николаевич. При первой же возможности закажем необходимые материалы... Я рад, что не ошибся в вас, радуется ваше неравнодушие.

Кузнецов буркнул «спасибо», а сам так и остался неуверенным до конца, что его просьба будет исполнена вовремя. «Будь что будет, — подумал он, расставшись с директором. — Я своё дело сделал, пусть теперь они делают своё».

Если не считать мелких забот, то жизнь у него после отъезда Елизаветы более-менее наладилась. Он помаленьку перезнакомился со всеми работниками интерната, знал нескольких обитателей в лицо. Даже сдружился с Найдёнышем, как он прозвал щенка Найды. Толстенький чёрный щенок с багряными подпалинами неделю назад раскрыл глаза, и теперь, надолго оставляемый матерью, выбирался из трансформаторной будки на снег и, греясь, носился по нему. Если замечал Кузнецова, всегда угощавшего чем-нибудь вкусным, то вприпрыжку скакал за ним на коротких ножках. Когда же какой-то приبلудный кобель, похотливо носившийся за Найдой, ни с того, ни с сего тяпнул щенка, то Володя принёс его к себе в каптёрку. Щенок взвизгнул, когда Володя обработал ему ранку йодом, но быстро забыл о боли, как только он налил ему черепушку молока. Когда щенок поспал и окончательно отогрелся, то попросился на улицу. Кузнецов думал, что только теперь и видел его, а он, проветрившись, и не думал более возвращаться в холодную трансформаторную будку.

— Вернулся, говоришь? Ну, тогда заходи, ещё молочка налью!

Щенок напился и вновь устроился на понравившейся дерюжке.

— Ладно, оставайся! Жди меня здесь до утра! — сказал Кузя Найдёнышу. — Только учти: будешь плохо вести себя — завтра останешься на морозе куковать!

Володя на всякий случай всё же предупредил охранника на проходной:

— Братан, если при обходе территории услышишь шум за моей дверью, то не пугайся, — попросил он молодого, плохо выбритого парня. — Это я там оставил щенка малого. Чего ему в будке мёрзнуть.

— Иди, иди — заботливый! — отмахнулся сонный охранник и уткнулся в журнал, украшенный цветастыми женскими картинками.

Возвращался в Ключи Кузнецов в этот вечер один, и все мысли его были о щенке. Даже о Марии не думал так много, как о Найдёныше. Почему-то казалось, что судьбой они оба очень походят друг на друга: оба одиноки и несчастны. «Как подрастёт, надо будет его домой переселить — пусть дачу охраняет!» — думал Кузнецов.

Когда добрался до Марии, они привычно поужинали, а потом хозяйка устала в телевизор, а он не знал, куда себя деть. Мария это заметила, обняла, прижалась, а ему от её прижиманий ни тепло, ни холодно. Обычно. Так и лежали под пледом: вроде бы вместе, но далеко друг от друга. В мыслях Кузнецов почему-то о Найдёныше думал больше, чем о ней. Неожиданная хандра весь вечер преследовала Володю, и не понять было, почему она привязалась.

Зато, проснувшись, сразу обо всём догадался: вчера он скучал по Найдёнышу, переживал за него, оставленного хотя и в тепле, но в одиночестве, а что такое одиночество — Володя успел узнать в последние месяцы. Чтобы не оттягивать встречу с Найдёнышем, Володя даже отправился на работу вместе с Марией.

Как и следовало ожидать, Найдёныш устроил беспорядок: пролил черепушку с молоком, намочил пол в нескольких местах. Настрадавшись за ночь от одиночества, Найдёныш безвольно ткнулся в дерюжку и спал, забыв обо всём на свете. Все последующие дни Володя сверял по Найдёнышу, словно жил только для него.

А они летели один за другим, и он не заметил, как прошёл слух о скорой получке. В этот день, как и обещал, Володя решил организовать стол. Заранее договорился с хозяйственником отметить свою первую получку в его кабинете и позвать директора, его зама, секретаря, бухгалтера, начальника охраны — всё руководство. Все обещали заглянуть, правда, директор сразу отказался, сославшись на нехватку времени. Володя вроде бы погрустнел, потому что по опыту знал, как неплохо иметь дело с начальством, но хозяйственник успокоил:

— Не переживай, Владимир Николаевич! Эдуард Максимович ни к кому не ходит! У него такое правило! Он равноудалён от всех!

Кузнецов ничего не стал уточнять, а как получил деньги, сразу отправился в ложкинский супермаркет, как громко назывался главный местный магазин. Взял вроде бы всего понемногу, но два пакета набил под завязку, начиная от водки и вина и заканчивая мандаринами. Несколько тысяч израсходовал. Собрался выходить, да какой-то мужик, перемигнувшись с дружкой, задержал, спросил, ухмыльнувшись:

— Значит, первую получку получил, поляну решил накрыть — прогибаешься перед начальством!

— Слушай, кто ты есть, чего тебе надо? — спросил Кузнецов и на всякий случай взял пакеты в одну руку.

— Электрик я, которого ты выжил! С тебя причитается!

— Никого я не выживал и ничего с меня не причитается! — резко сказал Володя, решив помуржыжить надоедливого мужика, и нащупал в кармане отвёртку, которую начал носить в последний месяц.

На них начали обращать внимание, и, чтобы не позориться на людях, Володя позвал:

— Пойдём, на улице договорим!

Они вышли, и дружок за ними. Володя опустил пакеты на снег.

— Ну, говори! А ты, мужик, уходи в сторону, не лезь не в своё дело!

— Ты не командуй тут, командир набеглый!

— Кто набеглый? Да ты, сосунок, ещё не родился, а я уж по Ложкину за девками бегал! А то, что тебя погнали из интерната, — сам виноват. Пить сперва научись!

— Да я тебя... — взъярился мужик и подступил к Володе, и быть бы драке, да тут вмешалась какая-то бабёнка.

— А ну, отзынь, Васька! Ты что на брата кулаки сучишь! Отзынь, говорю!

И только тут Кузнецов признал в разнимавшей бабёнке сестру. Володя в душе обрадовался неожиданному появлению Веры, но виду не подал, не показал радости противнику, сказал, как о несостоящем:

— Ничего особенного...

— Вижу — «ничего особенного»! А ты, — напустилась она на мужика, — иди домой, нечего здесь отираться! Мать бы свою пожалел! — И к брату: — Вовремя я пошла встречать тебя! Пойдём! Разговор есть!

Кузнецов не понял, зачем понадобилось сестре его встречать, об этом прямо и спросил, когда отошли в сторону:

— Зачем понадобился-то?

— Да так я просто сказала, чтобы увести тебя от греха подальше. Нашёл с кем связаться. Этот Вася Климов, как и вся их порода, только и ищет повода, чтобы подраться. Чего ему было нужно?

— Выпить захотелось... Мол, я выжил его с работы. А сегодня получку получил — самое время потребовать отступную.

— Не связывайся больше с ним, держись подальше — его вся местная шпана знает... Куда столько накопил-то? Манюню свою, что ли, кормить?

— Первую получку с начальством отметить.

— Это куда ни шло, а то подумала, что Манюню подкармливаешь. Она и так при интернате отъелась. Зачем с ней связался-то?

— С чего ты взяла?

— Да уж ладно, не прикидывайся прошлогодним снегом... Знаю, сообщили! Да и Елизавета звонила, просила поговорить с тобой. А я всё никак не соберусь. Чего у вас случилось-то?

— Да ничего — характеры испортились на старости лет.

— Всю жизнь душа в душу, а теперь-то что? Или на подвиги потянуло? Правду Елизавета говорит, что нельзя мужиков одних оставлять.

— Ну, если она такая умная, чего же она меня оставила?

— Доверяла тебе, а ты вон как поступил!

— Тебе ещё не то наплетут — слушай больше, да от себя в таком случае чего-нибудь прибавь и пусти вдоль посёлка, чтобы все знали! Ты этого хочешь?

— Хочу я, милый мой, спокойствия, чтобы все люди жили правильно и понятно... Хотя чего там... Тебя вот шпыняю, а у самой-то тоже радости мало. — Неожиданно Вера заговорила о самой себе и своих проблемах: — Настя-то моя после Нового года насовсем возвращается, говорит, жизни не стало, муж-то её кучерявенький вторую жену привёл.

— Нечего было туда ездить! А то наши девки с ума посходили — сладкой жизни хотят! Куда хочешь уедут — лишь бы пообещали горы золотые. И ладно бы какие-то неграмотные, а то ведь с образованием. При советской власти стремились, понять можно, потому что всегда сладок запретный плод, а сейчас-то чего туда ломаются?

— Настя-то давно уж уехала, внучку Майклу пятнадцатый год идёт, совсем большим стал.

— Майк, Майкл — противно слушать! Трудно было Михаилом назвать первого ребёнка, в честь деда, как в старину на Руси всегда поступали!

— Так ведь не она одна имя-то выбирала... Пооди, мужёнёк её помогал, да, может, и родственники нашептали.

— Родственники... Только читать-писать научились, и сразу — по-английски: Май-кл... Отца-то как зовут? Небось, какой-нибудь чунга-бунга?

— Тоже Майклом... Да он нормальный, врачом там у них работает.

— Чего же не работать, если тамошним аборигенам можно одним порошком и живот и голову лечить. А помрёт если кто — так боги на небо забрали... Ты его хотя бы самого-то видела?

— Конечно, когда Настя с ним расписалась и приезжала из Москвы. Они тогда университет заканчивали... Нормальный он.

— Нормальный... Ему в самый раз с копьём по джунглям бегать, а он на нашу девку глаз положил!

— Ну ладно-ладно — разошёлся! — остановила брата Вера. — Хулить-то легче всего. Не перекладывай свои заботы на других.

— Не перекладываю, не перекладываю... Пошёл я. А то уж, наверное, ждут мои архаровцы.

Кузнецов расстался с сестрой хотя и раздражённым, но не оттого, что племянница не по-доброму возвращается в Россию. Раздражало другое — что сестра завела разговор о Елизавете, а он в последнее время и думать о ней забыл. Тем более — сегодня, когда не хотелось копаться в прошлом, когда мысли роились только о предстоящем застолье.

Когда все уселись за столом, он встал с поднятой рюмкой, привлекая к себе внимание, и посмотрел по очереди на зама и хозяйственника, назвав их по имени-отчеству, улыбнулся Снежане, в которой не было ничего снежного, и кивнул объёмистой бухгалтерше, готовой наброситься на еду:

— В этот тёплый вечер холодного времени года мне хотелось высказать присутствующим своё искреннее расположение и благодарность за то, что приняли в очаровательный коллектив и почтили вниманием сие скромное собрание. Обещаю, даже торжественно клянусь, что подниму электрическое хозяйство нашего предприятия на необыкновенную технологичную высоту! — как по писаному известил Кузнецов.

— Какой дипломат вы, Владимир Николаевич! — удивился и явно порадовался за Володю Евгений Анатольевич и захолопал в ладоши, затряс полными щеками. — Уважаю мудрых людей!

Их посиделки подходили к концу, когда кто-то робко постучал в дверь, потом посильнее, все не сразу обратили внимание на стук.

— Войдите, кто там?! — приказал хозяин кабинета.

Дверь слегка приоткрылась, и в щель заглянула Мария. Увидев её, Володя жестом позвал, а Анатолий Петрович озвучил его стеснительное приглашение:

— Мы заждались тебя, Мария! Проходи!

Мария бочком мелькнула в кабинет, скинула пальто и пугливо присела к столу рядом с Володей.

— Владимир Николаевич, поухаживайте за дамой! — попросил заместитель директора.

Кузнецов не стал ни отказываться, ни шутить, зная, что все в интернате знают, что живёт он у Марии. Наливая ей вина, он встретился с ней взглядом, словно сказал: «Не утерпела, засветилась?» А она будто не заметила ничего, сказала компанейски:

— А что же я одна? Так не по-нашему!

Пришлось Володе поухаживать за всеми, а когда рюмки были наполнены, он неожиданно сказал:

— Предлагаю выпить за Марию Викторовну! Это она привела меня сюда!

— За Марию, за Марию! — раздался голоса.

— И за Владимира! — каверзно добавила бухгалтер: — За обоих!

Кузнецов словно заразился её каверзой и, когда выпил, пошутил:

— самого главного не сказали... — И сделал паузу. — «Горько» не кричали!

— Тогда наливаем ещё по одной и исправляем ошибку! — предложил заместитель директора.

Володя действительно разлил, но перед тем как поднять рюмку, сказал:

— Всё, момент упущен, и выпьем по-серьёзному. Я благодарен за всё, что вы для меня сделали!

Гости пошумели-пошумели, якобы проявляя недовольство от отказа публичного лобызания, но приняли условие Кузнецова, понимая, что прозевали потеху. Начали потихоньку собираться. Женщины быстренько смахнули со стола в пакеты остатки пиршества для Володиного Найдёныша. Володя распрощался со всеми, заглянул к щенку и отправился с Марией в Ключи. Когда вышли за Ложкино, какое-то время молчали, словно обдумывая разговоры за столом, а потом Мария неожиданно толкнула Володю плечом:

— Что пригорюнился-то, жених? Или испугался семейной жизни?

— Да я уж теперь пуганый — не испугаешь! — остановился Володя и, ничего более не сказав, крепко обнял Марию,

впервые, наверное, поцеловал её от души, а она от его поцелуя по-настоящему растаяла на морозном ветру.

18

Макарова и без дополнительных слов, скажи их Володя, поняла бы, что сегодня у него настроение изменилось в самую лучшую сторону. Ведь получку получил, перспектива появилась, а то ведь всё молчит и молчит. Она догадывалась, что его тревожило и угнетало в последнее время, и поэтому не лезла с расспросами, не пыталась навязывать своё мнение, зная, что если всерьёз мужик надумал связать с ней жизнь, то и мысли у него должны быть серьёзными. Ведь это не шутка — уйти из семьи! Да на виду у всех, со скандалом и позором, можно сказать! Не каждый согласится на такое и не каждый способен выдержать подобное испытание. А он крепится, не поддаётся обстоятельствам. Теперь явно минула эта скользкая и непонятная пора неопределённости, если уж им собиравшись кричать «горько»! Понятно, что шутили, находясь под хмельком, но ведь не осуждали, не сторонились ни Володю, ни её саму. Прежде-то она и думать не могла, чтобы попасть за один стол с начальством, а ныне сами пригласили. И не отвернулись, не зевали равнодушно, а улыбались и веселились все вместе. Мария понимала, что всё делалось ради Кузнецова, но даже если это и так, то, значит, своим поведением показали отношение к нему, можно сказать, приняли в компанию. Так что теперь всё в жизни закрутится по другому закону.

Но как Мария себя ни успокаивала и ни настраивала на новое отношение к жизни и своему Володе, всё равно тревога до конца не ушла из её сердца. Она прекрасно понимала: пока Кузнецов состоит в законном браке, всё это — как бы они ни выкрутасничали — несерьёзно, на потеху другим. Люди-то какие: им бы лишь найти причину для зубоскальства. Макарова это знала, знала, что надо всегда держаться подальше от подобных людей. Ведь не раз приходилось сталкиваться с ними в жизни. И пусть обстоятельства и всякого рода ситуации были обычными бытовыми склоками меж соседями, но и они многому научили. Ведь не девчонка давно, шестой десяток жизни пошёл! Опыта хватает. Это вот только с Володей она не знала, как вести себя, потому что никогда, пока был жив муж, не попадала в подобные истории, и теперь сама не рада была последним событиям, хотя понимала, что почти всё, что теперь происходит, — происходит помимо её воли. Она хочет поступить как-то по-своему, а, хоп,

и всё катится в другую сторону, да так быстро, что не успеваешь ни сообразить, ни за что-то уцепиться, чтобы остановиться и одуматься.

Вернувшись домой, они лишь попили чаю, но за столом сидели долго, и разговорам не виделось конца, даже планы начали строить. И так у них всё складно и легко получалось, особенно у сменившей настроение Марии, что даже сама удивилась.

— А что?! — восхищённо улыбалась она. — Разве не сможем вместе наладить жизнь? И зачем нам какая-то дача? Правда, Володь? Зачем она, когда у меня дом крепкий — сто лет простоит! — говорила Мария и удивлялась своим мечтам. А чтобы сразу же не угасли они или Кузнецов не сумел их разогнать, торопливо продолжала: — Нам ведь не два века жить. Богатств нам больших всё равно теперь не нажать, да и не нужны они нам. Нам здоровья побольше бы, да чтобы никто не мешал, не становился поперёк! Правда?

От её здравых рассуждений, опережающих течение событий, Володя понял, что Мария намного умнее, чем кажется при первом погляде, понял и то, что она в этот вечер полна романтического порыва, но ещё не факт, что эта девчоночья мечтательность сохранится до утра. «Вот наступит оно, тогда можно будет сказать что-то определённое!» — решил он. А чтобы не огорчать Макарову и не разбавлять её игривое настроение, её мечты о будущем своими кислыми рассуждениями, похвалил и поддержал, хотя и с сомнением к совместно-му будущему:

— Молодец, Маш! Кто же откажется от спокойной жизни, только, сдаётся мне, не всё так просто получается: как захотел, так и сделал! Надо сто раз оглядеться да подумать. Ведь не бывает так, что всю жизнь говорил и делал одно, а вдруг круто переломил себя и начал жить по-другому. Это, конечно, возможно, спорить не буду, но всё равно необходимо какое-то время, чтобы все шероховатости сгладились, и тогда сомнения отпадут сами по себе, им просто не останется места. Так что давай будем жить так, как живётся, а там уж видно будет!

— Значит, ты не любишь меня! — обиженно отвернулась Макарова.

Кузнецов понял, что она кокетничает, но всё-таки повернул к себе и, увидев на её глазах настоящие слёзы, удивился:

— Ой, какие мы нежные! Чуть ветер с дымком — у нас глазки защипало!

— Я же к тебе со всей душой, от сердца всё говорю, а тебе хаханьки...

Володя придвинулся к Марии, обнял её, чувствуя, какая она теплая, мягкая и домашняя, и долго ничего не говорил. Ему были приятны её легкие вздрагивания. Он понял, что она из той породы крепких духом женщин, которые навсегда остаются однолюбками. И если бы не гибель мужа, она жила с ним и жила, и никто и никогда не посмел бы кинуть камень в её огород. А теперь это легко сделать любому, даже начинающему негодяю. Ведь никто не защитит её, не скажет доброго и бодрого слова. Хотя сын есть и дочь, но где они, когда дождётся от них заботы и тепла? И то ли это будет тепло? А дети — они и остаются детьми. Если и позвонят когда, то поговорят две-три минутки, да ещё летом приедут, внучат покажут. Но и этого удовольствия стали лишать её в последние годы. Теперь, если какая свободная неделька у детей, они сразу на заграничные курорты отправляются. Родные Ключи им не нужны, а ведь не понимают того, что у них жива мать, что она ждёт их, собирает деньжонки на подарки.

Подумав о Марии и её детях, Володя вспомнил своего Алексея. Он-то не лучше других. Ни о чём с ним не поговоришь, не раскроешь душу. И самое хорошее в сыне — это его детские милые проказы. А как подрос, то и близко не подходит. На всё у него своё мнение, ко всему своё отношение. Ладно, это неплохо. А как же общение с родителями? Что потом вспомнит об отце, когда доживёт до зрелых лет? Как тот катал его на спине да учил ездить на велосипеде? Но этого мало. Ведь если начинал вспоминать сам Володя, то его-то воспоминания мчались бурной рекой. И почему-то отец остался в воспоминаниях более чётко, чем мать. И это, наверное, так и должно быть, если у мамы одна забота: накормить да постирать, да вылечить при болезни. А у отца, как у любого мужчины, взгляд на жизнь был намного шире, подчас он становился необъятным. При нём, при его твёрдости характера — душа всегда трепетала, поднималась на необыкновенную высоту. И вот что удивительно: она не боялась этой высоты, потому что рядом чувствовался отец, который всегда поддержит, подскажет, как поступить в той или иной, даже самой дрянной ситуации. Это так и было. А как будет теперь, что вспомнит его, например, сын, сможет ли ощутить невидимую поддержку? Вопрос. И большой, и вряд ли когда разрешимый. Так и будут мужики, подобные Алексею, всю жизнь держаться за материнскую юбку.

Володя вдруг понял, почему они с Марией тянутся друг к другу! Не из-за любовных ласк, нет — этим их не удивишь! Скорее всего, от одиночества, от горького ощущения брошенности, которое не выражено явно, но оно существует,

они о нём знают и делают вид, что ничего не происходит особенного, что такая же петрушка в каждой, считай, семье. За примером ходить далеко не надо. Взять их же Ключи, с маскарадным местным правительством, придуманным старушенцями себе на потеху. Придумали и посты: «премьер-министр», «силовой блок», «социальный»... Кто не знает, о чём речь, — не поймёт, а когда поймёт, то долго будет хохотать. А что значат чужие усмешки для той же Эльзы Гринберг по прозвищу Немка, официально носящей звание старосты, или Устюжаниной, или Анны Кузьмичёвой, которая, если, не дай Бог, кто-нибудь захворает, первой спешит на помощь! Да ничего! Смейтесь себе на здоровье, если ничего не понимаете. А у них в деревне от такой придумки постоянный порядок, до которого недостижимо далека местная администрация, расположенная — страшно сказать — в Ложкине! Всего-то два километра, а кто-нибудь навевывался из администрации, кто-нибудь спросил, как живут местные бабульки? Почтальонка раз месяц пробежит, пенсии раздаст — вот и вся власть, вот и вся забота! А чтобы, например, кому-то крышу поправить или общий колодец починить — ни-ни, никого не дождёшься. Это хорошо, что года три назад Володя да Аристархович отпускников организовали и всем миром выкопали новый колодец. Правда, под бугром, и подниматься от него старухам очень даже неспособно, особенно в ненастье да в зимнюю пору. Вот и ходят они с полведёрком воды по нескольку раз на дню; хотя и такому колодцу рады, хоть что-то есть. Это Мария помоложе и ей полегче, но, видно, и ей несладко живётся, если привязалась к чужому мужику и готова ради него терпеть постоянную обиду и унижения, а того не понимает баба, что, сколько ни разевай рот на чужой каравай, он так и останется чужим. До той самой поры, пока что-нибудь не случится по-настоящему серьёзное. Такое, после чего всё перевернётся с ног на голову. Но пока ничего подобного не происходило и покрылось необъяснимой и унылой тяготиной, от которой имеется лишь одно лекарство — время. Только оно может правильно расставить всё по правильным местам, а пока...

А пока Володя прижался к Марии, успешно досмотревшей очередную серию какого-то сериала, а теперь задремавшей, и шепнул, словно боялся испугать громким голосом:

— Маш, пора укладываться.

Она глянула шалыми глазами, сладко потянулась и радостно вздохнула:

— Пора, мой дорогой!

Наутро она встала вместе с Володей, приготовила ему на завтрак омлет, и это очень понравилось Кузнецову. Даже и не сам завтрак, а неожиданная забота, которой он давно не удостоивался. Перекусив и попив кофе с молоком, Володя поцеловал хозяйку и пожалел ее:

— А теперь ложись и досыпай.

— Не усну более. Сейчас нагрею воды и стиркой займусь — чем-то надо заниматься в выходной. Да и тебе ходить стало не в чем!

Володя хотел ей сказать, чтобы не колготилась, что он сам вполне может постирать у себя на даче, где есть стиральная машина, где и с водой не надо мучиться... Хотел, но не сказал, чтобы случайно не обидеть Макарову. Ведь скажешь, а потом и сам будешь не рад. Пусть уж будет так, как она хочет, если ей это приятно.

Вернулся вечером Володя, а перед ним на столе стопка выглаженных рубашек, а брюки у печки разрогатились — сушатся на стуле. И Мария вокруг юлой вертится, ждёт похвалы. Как тут будешь скупиться? Похвалил, обнял и поцеловал, притворно удивился, кивнув на рубашки:

— Даже и погладить успела?

— Зря, что ли, утюг чинил! Чего же ему без дела ржаветь?

— Во-во... С утюга всё и началось! — улыбнулся Кузнецов и поцеловал Марию, окутавшую его ароматом духов из герани. Духи она готовила сама, но Володя в это не верил.

19

Уют и понимание пришли к ним совершенно незаметно. Что бы они ни делали — всё делали с желанием помочь друг другу, сказать какое-то особенное похвальное слово, какое не произносили до этого, а теперь оно вдруг само собой просилось на язык. А когда всё в жизни спокойно, то и время бежит своим чередом. Как-то хватились, а уж надо к Новому году готовиться. Хотя им-то без малых детей забот поменьше.

Вспомнив о Новом годе, Кузнецов невольно подумал об Ангелинке. Неплохо бы было узнать, будут ли наряжать в семье ёлку? «Наверное, будут! — решил Володя. — Гелька совсем ведь ребёнок! Пусть порадует, отвлечётся!» Хотя в последние годы не только жизнь изменилась, но ёлки стали наряжать по-иному: электрическими гирляндами — и только. Ну, ещё мишурой обольют! А он, помнится, мастерил с сестрой игрушки из картона, разукрашивал картонных зверей, птиц и рыбок яркими красками... Теперь этим не зани-

маются. Всё — покупное. И конфеты не вешают, даже в тех семьях, где есть дети. Зачем, когда их полная ваза. Да, всё изменилось.

— А что мы загадаем под Новый год? — спросил Володя у Марии в очередной выходной, вернувшись с дачи, где немного протопил печку, полил герань, даже и среди зимы заалевшую цветами, словно цветок знал, что у Володи всё более или менее наладилось.

— Пока не будем загадывать... — уклончиво ответила Макарова, потому что сразу вспомнила недавний звонок дочери, её обещание приехать на новогодние каникулы, и пока ничего не говорила об этом звонке Кузнецову. — Не дети малые, чтобы хороводы водить вокруг ёлки.

— Ну, конечно! Наварим холодца, картошки нажарим, огурцов нарежем и бутылку белой раздавим! Так, что ли? — с ехидцей спросил Володя.

— Почему белой? Шампанского выпьем.

— Это за Новый год. А за старый?

— И старый проводим, не забудем, чтобы на следующий день начать новую жизнь.

— Вот это правильно.

Они поговорили, как договорились. Более к этому разговору пока не возвращались, зная, что вся подготовка, как обычно, начнётся в последний предновогодний день. А до него ещё неделя, и многое может измениться.

После обеда потеплело, усилился ветер и полил холодный, колючий дождь — будто иголками прошивал, если попадал на лицо. Непогодой никого, конечно, зимой не удивишь, но ходить по улице стали аккуратней, потому что всё сразу обледенело. Льдом засверкали не только тропинки и дорога, но и крыши, деревья, провода. Мария хватилась под вечер — воды в доме почти не осталось. Володя побежал с ведрами к колодцу, а обратно еле-еле выбрался из-под бугра, наполовину расплескав воду. И пошёл повторно, куда деваться. Без воды-то сидеть не будешь. Запаслись они, и ничего не оставалось, как дома куковать, коротать время у телевизора. Володя после ужина даже заснул, а проснулся от толчка Марии:

— Вставай, будем укладываться — свет погас! Чего в темноте сидеть?

— Сейчас включат... На подстанции автомат вырубил... — спросонья пробормотал Володя и повернулся на другой бок. Но сразу, будто по тревоге, проснулся.

Он посидел-посидел в темноте и подумал: «Где-то авария! Провода льдом порвало! Если у нас нет света, значит, интер-

нат тоже в темноте сидит!» Это мысль Володю будто кольнула. Он сразу начал собираться. Мария нашла и зажгла свечу и, осветив почти одетого Кузнецова, удивилась:

— Куда это ты?

— В интернат... Они ведь тоже без света сидят. Где-то, видимо, авария. Котельная теперь встала — помёрзнут старики!

Чмокнув на прощание Марию, он отправился в Ложкино, прихватив электрический фонарик и сунув в карман мобильник. И правильно сделал, потому что на полпути ему позвонил хозяйственник.

— Владимир Николаевич, у нас неприятность... Интернат без электричества. Говорят, его нет во всём Ложкине. Сейчас за вами машину пришлю.

— Не надо... Я уж почти подхожу.

Анатолий Петрович пробормотал что-то одобряющее, а Кузнецов отключил телефон. На проходной Кузнецова встретил охранник, осветил фонариком лицо, сказал:

— У нас тут целое заседание: всё начальство в сборе...

Заглянул Володя к директору, а он с кем-то переругивается, а когда аккумулятор в его телефоне разрядился, Эдуард Максимович взял телефон у заместителя, принялся названивать с его телефона, и по интонации было понятно, что везде его отфутболивают, видимо, не говоря ничего конкретного. В конце концов, директор объявил:

— Надо ждать... На линии авария из-за обледенения проводов. И то ли сами провода порвались, то ли деревья на них попадали — никто не знает, и до утра ничего конкретного никто не скажет.

— Свой генератор нужно иметь! — укоризненно вставил словцо хозяйственник, а директор исподлобья сердито глянул на него:

— Хорошо сказать «надо»! Дорогой Анатолий Петрович, очевидно, не знает, что у нас есть свой дизель-генератор, в сарае мёртвым грузом третий год стоит — работать некому. А почему некому? Потому что сократили моториста! В областном министерстве это называют оптимизацией.

— Дизель-то в исправном состоянии? — спросил Кузнецов, вспомнив, что видел его в сарае, чуть было осенью не сгоревшем.

— Прежде работал, при мне запускали...

— Так, может, моториста вызвать, попросить запустить ещё раз, если случилось такое ЧП?

Директор криво усмехнулся:

— С того света не дозовёшься, сколько ни зови!

— Может, попытаться самим запустить?! — предложил Володя.

— Чем? — усмехнулся директор. — С него солярку давно слили да аккумулятор, поди, стащили. А если и не стащили, то стоит он разряженным и размороженным.

— Энергетики что говорят?

— Чего они скажут... Ничего определённого. Дежурная бригада выехала на линию, а чем этот выезд закончится и, главное, когда — неизвестно! А пока, если уж котельная не работает, надо пройтись по всему интернату и закрыть форточки, двери, чтобы как можно дольше сохранять тепло, да приготовить запасные одеяла на тот случай, если понадобится утеплять стариков.

Все молча разошлись, Володя осмотрел одно здание снаружи, другое, но ни открытых дверей, ни форточек не обнаружил. Не зная, что ещё можно и нужно делать, он пошёл к Найдёнышу и поманил за собой на улицу, чтобы не томить щенка одиночеством, казавшимся ему, наверное, особенно обидным, когда он слышал голос хозяина, и теперь радовался своей собачьей радостью, весьма далёкой от людских забот. Правда, в теперешней темноте, накрывшей интернат, никто не обращал внимания на него, люди, тихо переговариваясь, словно боясь спугнуть кого-то, сновали от котельной до администрации.

Если в кабинетах администрации похолодало, то в котельной было по-прежнему тепло, даже приятно, потому что прежде, когда гудели вентиляторы, здесь было шумно и душно, а теперь благодать. Поэтому Володя воспользовался моментом и задремал на засаленном диване, чувствуя у ног свернувшегося калачиком Найдёныша. Щенок дремал вместе с хозяином, иногда пугливо вздрагивал и взвизгивал, когда касался лапой обожжённого носа, который сунул куда не следует, впервые попав в котельную и попытавшись узнать, что это за яркое малиновое чудо мелькает в приоткрытой дверке.

Наговорившись и накурившись, собравшиеся в котельной мужики дремали не хуже Володи, кто-то даже всхрапнул, готовясь к неизвестности и начиная в душе сердиться на неё. И почти никто не заметил того момента, когда сам собой включился свет. Если бы не шумно ожившие вентиляторы, то истопники, водопроводчики, столяр и Володя и далее продолжали бы кемарить, а теперь нехотя и лениво приходили в себя, не желая просыпаться да идти на мороз.

Кузнецову тоже не хотелось трогаться с места, тем более что часы на мобильнике показывали половину третьего ночи.

Но тут замдиректора обрадовал, не поленившись прийти в кочегарку.

— Всё, отбой! — объявил он сонно зевавшим мужикам. — Расходитесь по домам. Объявляю вам в понедельник отгул за сегодняшнюю ночь.

Мужики потянулись к выходу, истопники взялись за лопаты, чтобы подкинуть угольку, поднялся с дивана и Кузнецов.

— Володь, а тебя я подвезу до Ключей! — впервые назвав Кузнецова по имени, по-дружески сказал заместитель директора. — Чего тебе путаться впотьмах.

— Я не против! — согласился Володя с предложением Звягина и замылся: — Только сперва Найдёныша отведу.

Кузнецов подхватил Найдёныша в охапку и направился к административному корпусу, а пока шёл, думал о скулящем щенке, о его обожжённом носе. И так не захотелось оставлять его одного, что Володя вспомнил давнюю свою мысль о том, что неплохо бы поселить на даче собачонку. А что, пусть живёт, а то чужой человек все Ключи пройдёт, и никто не брехнёт ему вдогонку. И как только подумал об этом, так и решил: «Всё, беру Найдёныша с собой! Нельзя раненого оставлять на поле боя!»

Володя вернулся к поджидавшему в джипе заму, сказал:

— Мы готовы, можно отчаливать!

— С собой забираешь? — спросил Евгений Анатольевич, кивнув на крутившегося в руках Кузнецова щенка.

— Чего же ему тут одному куковать.

Хотя шоссе оказалось завалено свежим снегом и кое-где зеркально блестело обледеневшими участками, доехали быстро. Джип уверенно пробил колею по Ключам в сторону Володино дома, потому что Кузнецов решил сразу определить щенка на дачу, чтобы не колготиться с ним у Марии. Дорогу им перегородили две женские фигуры.

— Что за приведения? — удивился Звягин и, хочешь не хочешь, остановил джип.

— Это наши секьюрити, — ухмыльнулся Володя. — Эльза Немка и Устюжанина. Сейчас документы проверять будут.

К машине тем временем подошла Немка и, не видя Кузнецова, спросила у водителя, опустившего стекло двери:

— К кому, молодые люди, в столь поздний час путь держите?

— Эльза Марковна, это я — Володя! — ответил, наклонившись к окну, Кузнецов. — Из Ложкина возвращаюсь, авария на линии устранили!

Эльза подошла к машине вплотную, увидела Кузнецова и сразу смягчила тон:

— Вот теперь вижу, что свои. А то ведь мародёры только и ждут случая, чтобы поживиться. Тем более, когда света не было всю ночь.

— Нам можно ехать? — спросил улыбнувшийся заместитель директора.

— Езжайте! — великодушно и вполне серьёзно разрешила Эльза Марковна.

— Да, круто тут у вас! — откровенно рассмеялся Звягин. — Кто инициатор-то? Ты, что ли?

— Они и без меня любого к порядку призовут. От скуки, как говорится, на все руки!

Звягин ничего более не стал говорить на эту тему — видимо, спешил; только и сказал на прощание:

— Ну, будь здоров — иди спать!

Джип, развернувшись, уехал, а Володя опустил щенка на снег, сказал:

— Всё, брат, забудь теперь Ложикино, теперь здесь будешь жить, охранять дачу Володи Кузнецова!

Он обвёл щенка вокруг дачи, познакомил с общим видом, а потом завёл внутрь. Подумав, решил его определить в кладовке, где не так жарко, как в комнатах, и не так холодно, как на веранде.

— Поживёшь здесь до тепла, а потом устрою тебе конуру и переселю на улицу... А потом... Потом будет видно, что с тобой делать!

Пока щенок бегал за ним по комнатам, Володя отыскал йод, ватку и смазал Найдёньшу нос, заставив того взвизгнуть от неприятной процедуры, приговаривая при этом:

— А ты как думал! В следующий раз будешь знать, как совать нос куда не следует.

Он налил в миску воды, накрошил на картонку хлеба, из морозилки достал кусман замороженного мяса, немного настругал от него. Обеспечив щенка едой, Володя закрыл его в кладовке и включил свет, чтобы не бедствовал в темноте, и отправился к Марии. Но, выйдя на улицу, передумал, пожалев Макарову, которой вскоре надо вставать на работу, не стал её баламутить — лишать самого сладкого предутреннего сна.

Самому спать теперь не хотелось, и чтобы зря не валяться, он сходил за дровами, решив протопить печь, а заодно сварить Найдёньшу настоящую похлёбку. Так и сделал и долго не ложился, наслаждаясь одиночеством и многими мыслями, неожиданно заполнившими голову.. От мыслей его отвлек резкий стук в окно, заставивший вздрогнуть. К окну подошёл, а там лицо Марии отсвечивает.

— Ты чего? — спросил он, выйдя на веранду. — Проходи!
— Некогда... На работу иду. Чего не зашёл-то?!
— Да свет поздно дали, не стал будить. Так что всё нормально... Может, чаю попьёшь?
— Некогда... Побежала я. До вечера. — Она поднялась по ступенькам крыльца, чмокнула Кузнецова в щеку.
— Ну, беги, беги! — улыбнулся он и провожал Марию взглядом, пока та не растаяла в темноте.
Когда вернулся в дом, вздохнул, сожалея: «Чего же я о Найдёныше-то ничего не сказал?!»

20

За день до Нового года Володя возвращался из Ложкина с Марией, но знал, что сегодня придётся ночевать у себя, так как ещё днём она «обрадовала», сказав, что вечером из Ярославля приедет дочь с мужем и двумя детьми. У Кузнецова мелькнула шальная мысль о том, чтобы встретить Новый год вместе с её семьёй, но сама Мария не предложила, а он не стал напрашиваться, чтобы не стеснять и не смущать, ведь тогда ей пришлось бы объяснять дочери появление в доме чужого человека. Видимо, Мария пока не созрела для такого поступка, не хотела перед дочерью затемнять память об отце, хотя наверняка дочь узнает, что мать не совсем уж одна-то перебивалась последнее время — обязательно кто-нибудь из старух нашепчет. В общем, сколько Володя ни думал, но всё сходило к тому, что Новый год придётся встретить в одиночестве. «Одному так одному!» — решил он, расставшись с Марией.

Дома Кузнецова встретил Найдёныш, истосковавшийся от одиночества на новом месте и теперь юлой крутившийся вокруг хозяина. Володя сразу выпустил его на улицу, подождал, пока он набегается, а потом поманил в дом, сказав вслух:

— Пошли, мужик! Зарядку и всё остальное сделали — теперь можно о харче подумать!

Володя убрал у него в кладовке, помыл специальную, не проливаемую миску, купленную в Ложкине, и налил в неё молока. Самому же, хочешь не хочешь, надо было заниматься хозяйством и готовить еду, потому что завтра на работу не идти, а без супа сидеть не хотелось. Он несколько раз подкидывал в печку дров, снимал пену из кастрюли, а потом принялся чистить картошку. Моркови в доме не оказалось, зато нашёл несколько луковиц, почистил, пожарил лук на постном масле, и сразу по комнатам поплыл вкуснейший запах, сделавший дачу по-настоящему жилой. Когда мясо сварил-

лось, он его разобрал, добавил в кастрюлю нарезанную картошку, порывшись в полке, нашёл лаврушку — бросил в бульон несколько листочков, а после, когда картошка была готова, заправил суп жареным луком.

После ужина и чая, перед тем как лечь спать, он решил выгулять Найдёныша. Хотя, отправляясь на прогулку, Володя поймал себя на дрянной мыслишке, из которой получалось, что старался он более не для щенка, а для самого себя, решив проверить слова Марии о дочери: действительно ли она приехала? И хотя Кузнецов не сомневался в правдивости Марии, но всё-таки было приятно увидеть под окнами её избы тёмную иномарку, а в окнах яркий свет и услышать детские голоса, показавшиеся чудом в Ключах. Володя вернулся на дачу со спокойной душой, так же и уснул, разрешив Найдёнышу примоститься на коврик рядом со своим диваном. И уже засыпая, подумал о вертевшемся щенке: «Вот подрастёт немного, и надо будет тебя на улицу определять! А в тепле будешь нежиться — квелым вырастешь!»

Эта мысль не забылась и утром. Поэтому, позавтракав, Кузнецов отправился строить будку Найдёнышу. К обеду домик был готов, Кузнецов установил его неподалёку от заднего крыльца. Найдёныш носился вокруг, ещё не понимая, что обзавёлся собственной жилплощадью. Чтобы это подтвердить, Володя поймал щенка, подтолкнул в готовый домик, но Найдёныш тотчас выскочил оттуда да ещё обиженно твякнул на хозяина, отчего тот усмехнулся:

— Это ты сейчас такой герой! Вот посидишь здесь на цепи, помёрзнешь на ветру да морозе — сам будешь быстрее пули заскакивать в свою избушку!

Щенок, конечно, не прислушался к столь высокомерным словам, убежал за угол дачи и оттуда послышался его хрипловатый голосок, похожий на твяканье, которым он кого-то облаивал. «Вот это молодец! — подумал Володя. — Привыкай нести дозорную службу!» Кузнецов посмотрел за угол и невольно отпрянул, потому что в этот момент ворота растворились, и в них въехал на машине сын. Вот так случай! Прятаться, конечно, не станешь, особенно когда показались выбиравшиеся из машины домочадцы. Елизавета закрыла ворота, а из машины вышел Алексей, показалась Маргарита. Она помогла выбраться дочери, а та как увидела Володю, то закричала чуть ли не на все Ключи:

— Дедушка, мы приехали!

И столько неподдельной радости послышалась в её звонком голосе, столько счастья вырвалось наружу, что Володя не смог сдержать чувств и подошёл к гостям. Обнял и поце-

ловал Ангелинку, поздоровался с Алексеем, сказал жене и снохе: «С приездом, сударыни!» Хотел сказать с иронией, а получилось почему-то игриво, чуть ли не ласково, словно он их ждал. Володя забыл о щенке, а когда вспомнил, то взял Ангелину за руку и сказал:

— Пойдём, покажу, кто теперь живёт у нас!

Володя повёл внучку к щенку, а тот близко не подпустил, отбежал на всякий случай в сторонку.

— Видишь, как он пугливый! Но ничего — привыкнет!

— А какая у него кличка?

— Найдёныш...

— А с ним можно поиграть?

— Думаю, можно. Только сперва ему нужно привыкнуть к вам. Ну, а как у тебя дела? Нога зажила?

— Хожу нормально. Только прыгать нельзя.

— И не прыгай. Зачем тебе это?

Пока они разговаривали, к ним подошла Елизавета, указала на щенка:

— Всё ясно! Дед нашу дачу превратил в псарню! И где же он живёт? — спросила она, посмотрев на Володю так, что тот увидел в её взгляде не столько интерес к щенку, сколько к его собственной жизни.

— В положенном месте. Жильё ему построил, а пока в кладовке обитает.

Елизавета многозначительно хмыкнула:

— Ну-ну.. Небось всю дачу обгадил и блохи теперь по комнатам скачут! А на носу-то у него не лишай случайно? А то всех нас заразит!

Володя стоял сбоку от жены, чуть сзади и, взглядевшись, заметил, как она похудела, как у неё обозначились скулы, вытянулось и почему-то потемнело лицо.

— Не слышишь, что ли, о чём я спрашиваю? — переспросила жена.

— Почему же, слышу? — не согласился Кузнецов, перестав разглядывать её. — Я его шампунем мыл, когда привёз из Ложкина. А на болячку не обращай внимания — это у него ожог. Носом ткнулся в печную дверцу.

— Ну-ну.. — повторила Елизавета, а Володя понял, что мысли её сейчас заняты не щенком, а им самим... — Ёлку-то нарядил для внучки?

— А вы что же — Новый год собираетесь здесь встречать?

— А ты как думал! Или у тебя какие-то другие планы имеются?

Володя не ответил, взял топор, отправился за елью, и Найдёныш увязался за ним: утопал в снегу, но не отставал. Вый-

дя за баней в калитку, Кузнецов выбрал разлатую ёлочку, срубил и отправился назад. Найдёныш отстал и принялся обнюхивать и обследовать следы, оставленные норкой около бани и пруда. Даже сунулся к проруби, которую Володя постоянно чистил, чтобы не задохнулись зимовавшие караси.

— Пойдём, пойдём, охотник! — позвал Володя щенка и тот, спохватившись, помчался за хозяином.

Встречать Новый год на даче они собирались впервые, поэтому Володя сколотил крестовину, принёс ёлку в тепло, и сразу же комнаты наполнились хвойным ароматом. Тотчас начали наряжать ёлку привезенными игрушками. Пока Ангелинка цепляла их одну за другой, сноха пылесосила ковры в комнатах, а Володя принёс дров и начал растапливать печь. Когда затопил — принялся помогать внучке и закрепил на ёлке несколько шоколадных конфет, вспомнил своё детство. Елизавета же с Алексеем решили самолично помыть Найдёныша. Он вырывался, жалобно и обиженно поглядывая на Володю, скулил и не хотел им поддаваться, но что мог сделать один против двоих. Затащили они его под душ, дважды вымыли: сперва с карболкой, потом с шампунем, обтёрли мохнатым полотенцем, а под конец Елизавета намазала ему нос зелёной. От обиды и Володиного предательства Найдёныш забился в кладовку и долго не выходил из неё. Хотели его выгнать на улицу, но ради праздника оставили, да и нельзя после «бани».

Потом, когда сидели за столом, Володю так и подмывало спросить, надолго ли приехали, где будут спать? Ведь редко они собирались вместе, а если собирались, то молодые спали на втором этаже. Но это было летом, а сейчас зима, и ещё неизвестно, каково там спать? Не застудятся ли? Поэтому Кузнецов решил сам там устроиться, тем более, если судить по тому, что Гелька привезла скрипку, прибыли на все каникулы. Так что на эти дни надо забыть о Марии. Пусть и на время.

После застолья занялись кто чем: Алексей решил помыть машину, Ангелинка начала пиликать на скрипке, а женщины принялись готовить новогодний стол. Чтобы не оставаться без дела, Володя решительно поднялся по лестнице и раскрыл разбухшую дверь на второй этаж, думая сперва провести уборку, прежде чем готовить себе ночлег. Елизавета не сразу заметила старание мужа, а когда увидела, то сразу поняла, что он затеял.

— Не холодно там будет спать-то? — спросила она, внутренне обрадовавшись неожиданной инициативе мужа, решившего, как она поняла, уединиться с ней в новогоднюю ночь на втором этаже.

— Мне — нет! От трубы тепло идёт, да и обогреватель поставлю. Вот только подмету тут...

Они проводили старый год, выпив водочки, а потом, откупив шампанское, дождались приветственной речи президента, боя кремлёвских курантов и осушили бокалы с шампанским.

Найдёныш, крутившийся весь вечер под ногами, после выстрела пробкой шампанского исчез в кладовке и более не осмеливался показывать оттуда облупленного носа, лишь изредка выглядывая, дожидаясь, когда вспомнят о нём. А вспомнили о нём не сразу, лишь когда допили вторую бутылку. Тогда Алексей поднялся над столом и приказал:

— Всем — на улицу: гулять и запускать фейерверк!

Когда разрумянившиеся от прогулки, они вновь расселись за столом. Елизавета достала из холодильника шоколадный торт в виде кролика — символа наступившего года, налила всем по большой чашке чая. Когда попили чаю и пришла пора устраиваться спать, хотя сноха не поддалась общему настроению и продолжала смотреть телевизор, Володя вдруг почувствовал на себе пронзительный взгляд Елизаветы. Она словно говорила: «Ну и что дальше будем делать?» — «А ничего!» — внутренне ответил Володя и сделал вид, что не заметил её взгляда. Пожелав всем спокойной ночи, он поднялся на второй этаж, улёгся и долго лежал, невольно прислушиваясь ко всему, что происходило внизу. Какое-то время он находился в напряжённом ожидании, почему-то считая, что Елизавета дождётся, когда молодёжь уснёт, и потихоньку поднимется к нему. Хотелось ли ему этого? Наверное, нет. Ему было важно узнать другое: искренне ли её желание всё забыть и помириться.

От непрекращающихся гнетущих мыслей, от неизвестной настрожённости, Володя почувствовал себя безмерно уставшим, и захотелось ему одного: поскорее заснуть, чтобы забыть сегодняшний бесконечно долгий и суматошный день, проснуться завтра со светлой головой и новыми мыслями, с какими и положено просыпаться в новом году.

Так и вышло, как он задумывал. Проснулись они, наверное, перед обедом, долго перекликались, не желая по-настоящему просыпаться и разламываться со сна. Володя всё-таки первый зашевелился, потому что к утру похолодало в комнатах, и надо было топить печь.

Правда, пришлось отложить все дела, когда Володе очень кстати позвонила из Ложкина Вера, поздравила с Новым годом. Кузнецов выслушал её, поздравил взаимно и от себя, и от всех домочадцев, а Вера, как узнала, что все они собрались на даче, то сразу же пристала с приглашением: мол, при-

езжайте — и всё тут! Если не приедете — обижусь на всю оставшуюся жизнь. Володя начал объяснять, что не может за всех отвечать, а Лиза, услышав и поняв, что муж говорит с сестрой, отобрала у него трубку. После взаимных приветствий, она замолкла, видимо, слушая горестный рассказ Веры о своей дочери, и после коротких реплик сказала:

— Не переживай, всё обойдётся... Мы сейчас все вместе приедем. Долго ли на машине. Ставь самовар!

Правда, Алексей сразу же предупредил, что не сядет за руль, но Лиза так глянула на сына, что тому ничего не оставалось, как подчиниться.

— Ты что, разве ничего не понимаешь? — спросила она у сына.

Алексей недовольно хмыкнул и начал собираться. За ним и все остальные. Когда уж собрались, Елизавета достала из сумочки Володин перстень и сказала:

— Надевай! Человеком будешь выглядеть!

— Не хочу мещанство в себе развивать!

— Надевай-надевай — зря, что ли, мы его выкупили?

Еле надел Кузнецов перстень на безымянный палец левой руки и сказал:

— Первый и последний раз в новейшей истории!

Когда же Володя надел привезённую дублёнку и шапку норковую, то стал как туз. Не надевал он их несколько лет из-за тёплых зим, а сейчас они как раз пришлись по погоде. Хочешь не хочешь, он заглянул в зеркало, на минутку задержался, рассматривая себя, и невольно улыбнулся: настолько не похож был Володя, смотревший из зеркала, на повседневного Володю — всю осень и начало зимы проходившего в трикотажной серой куртке, размочаленной кепке и кирзовых сапогах. Пока он крутился перед зеркалом, подошла Елизавета, заглянула в глаза:

— Как граф! Никому не отдам!

Володя засуетился от слов жены и, чтобы скрыть смущение, сказал встречно:

— Хорошо, что привезли одежду. Теперь буду знать себе настоящую цену.

— Давно надо бы знать, а не размениваться на пятаки.

Они прихватили сумку с продуктами, набились в машину и отправились в Ложкино. Когда подъехали к родительскому дому, Володя посигналил, давая знак сестре, и та тотчас выскочила из веранды: улыбающаяся, раздуманная; ей бы ещё в руки хлеб-соль да льняное вышитое полотенце — хоть кино тогда снимай.

— Вовка, это никак ты? Тебя и не узнать!

— Он-он, — улыбнулась довольная Елизавета, — теперь и вовсе от здешних мамок отбоя не будет!

От её шуточных слов, в которых не имелось ни капли обиды, Володя сразу проникся её настроением и сказал Вере:

— Ну, говори, сестра, какие у тебя тут порядки!

— Да какие же... Обычные, праздничные. Проходите в дом, за столом поговорим.

Действительно, они заговорили о том о сём, но очень быстро Вера начала гнать слезу о дочери, о несчастном внуке Майкле, страдающем в эти минуты на далёком острове за тридевять земель.

— С вами и не напьюсь! Вера, хватит! — укорил Володя и подлил себе в очередной раз.

Елизавета сразу сделала строгое замечание:

— Не слишком ли ты разошёлся, дорогой?

— Тогда давайте чай пить! А то вы весь день готовы о несчастном Майкле слёзы лить. А он, может, в сто раз лучше вас живёт!

Чай они пили долго, с перерывами, и в Ключи начали собираться лишь с наступлением сумерек. А как вернулись, то все сразу разбрелись по кроватям, решили устроить тихий час. Володя, скрипнув ступенями, ушёл «к себе», но через какое-то время к нему заглянула Елизавета. Спросить ничего не спросила, лишь стеснительно хихикнула. И Володя понял её замысел, и тем приятнее ему, подогретому выпивкой и непроходящей обидой, было сказать с едва заметной мстительностью:

— Не, мать, до первой звезды нельзя! Вот когда придёт Рождество — тогда всерьёз поговорим. А пока пост.

— Давно ли ты верующим стал?

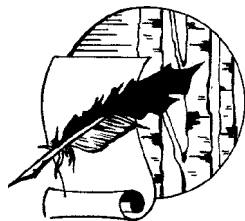
— Давно...

Елизавета сердито, даже зло глянула на его сытое лицо и чуть ли не скатилась с лестницы.

Продолжение следует

Редакция «Молодой гвардии» с особой радостью поздравляет нашего многолетнего автора Владимира Дмитриевича Пронского с замечательным 70-летним юбилеем! Новое его произведение — роман «Герань в распахнутом окне» говорит о неувядаемом таланте и творческой дерзости испытанного временем крупного современного прозаика.

Дорогой Владимир Дмитриевич, редакция журнала и многочисленные Ваши читатели искренне желают Вам новых творческих побед и литературного долголетия!

Елена КУЗЬМИНА

ПОЧЕРК ПУШКИНСКОЙ МЕТЕЛИ

* * *

Кричала гагара,
Что солнце проснулось...
Н. Тряпкин

Едем по дороге талой,
Хмур водитель и уныл,
Наш автобусик усталый
Выбивается из сил,
Тормозит у магазина
На окраине сельца.
Две простынки парусинят
У соседнего крыльца.
Две простынки белоснежных,
Скособоченный сарай...
Бабка смотрит на приезжих,
Заглянувших невзначай...
Мост убогий под угором,
Ивняки на берегах,
Звук порывистый мотора
Тает в мартовских снегах.
И на всём, на всём я снова
Начинаю примечать
Поэтического слова,
Слова светлого печать.

Всё поэтами воспето, —
Тем ещё роднее мне:
Дали позднего рассвета
И былинки на стерне,
Этот волок бесконечный,
Это бедное жильё,
И старуха у крылечка,
И простыночки её.
Снега рыхлая опара
Задышала на реке.
Голос тряпкинской гагары
Различаю вдалеке.
До тепла ещё немало
Дней печальных отболит,
А, поди-ка, — закричала!
И кричит,
 кричит,
 кричит!

* * *

Волны круче, ветер злее,
Мир по-прежнему немирнен...
Мне с годами стал роднее
Слог Давидовой «Псалтыри».
Но сажусь я в скорый поезд
И дорогой непременно
Не спеша читаю повесть
Русской прозы драгоценной
На скрижалях законных:
На просёлках, полустанках...
Вот смотритель станционный,
Вот и барышня-крестьянка,
С чемоданчиком заветным
Заполошную синицей
В одну сторону билетик
Предъявляет проводнице.
...И займёт своё местечко,
Сядет с краешка сторожо.
И до станции конечной
Не посмотрит из окошка.
Будет скучен ей унылый
Вид за серой занавеской,
Перегонов долгих мили,
Переезды, перелески...

Помню, мне когда-то тоже
Был невиден, незатейлив
На страницах придорожных
Почерк пушкинской метели.
И не верилось, беспечной,
Грезившей о дальних далях,
Что душа моя навечно
В эти вписана скрижали.
Ничего тут не поделывать,
Стоит радоваться только,
Что в заснеженных пределах
Так чиста над полем зорька,
Что звучит ясней и строже
Эта повесть в светлой рани,
И грехи тех лет, быть может,
Мне Господь да не помянет.

* * *

Письмоносец тётя Вера
В рыжей кирзовой обутке
Топают по первопутку.
«Как там Белка на орбите?
Тётя Вера, расскажите!»
Но не скажет Вера путно
Про советский чудо-спутник.
Отмеряет полной мерой
Ей ноябрь сатинчик белый.
Нет честнее тёти Веры!
Нет чуднее тёти Веры!
В эти дальние пределы,
В эти скорбные уделы
Сколько раз она, девчонкой,
Приносила «похоронки»!
И с тех пор она не плачет,
И немного странновата,
И глаза от встречных прячет,
Будто в чём-то виновата.

...Новый век свой путь изладил
Казнокрадством и разрухой,
Почтальонша тётя Надя
Носит пенсии старухам.
Сапоги хоть не кирзовы —
неприглядны и не новы.

Если спросишь про зарплату,
Рассмеётся глуповато.
Но для жителей таёжных
Тёти Нади нет надёжней.
Пусть не тянет груз газетный,
Письма детям безответны.
Сумки, полные продуктов,
По распуте, первопутком,
По заброшенным «бетонкам»,
Через ельник — наудачу,
Носит бабкам с «пенсионкой»...
И глаза от бабок прячет.

* * *

Детство моё из окошек глядело вагонных.
Что и увидело? Но прикипело, однако,
К этим лесам и полоскам унылых перронов,
К серому цвету, к дорожным проверенным знакам.
Сказано было, что в детстве полюбишь — не сможешь
Ты разлюбить до последнего смертного часа.
В перечне светлом — на древнюю сказку похожий —
Город Москва
И мальчишка из старшего класса.
Ни лихолетья, ни злоба над ними не властны:
Мальчик по-прежнему ждёт, когда я повзрослею,
Красная площадь осталась по-прежнему Красной.
...Мамины песни под папин баян всё роднее,
Звонче, раздольней и радостней, не отразился
На чистоте их мотив чужедальнего ветра.
Сколько всего, что так счастливо мне полюбилось!
И не забылось. И станет со мною бессмертным.
Всё, что люблю, понесу по дороге мытарской.
Всё, что любимо,
достойно Небесного Царства!

* * *

Я поломойка и повариха,
Я санитарка и сторожиха,
Я отгоняю бессонное лихо,
Бодрствуя тёмной порой.
Или дворы новоявленной знати
Чищу под утро.

В старушечьем платье —

Я и солдатка,

я и солдатик

Вечной войны мировой,
Войска потрёпанного единца.

А над плечом беспокойная птица,

То ли ворона, то ли синица —

Ей бы на небо взлететь!

Только жалеет меня, бедолагу,

Каркает, звенькает — ладом, без ладу —

Всё же старается петь!

А для меня эти птички звоночки,

Ровно для нищенки — хлеба кусочки,

Перебираю звенящие строчки,

Вдруг да опять запоёт,

Эх, зазвучит моя бедная лира!

Вдруг да услышат отцы-командиры,

Вдруг да приветят отцы-командиры,

Плядя с небесных высот.

* * *

Крылья стёрты у сверчка,

Песня стала коротка.

И старухин голосок

Словно тонкий волосок.

Тут бы песню оборвать,

Напоследок помолчать.

Только жалко погасить

Эти «ля» и эти «си».

Только жалко потерять

Эту радость — напевать

То, что пели в старину

Про любимую страну,

Про великий урожай,

Про земной грядущий рай...

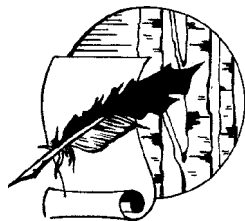
Вот и рвётся нота «си»

К Господу на небеси

От родимого шестка

Да на крылышках сверчка.

г. Архангельск

Николай КОНОВСКОЙ

СВЫШЕ РОЖДЕННОЕ СЛОВО

КОНСТАНТИНОВО

Холодом света равнинного
Душу опять обожгло.
Здравствуй, моё Константиново,
Русского сердца село!

Это — уму непостижное:
Пламя нисходит с высот.
Это — Ока неподвижная
Божии воды несёт...

Встанем на взгорье, над пристанью,
Здесь, где он бегал босой.
И задохнёмся таинственной
Невыразимой красой...

ИРГА

Памяти И.Т.

Ныне сердце — на жестокой грани,
Ныне время — отдавать долги.
Жизнь, как сон прошла. Не стало Вани, —
И засох усталый куст ирги.

Помнишь, как весною беспечальной
Распускался он, лилово-рьян,
А хрустальной осенью начальной
Золотился, огненно-багрян!

В потаённых дебрях птицы пели,
Дождь мгновенный освежал сады,
И на ветках гнущихся висели
Синевато-чёрные плоды.

Ныне времена духовной брани.
Ныне время отдавать долги.
Потому-то в память об Иване
Посадили мы росток ирги...

Чтобы улеглась души тревога,
Чтоб не умолкал ответный глас, —
Ты расти до неба и до Бога,
Деревце, связующее нас!

СПРОШУ СЕБЯ...

...И я гляжу, как вновь идёт война,
Как, рождена ветрами на просторе,
В гранит прибрежный тяжко бьёт волна,
И с ропотом вновь отступает в море.

Спрошу себя: несчастный человек,
Глупца глупей, бедней церковной мыши, —
На что потратил ты свой краткий век,
Не испросивши указанья Свыше?

ИЛИ ЖЕ СОН ОТ ВРАГА?..

Осень зальётся дождями,
Ляжет в трясинную гать...
Мне ж от державы, вождами
Преданной, — что ожидать?

Скажешь: безумствует свора, —
Так упакуют в дурдом.
Плянешь налево — Гоморра,
Плянешь направо — Содом.

Эх, побыстрее бы морозы
Да ледяные снега!..
Жизнь наша — русская проза?
Или же сон от врага?..

НЕЖНО — ДО ИЗНЕМОЖЕНЬЯ...

Нежно — до изнеможенья! —
Пахнет на взгорках чабрец...
Милая, скоро Успенье, —
Краткого лета венец.

Вестником из мироздания
В солнечный сумрак садов
Время пришло воздаянья,
Благословенья плодов.

Что ж там трепещет и длится,
Как паутинная нить?..
Трудно, а надо смириться
С тем, чего не изменить.

... Чаша небесная глубже.
Птичий тревожнее свист.
В воздухе кружит и кружит
Первый сорвавшийся лист.

ПРИМИРЕНИЕ

Как ты пришла и откуда
Радость моя и напасть —
Рыжеволосое чудо,
Женщина — буря и страсть!..

Преобразившие души
Сердца слепые дожди —
Высохли слёзы, — и тут же
Спишь у меня на груди.

СВЫШЕ РОЖДЁННОЕ СЛОВО

Душною мглою объята небесная твердь.
Как бездыханное, — вымерло, замерло поле...
Время такое, что надобно перетерпеть
Боль отчуждения, и немоту и безмолвье.

Липа в цветении! Запах томительный — как
Предошущение иль осязанье былого...
Только мгновенье! — и взрежет безмолвье и мрак
Молнией огненной свыше рождённое слово.

ПЕРЕХОД

Чуткие кроны раки.
Стынущей глади теченье.
В воздухе зыбко сквозит
Осени предошущенье.

В дальний взгляну окоём:
Всё перелески да склоны!..
Вспыхнули дивным огнём
Широколистые клёны!

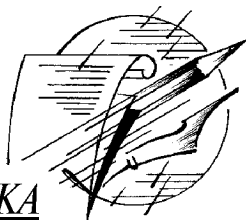
Острою влагой низин
Пахнут, становятся высью
Затрепетавших осин
Огненно-красные листья!

г. Москва

РЫВОК В «СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ»

Уже немало написано о прошедшем в конце прошлого года в Буэнос-Айресе саммите G-20. Но по большей части деятели пера описывали второстепенные детали: кто как долетел до столицы Аргентины, кого как приняли, кто с кем встречался, кто как на кого посмотрел... Сообщалось о том, что были трудности с принятием общей декларации. Видимо, поэтому, когда она появилась, мало кто поинтересовался ее содержанием. А напрасно. Ведь по замыслу ее составителей, этот документ определяет развитие всего мирового сообщества на ближайшее будущее.

Несмотря на то, что язык декларации перегружен непонятными для широкой аудитории терминами и затемняющими смысл формулировками, несложно увидеть главные концептуальные положения, которые заставляют о многом задуматься. Уже в первом пункте вновь обозначена тенденция к построению единого глобального общества: *«Спустя десять лет после первого саммита лидеров «Группы двадцати» мы собрались в Буэнос-Айресе, Аргентина, 30 ноября — 1 декабря 2018 года, с*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тем чтобы прийти к общему согласию о том, как обеспечить справедливое и устойчивое развитие на основе повестки дня, которая сориентирована на человека, является инклюзивной и устремлена в будущее».

Инклюзивный — предполагающий включение кого-либо в какое-то единое множество, в общий процесс, в число участников действия. Устойчивое развитие — это термин, вошедший в обиход еще со времен принятия «Хартии глобального информационного общества» (Окинава, 2000), «Декларации тысячелетия» (Нью-Йорк, 2000) и первых Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам построения единого наднационального глобального информационного общества (Женева, 2003 и Тунис, 2005). Во всех этих документах говорилось о положительном характере процессов глобализации для «формирования общего будущего, основанного на нашей общей принадлежности к роду человеческому». Так и в Буэнос-Айресе представители «большой двадцатки» единодушно подтвердили приверженность этому курсу, но уже при новом технологическом укладе.

Несомненный интерес представляет пункт 4 Декларации G-20. В нем собраны положения, касающиеся глобализации экономики и финансов, а также пресловутых структурных реформ (в России одной из таких реформ стало повышение пенсионного возраста): «Мы подтверждаем свое обещание использовать весь спектр мер государственной политики для достижения уверенного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста, а также противостоять понижательным рискам путем активизации нашего диалога и действий по укреплению доверия. Денежно-кредитная политика продолжит поддерживать экономическую активность и обеспечивать ценовую стабильность в соответствии с полномочиями центральных банков. Налогово-бюджетная политика должна, при необходимости, приводить к восстановлению резервов, оставаться гибкой и способствовать экономическому росту, обеспечивая при этом устойчивость динамики государственного долга. Продолжение реализации структурных реформ повысит наш потенциал роста. Мы подтверждаем обязательства в сфере обменных курсов, принятые министрами финансов и управляющими центральных банков в марте этого года».

Неслучайно участники встречи в Буэнос-Айресе в разделе «Выражение признательности» выразили особую благодарность международным финансовым организациям: «Мы благодарим международные организации, в том числе Банк международных расчетов (БМР), Совет по финансовой ста-

бильности, Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, Международный валютный фонд, Группу Всемирного банка». Здесь именно БМР стоит на первом месте. Это финансовая организация со штаб-квартирой в Базеле, которая фактически руководит деятельностью центральных банков разных стран. При этом, как известно, никаким органам власти собственных стран (в том числе и в России) эти банки не подчиняются. В этом еще одно подтверждение торжества политики глобализма.

По этому поводу в пункте 5 нового документа «Группы двадцати» подчеркивается: «Мы подтверждаем свою приверженность совместной работе по улучшению основанного на правилах международного порядка, позволяющего эффективно реагировать на происходящие в мире стремительные изменения». Итак, термин «новый мировой порядок» заменили на термин «международный порядок», но суть остается прежней. О каких конкретно правилах идет речь в пункте 5, не указывается, но в следующем, шестом пункте отмечается: «Инновационные технологии, как ожидается, откроют колоссальные экономические возможности, в том числе по созданию новых и более качественных рабочих мест, а также повышению уровня жизни. Тем не менее переходный период создаст трудности для людей, предприятий и правительств».

Как же эти трудности преодолеть? Декларация G-20 дает в том же пункте 6 не очень вразумительный ответ: «Меры политики и международное сотрудничество позволят обеспечить широкий доступ к преимуществам технологической трансформации. Мы одобряем Набор мер политики для будущей сферы труда, который мы будем использовать с учетом особенностей каждой страны для: внедрения технологий в целях ускорения роста и повышения производительности труда; поддержки людей в переходный период и преодоления проблем в распределении доходов...» Каким образом «меры политики и международное сотрудничество позволят обеспечить широкий доступ к преимуществам технологической трансформации», совершенно неясно, но становится понятным, что процесс «технологической трансформации» будет продвигаться на международном уровне с использованием «политических средств».

О многом говорит и седьмой пункт документа «Группы двадцати», посвященный проблемам сферы труда. Прежде всего говорится об инклюзивном будущем этой сферы, то есть как об общемировом. Поэтому заявлено: «Мы будем учитывать дистанционную занятость с использованием цифровых платформ и уделять особое внимание формализации рынка

труда, укреплению систем социальной защиты и обеспечению переноса прав работников при изменении места работы с учетом национального законодательства и обстоятельств. Мы продолжим способствовать развитию когнитивных, цифровых и предпринимательских навыков, а также сбору информации о передовых практиках и обмену ими».

Когнитивный — значит, связанный с изучением сознания и мышления. Под когнитивностью подразумевается способность человека воспринимать и перерабатывать информацию, поступающую из внешнего мира. Психологи используют данное понятие как характеризующее психические процессы личности, и особенно определение «когнитивность» относится к различным намерениям человека, его желаниям или убеждениям. Вот и задумаемся: куда клонят сочинители Декларации G-20?

О серьезных намерениях говорит «использование цифровых платформ». С момента рождения каждый оцифрованный человек будет находиться под полным надзором электронной системы, а все сведения о нем будут собираться в реальном масштабе времени и автоматически анализироваться платформенными сервисами. Человек, будучи строго идентифицирован, учтен в этом обществе тотального контроля как один из объектов системы и будет получать доступ только к тем материальным и информационным ресурсам, которые ему дозволены, «положены» по его текущему социальному статусу. И как же будет определяться этот статус?

Автоматизированные системы «цифрового правительства» будут на основании критериев, заложенных в них представителями «мировой элиты», решать, присвоить ли данному «биообъекту» определенные качества (атрибуты), допустить ли его к материальным и информационным ресурсам, и не истек ли уже его «срок службы» как элемента данной системы — не пора ли его «изъять» (удалить) из нее. Пилотные проекты по «социальному рейтингу», отработываемые сейчас в Китае, реально могут стать всемирными, а Россия — следующим за Поднебесной экспериментальным регионом.

Весьма настораживают слова в 7-м пункте: «...уделять особое внимание формализации рынка труда... и обеспечению переноса прав работников при изменении места работы с учетом национального законодательства и обстоятельств». Здесь сразу вспоминаются программные положения из книг одного из главных идеологов глобализма, экс-президента Европейского банка реконструкции и развития Жака Аттали о «новых кочевниках» — номадах, не имеющих ни родины, ни

дома, ни семьи, ни других нормальных человеческих привязанностей...

Не менее выразителен 8-й пункт рассматриваемого документа. Приведем его полностью: «Доступ к образованию является одним из прав человека и стратегически важным направлением государственной политики при создании более инклюзивных, процветающих и мирных обществ. Мы подчеркиваем важность образования для девочек. Чтобы наши граждане имели возможность воспользоваться благами социальных и технологических инноваций, мы будем укреплять координацию между политикой в сфере труда и занятости и политикой по обеспечению качественного и доступного образования в целях разработки всеобъемлющих стратегий непрерывного образования с раннего детства, которые направлены на формирование базовых и цифровых навыков. Мы признаем необходимость развития инновационных научно обоснованных педагогических приемов и методов на всех уровнях образования». Думается, что данный пункт в комментариях не нуждается.

Документ, принятый в Буэнос-Айресе, пестрит уже хорошо знакомыми терминами — «инновационные технологии», «цифровая экономика», «цифровое правительство», «искусственный интеллект», «инфраструктура» и другими. За всем этим скрывается продекларированная ещё в Окинаве «революционная экономическая и социальная трансформация», которая «коснется образа жизни людей, их образования, работы и взаимодействия с властными структурами».

В частности, в пункте 9 говорится: «В целях получения от цифровой экономики и новейших технологий максимальных выгод для экономического роста и производительности труда мы будем поощрять меры по... дальнейшему обеспечению цифровой инклюзивности... а также совершенствованию цифрового правительства, цифровой инфраструктуры и методов измерения параметров цифровой экономики... Мы поддерживаем свободу обмена информацией, идеями и знаниями и будем обмениваться опытом... Мы приветствуем создание Каталога мер цифровой политики «Группы двадцати» в целях обмена бизнес-моделями в области инновационной цифровой экономики и их внедрения. Мы признаём большое значение взаимосвязи между торговлей и цифровой экономикой. Мы продолжим работать в области искусственного интеллекта, новейших технологий и новых бизнес-платформ».

При этом особый интерес представляет пункт 10, где говорится о создании единой мировой цифровой инфраструкту-

ры: «Инфраструктура является ключевой движущей силой экономического процветания, устойчивого развития и инклюзивного роста... Для этого мы одобряем Дорожную карту для развития инфраструктуры как отдельного класса активов и Принципы «Группы двадцати» для этапа подготовки инфраструктурного проекта. Мы принимаем меры для достижения большей стандартизации контрактов, восполнения пробелов в данных и совершенствования инструментов снижения рисков. Мы ожидаем, что в 2019 году, в соответствии с Дорожной картой, будет достигнут прогресс в области создания качественной инфраструктуры».

Пункты 9 и 10 объединяет единая идея — создание глобальной системы управления. Следует напомнить, что впервые в истории человечества, согласно документам, принятым на Всемирных встречах на высшем уровне по вопросам глобального информационного общества в Женеве и Тунисе, практически в каждой стране мира создано цифровое электронное правительство, построенное по единым международным стандартам на единой информационной и программной платформе. Из Документа «План действий по построению глобального информационного общества» от 12 декабря 2003 года: «Осуществлять стратегии электронного государственного управления... Поддерживать инициативы по международному сотрудничеству в области электронного государственного управления в целях повышения прозрачности, подотчетности и эффективности на всех уровнях государственного управления». С помощью единой инфраструктуры электронные правительства отдельных стран легко интегрируются в единую всемирную систему, фактически превращаясь в протектораты уже единого Мирового электронного правительства. Тогда управление всеми мировыми процессами можно осуществлять из единого центра.

В 11-м пункте Декларации G-20 речь идет о «продовольственной безопасности, которая имеет решающее значение для достижения мира, свободного от голода и всех форм неполноценного питания». Между рядами правильных и красивых слов следует: «Мы поощряем добровольное использование как инновационных, так и традиционных сельскохозяйственных методов и технологий и обмен ими». Несложно догадаться, ЧТО подразумевается под инновационными методами и технологиями. Это внедрение ГМО-технологий в мировом масштабе. Уже не раз доказано, что распространение генетически модифицированных организмов является эффективным способом сокращения народонаселения. Завершает пункт 11 призыв к «наращиванию усилий по... ус-

тойчивости и совершенствованию агропродовольственных глобальных производственно-сбытовых цепочек».

Двенадцатый пункт документа посвящен «гендерной проблематике»: «Гендерное равенство имеет решающее значение для экономического роста, а также справедливого и устойчивого развития...». Немало написано о том, что так называемое «гендерное равенство» ведет к разрушению традиционной семьи, где фактически могут перераспределяться естественные роли супругов, установленные Творцом!

Самое примечательное в пункте 13: «Мы утверждаем Руководство «Группы двадцати» по расширению доступа к финансовым услугам, в котором представлены добровольные рекомендации по мерам политики, направленные на стимулирование развития цифровых финансовых услуг с учетом страновых особенностей». Расшифровываются эти слова «птичьего языка» глобалистов очень легко. Речь идет об упреждении наличных денег и внедрении системы цифровых безналичных расчетов, имеющей целью полное порошение людей через жесткий и всеобъемлющий контроль товарообмена и движение виртуальных денежных средств на электронных банковских счетах граждан, что неуклонно ведет к построению мироустройства, абсолютно аналогичного описанному в 13-й главе Откровения святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Пункт 14 буквально поражает своим «новаторством»: «Мы запускаем Инициативу «Группы двадцати» по раннему развитию детей и готовы присоединиться ко всем заинтересованным сторонам в том, что касается повышения качества и устойчивого финансирования программ развития детей в раннем возрасте в качестве многоаспектного подхода, а также в качестве средства для наращивания человеческого капитала...» О таком в мировом масштабе мы еще не слышали, однако в чем будут конкретно заключаться «Инициатива «Группы двадцати»» и программы «многоаспектного подхода» «по раннему развитию детей» составители документа не сообщают. О «человеческом капитале» как о способе превращения человека в живой товар с определенными качествами уже немало сказано...

В 15-м пункте члены «большой двадцатки» приветствуют «деятельность Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) совместно с соответствующими субъектами в целях разработки плана действий по реализации связанных со здоровьем аспектов ЦУР к 2030 году». ЦУР (Цели устойчивого развития ООН) — это 17 целей и 169 задач, которые все государства — члены ООН (193) согласились достичь к 2030 году.

«Цели в области устойчивого развития являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран — бедных, богатых и среднеразвитых. Он нацелен на улучшение благосостояния и защиту нашей планеты», — сообщается на сайте ООН. Это еще одна из громких глобальных программ. Примечательно, что в списке раздела «Выражение признательности» члены «двадцатки» выделили ООН только шестое место. Впереди — глобальные финансовые монстры, диктующие миру свои новые условия жизни на планете Земля. Практически сегодня все народы находятся в полной зависимости от таких структур, как БМР, МВФ, ВБ и их подразделений. Впрочем, не является секретом, что и «двадцатка», и глобальные финансовые структуры подчинены представителям так называемой мировой элиты, о чем писал еще в 2000 году Александр Игнатов — генеральный директор информационного аналитического агентства при Управлении делами президента РФ в статье «Стратегия «глобализационного лидера» для России». Как видим, не суждено было сбыться плану господина Игнатова о вхождении России в число лидеров «нового мирового порядка» в течение 10—15 лет (самое позднее — к 2015 году). Понятно, что игра на чужом поле по правилам хозяев никогда не приводит к успеху.

Поэтому после пунктов 16 и 17, посвященных международной миграции, не сулит нам ничего хорошего пункт 18, где говорится: «Мы вновь подтверждаем нашу приверженность возглавить переход к устойчивому развитию и поддерживаем Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года как основу для достижения этой цели, а также План действий «Группы двадцати»». План действий является пошаговой инструкцией по реализации положений рассматриваемой Декларации G-20, принятой в Буэнос-Айресе.

Опуская пункты 19—22, посвященные «изменению климата», Парижскому соглашению и решению США выйти из него, в пунктах 23, 24, 25 вновь читаем похвалу мировой мамоне: «Сильные и эффективные финансовые институты способствуют экономическому росту и устойчивому развитию. Мы вновь подтверждаем наше обязательство по дальнейшему укреплению глобальной системы финансовой безопасности с сильным, основанным на системе квот и располагающим достаточными финансовыми ресурсами МВФ в ее центре... Мы призываем МВФ и Всемирный банк проводить работу с заемщиками и кредиторами в целях совершенствования учета, мониторинга и прозрачной отчетности по государственным и частным долговым обязательствам... Мы поддерживаем продолжающуюся работу МВФ, Группы Всемир-

ного банка и Парижского клуба по вопросам долговой ситуации в странах с низким уровнем дохода и усилия, которые продолжает прикладывать Парижский клуб для привлечения новых кредиторов. Мы приветствуем окончательный доклад Группы видных деятелей «Группы двадцати» по вопросам глобального финансового управления». Слова «глобальное финансовое управление» говорят сами за себя. Даже несведущему в финансовых вопросах должно быть понятно, что эти пункты наряду с пунктами 4 и 9—10 говорят о резком усилении контроля над финансовыми системами пока еще существующих государств. По сути — это еще один удар по независимости последних.

Наконец, пункт 26 нового документа «Группы двадцати», принятого всеми участниками встречи в Аргентине, посвящен налоговой политике. Здесь можно выделить следующие положения: «Мы продолжим нашу работу по созданию глобальной справедливой, устойчивой и современной международной налоговой системы, основанной, в частности, на налоговых соглашениях и правилах трансфертного ценообразования, и приветствуем международное сотрудничество в целях продвижения налоговой политики, ориентированной на обеспечение экономического роста... Мы приветствуем начало процесса автоматического обмена информацией о финансовых счетах и подтверждаем разработанные ОЭСР более строгие критерии по определению государств, которые не внедрили должным образом стандарты прозрачности налогообложения». Комментарии здесь излишни.

Завершают Декларацию пункты 27—30, посвященные необходимости реформы ВТО, избыточным сталеплавающим мощностям, борьбе с коррупцией и осуждению терроризма.

Подводя итоги, можно сказать, что человечество активно и нагло затягивают в «цифровой рай», где не будет места традиционным государствам, традиционным ценностям и людям, которые признают именно эти, традиционные ценности. Надо понимать, что в таком «цифровом сообществе» прежде всего не будет места для православной России.

Где же выход? Еще в 2004 году на Всемирном Русском Народном Соборе в Москве митрополит Одесский и Измаильский Агафангел дал верный рецепт:

«В настоящее время единственно спасительным путем для России и стран с православным населением может быть выход из системы глобально насаждаемых греховных законов мирового развития — по повелению святого апостола Павла: «Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас» (2 Кор. 6, 17).

В практическом осуществлении такая государственная идеология должна ставить своей целью защиту добра и противодействие злу во всех сферах общественной жизни: законодательстве, экономике, культуре, церковной жизни. И единственно православной стратегией в таком случае является автаркия, то есть максимально возможная самодостаточность и самоизоляция от опасных внешних влияний при опоре на собственные силы и средства, конечно, без ущерба для развития всех полезных взаимоотношений с внешним миром. Это не бегство от реальности, не национальная гордыня и не мракобесная утопия, а необходимая государственная оборона, основанная на православном учении о сопротивлении злу. Ведь мы обязаны не только бороться с внутренним злом в себе, но и ограждать себя и своих близких, свой народ от внешнего зла как в открытых войнах — силою оружия, так и в скрытых — силой законодательства. Причем степень ограждения от зла должна зависеть от степени его нарастания».

По сей день не услышан этот пророческий глас.

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Повествование в рассказах

ПРЕДЫСТОРИЯ

Видный был мужик Алексей Матвеевич, высокий, статный. Много девок деревенских до войны на него заглядывалось. А он, как с фронта вернулся, сразу к Анне посватался.

Анна из семьи большой, шумной. Одних детишек десять душ. Мал мала меньше! Тёща, женщина верующая, в войну всех своих вымолила. Муж со старшими сыновьями с фронта вернулись без единой царапины, младшие и голод и холод пережили. Так что родня у Алексея большущая оказалась! Дружная, весёлая, немного запыленная. У самого-то с войны только брат старший вернулся. Да мать, слава богу, жива.

После женитьбы порешили Алексей с Анной с Алтайского края под Новосибирск перебраться, вслед за братом Иваном. Того начальником горотдела тамошней милиции назначили. Городишко небольшой, уютный, зелёный. Любо-дорого! Со временем и остальные родственники один за другим подтянулись.

Ох и нелегко было на ноги становиться! Поначалу жили тяжело, голодно. Случалось, луковицу одну на двоих делили, как лакомство какое.

ПРОЗА

— Ешь! Тебе, беременной, нужнее, — уговаривал Алексей жену.

Мало-помалу обустроились. Сынок, первенец, родился — Сергунка. И тут выяснилось, что городишко их вскоре под воду пойдёт. К тому времени плотину ГЭС начали строить. Постановили власти: быть здесь Обскому водохранилищу. Уж как Анна убивалась! Жалко — сил нет. Ведь только-только обжились.

Раскатали сруб по брёвнышку, перевезли подводами на новое место да опять собрали — для матери. А себе Алексей с братом Иваном новые дома срубить надумали: отделяться пора, семьи-то растут. Благо переселенцам лес бесплатно выписывали. Бор сосновый всё одно под затопление шёл. Вот власти и разрешили лес пилить на строительство. И государству хлопот меньше, и людям польза. Бери сколько хочешь! Но вывози сам — как сумеешь. А брёвна-то семиметровые! На руках, на верёвках тягать — не всякому по плечу. Ну да мужики — народ бывалый. Управились.

Так дома в ряд и поставили: Алексею, Ивану — брательнику да матери — Пелагее. А по соседним улицам — остальная родня. На время строительства по огородам землянок нарыли. Для фронтовиков дело привычное. Так и жили до первого снега. Ну, а уж как в дома перебрались, тут оно сразу повеселее стало.

Время шло. Алексей на завод устроился наладчиком. Вскоре его в мастера перевели. Деньжата кое-какие появились. Мотоцикл купили. Живность всякую завели: кур, гусей. Бычка на откорм взяли. На другой год — порося. Вот с этим-то поросём по осени оказия и приключилась.

ПОДЕЛЬНИКИ

Алексей поднялся рано, даром что выходной: у него на сегодняшний день свои виды были, особые. Потому и не стал дожидаться, когда жена проснётся. А не то все планы коту под хвост.

Он накинул телогрейку прямо на майку и вышел на крыльцо. Поёжился: ноябрь на пороге. Достал папиросы, прикурил, затянулся. Хорошо! Воскресенье, погодка шепчет. С вечера договорились с соседом, Василь Иванычем, в мотоцикле поковыряться. Ну и выходной заодно отметить. Не грех после трудовой недели.

В доме на кухне загремели посудой. Лёха подхватился было в сторону калитки, да поздно: вышла жена Анна.

— Далёко ли собрался?

— Так, это... с Василь Ивановичем мотоцикл вчера разобрал. Надо до ума-то довести, — засуетился Алексей, поворачиваясь к жене правым боком.

Левый карман, с бутылкой, предательски топорщился.

— Ага! Знаю я ваш мотоцикл. Шчас опять на весь день умоташь. Дома дел невпроворот!

— Да какие дела, Ань? Выходной же.

— Выходной ему. Ты поросья-то резать собираешься? Или как? — начала заводиться Анна. — Долго ещё будешь во лынку-то тянуть?!

Алексей поморщился: это ж на поклон к соседу идти надо, к Петровичу, а с Петровичем они — как на грех! — опять разругались на прошлой неделе. Тут, как ни крути, выход один.

— Схожу сегодня к свояку, попрошу.

— Да толку-то от твоего свояка! — плюнула в сердцах Анна.

— Ну, не знаю. Он говорит, что на этом деле собаку съел.

— Съел! Да хвостом подавился. Трепло! Он быка тебе уже зарезал. Забыл?

Это да... В прошлом году с быком, действительно, накладочка вышла.

Взяли, значит, Алексей с Анной бычка. На откорм. Хороший бычок. Справный. На Авангарда откликался. Анна где-то откопала имя такое мудрёное. Ну, а когда пришла пора резать, то Алексей, как человек ко всякому такому смертоубийству неприспособленный, пошёл по знакомым да родственникам за подмогой.

Обычно в этом случае к Петровичу обращались. Лучшего специалиста не сыскать. Да не брал их с Алексеем мир. Петрович хвастун был, каких мало. Взялся тут доказывать, что нет во всей округе, кроме него, никого лучше по части ремонта мотоциклов. А у Лёхиного как раз движок задымил, и масло изо всех щелей потекло. Уж он и головки перебрал, и клапана новые поставил, и кольца — один хрен! Дымит. Вот и решил Алексей специалисту довериться, соседу то есть. Доверился. Мотоцикл совсем крякнул. Ну, у Алексея душа и не вытерпела. Сорвался. Слово за слово. Петрович рукава уж начал подсучивать. Еле-еле их Василь Иваныч растащил.

Так что просить помощи у Петровича не представлялось никакой возможности. Оставался свояк. Тот откликнулся на это дело с готовностью. Он вообще был лёгким на подъем. Быка ли завалить, огород ли кому вскопать, технику починить — ему всё едино. Лишь бы не дома. Дома — девок, четыре штуки! Крик, ор. Потому Николай любому поводу был

рад со двора смотаться. Так все выходные и полкал* по друзьям да знакомым. Евдокия, бывало, сунется к соседям — к одним, другим: не видали, мол, моего? Да где там!

— Для начала быка нужно с ног свалить, — со знанием дела втолковывал Николай. — Мы ему ноги верёвкой спутаем. Слышь меня, нет?

— Ну, — кивал Алексей. — Дальше-то чё?

— Дальше другой верёвкой вяжем ему рога — и к столбу какому или забору той веревкой. Поближе. А другую — на себя тянешь. Он на землю упасть должен. Сечёшь?

— Секу.

— Ну вот. Как он, голубчик, упал — тут-то ты нож берёшь и... того.

— Чего того?

— Чего-чего... Режешь, ёшкино коромысло!

Мужики принялись вязать быка. Авангард грозно ревел. К себе не подпускал и всякий раз, когда к нему приближались, норовил незадачливых подельников насадить на рога. Дело было в огороде. На бесплатный цирк вышла поглазеть соседка. Мужики к быку и так и сяк — тот ни в какую! Пришлось звать Анну. Без неё с быком не сладить.

— Авангард, Авангардушка... Тише, тише. Э-эх... непугёвые.

Анна с самого начала сомневалась в успехе предприятия. Доверяла она в таком ответственном деле только Петровичу, с которым Алексей наотрез отказался мириться. И потому Анна раздражения своего не скрывала.

Кое-как опутав Авангарда верёвкой, мужики взялись тянуть, поначалу — каждый на себя. Сообразив, что делают что-то навое несуразное, наладились тянуть в одну сторону. Толку — чуть.

— Разве ж его такого с места скovyрнёшь? — Алексей тяжело дышал, утирая пот со лба.

— Да в нем весу не иначе как центнера четыре! — предположил Николай.

— Четыре... Да тут все четыре с половиной будет, — почесал затылок Алексей.

Николай бросил верёвку:

— Погоди, свояк! Оплошал я! Есть ещё способ. В прошлом году видел, как мужик один быка валил. Тащи ведро со жратвой!

— На кой?

— Тащи, тебе говорят. И кувалду.

Лёха притащил ведро с кормёжкой. Поставил перед быком.

**Полкать* — шататься, слоняться (сиб.).

— Вот... — продолжал Николай. — Теперь он, значит, жрать будет, а ты ему промеж рогов кувалдой и саданёшь, ёшкино коромысло. А как он скопытится — тут ты его и...

— А чего это я-то... кувалдой? Не-е-е, мы так не договаривались.

— Чего не договаривались?

— Как-то это не того... кувалдой-то.

— А ножом, значит, того? Тьфу!

Алексей поморщился. Взял кувалду. Подошёл к быку. Тот уже добирал последнее из ведра.

— Не могу, свояк. Что хошь делай — не могу!

— Да етишь твою... — психанул Николай, отбирая кувалду. — И-и-и... эх! — замахнулся и со всей дури саданул животине по лбу.

Передние ноги у быка подогнулись, и он, как Николай и обещал, рухнул. Алексей облегчённо выдохнул. Но радоваться, как оказалось, было рано.

— М-м-му-у-у...

Авангард тяжело поднялся, мотанул головой и, насадив на рога целый пролёт изгороди, понёсся по огороду. Он несся, загребая всё на своем пути. Мужики гнали как подорванные. На представление, разинув рот, тарасилась соседка.

Коррида продолжалась. Бык одним махом порушил парники и разнес в щепки уборную. Мужики в поисках спасения метнулись на сеновал. Животное ещё какое-то время в ярости крушило всё подряд и наконец остановилось, в изнеможении опустив рога с остатками изгороди.

Матерясь и чертыхаясь, подельники, улучив момент, спустились с сеновала и рванули за помощью к соседу...

— Ну, дак это когда было? — возмутился теперь уже Алексей. — Тоже мне, вспомнила!

Он заправил штаны в сапоги, запахнул телогрейку и отправился к свояку.

Тот жил неподалеку, через пару улиц. Не ко времени, конечно, с поросём этим затеялись: у Николая жена только вчера родила. Да куда денешься? Своя-то вон всю плешь проела: зарежь ей поросю — и всё тут! Ни раньше ни позже. Ну да ничего. Свояк — мужик геройский. Фронтовик, как и Алексей. Шесть раз в танке горел. На теле живого места нет. А тут дело-то, по сути, пустяковое — свинью зарезать.

Алексей и сам не робкого десятка, на фронте за чужими спинами не прятался да и фрицев этих сколько положил. Так-то ж фашисты! А здесь тварь невинная. Жалко.

Он зашёл к свояку во двор, поднялся на крыльцо: на двери висел замок. «Вот нескладуха! — подумал с досадой. И тут же повеселел: — Поживёт ещё порось. Не судьба, видать!»

С лёгким сердцем Алексей отправился домой. Прошагал улицу, завернул за угол, стал обходить канаву на пути. И тут из лопухов послышалось что-то заунывное и нечленораздельное. Он остановился, прислушался.

Кто-то старательно, со слезой в голосе выводил:

— В рваных шинелях...

Понятно... «Рваные шинели» — коронная песня свояка. Как хватит лишнего, так и затянет.

— Коля, ты, что ль? — Алексей пошёл на голос.

Свояк валялся в канаве, в скукожившихся лопухах, подёрнутых инеем.

— Лёха! — размазывая слёзы по щекам, всхлипнул Николай. — Она ж мне опять девку родила! Пятую... А ведь сына обещала. Сына! Эх...

Алексей выволок незадачливого родственника на дорогу и потащил до дому. На сегодня экзекуция кабанчику точно отменялась.

К следующему воскресенью Алексей подготовился основательно: нож — поросья резать — наточил, посуду, мешки под мясо приготовил. Всё чин чинарём. Со свояком с вечера договорились, что тот будет утром как штык.

Утро выдалось славное. Вчерашняя серая хмарь развеялась. Небо прояснилось. Благодать! Обидно, небось, таким утром помирать-то? Алексей тоскливо посмотрел в сторону сарая.

Хоть и в деревне он вырос, а все ж таки не лежала душа у него к этому делу — скотиняку жизни лишать. Сосед вон... Этих поросят на раз уничтожал. За ногу его заднюю поднимет, хрясь в самое сердце — и готово. Тот и пикнуть не успеет. Да...

Алексей закурил. Вскоре подошёл Николай.

— Здорово, Лёха. Чего это у тебя рожа такая? Как будто киселя прокисшего нахлебался.

— Ты, смотрю, зато шибко весёлый.

— Мандражируешь? — ухмыльнулся свояк.

— Чего мне мандражировать? Делов-то — поросья зарезать. Не на фронте, поди.

Николай заглянул в сарай. В загородке заметался не кормленный с вечера кабан.

— Подвинься.

Алексей потеснил Николая, стоявшего в дверях. Поставив на проходе таз со жратвой, откинул засов загородки. Кабан набросился на еду.

— Лопай, лопай, свинота. Порадуйся напоследок, — естественно хохотнул свояк.

Алексей протянул ему здоровенный нож. Тот повертел его в руках. Отступил на шаг-другой и, соорюив зверскую морду, пару раз замахнулся. Сунулся снова в сарай. Свин оторвался от корыта и посмотрел недобро. Свояк замер с занесённым в руке ножом, кончиком лезвия почесал затылок. Алексей наблюдал за его маневрами.

— Слушай, скажи честно: ты сам-то резал когда?

Николай опять почесал затылок:

— Да ведь как тебе сказать, Лёха... Помогать — помогал...

— Так и я помогал! — Алексей плюнул. — Тут помогать некому, тут самому корячиться.

— Лёха, я вот чё подумал: я ж танкист как-никак...

— Предлагаешь на танке его задавить?

— Да я с ножами этими как-то не того. Может, мы его из ружья решим?

Лёха посмотрел на свояка:

— Ты когда-нибудь слышал, чтоб свинью из ружья расстреливали? Что он тебе, диверсант какой?

— Да какая, хрен тебе, разница: стрелять или резать? Ну, станем мы его полосовать — это ж кровищи! Верещать начнёт на весь околоток. А так пух — и готово. И животине не мучиться, и мы все в белом. А, свояк?

Алексей вздохнул:

— Думаешь?

— Да чё тут думать? Я дело говорю! С ружьём мы на раз управимся. Мы ж из гуманных, понимаешь, соображений!

Лёха направился в дом.

— Ты чего это? — всполошилась жена, увидав мужа с мелкашкой в руках.

— Чего-чего... Расстрел прописали свиноте твоей.

— Ой, бо-о-ожечки... — всплеснула руками Анна. — Люди добрые! Это ж курам на смех!

— Папанька, и я с тобой! — увязался было за отцом Сергунка.

— Сиди уж! — одёрнула мать. — Гляди, подстрелят... Те ещё убивальщики.

Алексей принёс мелкашку Николаю.

— О! — оживился свояк. — Это ж совсем другой коленкор!

— Где приговор в исполнение приводить будем? — хмуро поинтересовался Алексей.

— Так давай в сарае и положим его. А чего? Ему там деваться-то некуда будет. А то начнёт ещё по всему двору носиться.

— С чего это начнёт? — насторожился Алексей.
— Ну как с чего? Мало ли...
— Ты ж сказал, что с первого раза уложишь.
— Да не кипешишь! С первого и уложу.
— Ну, смотри... А то как даст нам — и год досрочно кончится! — хмыкнул Алексей.
— Не сумлевайся, Лёха. Всё будет зер гут.
Мужики зашли в сарай. Кабан оторвался от корыта с тюрей, тяжело посмотрел исподлобья.
— Здоровый хрюндель... — уважительно протянул Николай, утирая пот со лба.
Руки его потряхивало.
— Ты давай не рассусоливай, — ткнул его в бок Алексей. Сам он тоже заметно волновался. Свояк вскинул ствол. Прицелился. Кабан глядел не отрываясь.
— Вот ведь, ёшкино коромысло!
Николай опустил оружие. Выдохнул. Снова прицелился...
Услышав выстрел, Анна кинулась к окну и увидела, как из распахнутой двери сарая один за другим вывалились мужики. Следом — окровавленный кабан.
Первым бежал Алексей. Бежал на удивление легко! Можно сказать, лихо, — высоко поднимая колени, как заправский спортсмен. За ним Николай, — спотыкаясь и постоянно озираясь, с мелкашкой в руках, весь белый. Свин жутко верещал, гоня мужиков по двору, точно зайцев. Те метались из одного угла в другой. В конце концов ломанулись обратно в сарай. Кабан — за ними.
Всё смолкло. Но не успела Анна опомниться, как кабан вновь высочил наружу, добежал до калитки в огород — и свалился.
— Ой, божечки...
Анна бросилась во двор. Следом — Сергунка.
В проходе сарая и в загородке для свиней никого не было. Она в недоумении огляделась, подняла глаза... Аккурат над загородкой имелся навес для кур. Вот на этом-то навесе, поджав ноги, все в перьях и курином помёте, и скрючились в три погибели свояки.
— Где этот гад? Сдох? — заикаясь, выдавил из себя Николай.
Анна, заходясь от смеха, медленно сползла по стенке.
— Ты чё ржешь-то? — пришёл в себя Алексей. — Мужик её чуть жизни не лишился, к свиньям собачьим, а она ржёт!
В дверях, раскрыв рот, хлопал глазами Сергунка.
Но не все злоключения на этом закончились.
Порося требовалось опалить. Поскольку паяльной лампы у них не имелось, по-деревенски обложили тушу соломой и подо-

жгли. Сергунка всю помогал, старался, подтаскивал солому. Когда костер разгорелся, мужики наконец выдохнули.

— Давай, свояк, покурим, — предложил Алексей. — Что-то я сегодня того... перенервничал.

— Да и то сказать! Здоровый, гад, живучий попался. Нет, ты видал, Лёха? Как я ему промеж глаз! А ему хоть бы хны. Ёшкино коромысло!

Мужики присели на старые покрышки от мотоцикла, спиной к костру. Вскоре потянуло палёной щетиной.

— А здорово ты, свояк, трухнул! — хохотнул Алексей, вспоминая, как Николай наматывал круги по двору.

— Это да... Я ведь шесть раз в танке горел, а страху такого не знал! Етишкин дух.

— Хе-хе...

Алексей поднёс папиросу к губам и вдруг почувствовал, как кто-то тычется ему в спину.

— Чего тебе, сынок? — обернулся он.

Перед ним, покачиваясь, стоял попалённый, с обгоревшими ушами кабан.

— Вы чего же, ироды, делаете? Вы долго ещё над скотиной измываться будете?!

На крыльце стояла разъяренная Анна. За её спиной испуганно жался Сергунка.

— Да чтоб вам повылазило, лихоимцы! Чтоб вас подняло да ударило! Чтоб вам...

Не дослушав проклятий жены, Алексей рванул к соседу. Николай — за ним. Вслед им раздавался утробный рёв кабана.

ПЕЛАГЕЯ

Суровая была баба Пелагея. Нравная. На расправу, в случае чего, скорая. Спуску никому не давала. А чтоб пожаловаться там или слезу на людях пустить — этого нет, сроду такого не бывало.

Невысокая. Крепкая. Сильная да ухватистая. А выносилая — что ты! Не всякий мужик мог в работе за ней угнаться.

Горюшка выпало на её бабий век с лихвой. В войну мужа потеряла, сына младшего, любимого. Но и тогда слёз от неё никто не дождался. Почтальонша — та, что похоронку на сына принесла, — рассказывала потом, как страшно, не своим голосом закричала Пелагея, закаменела лицом и повалилась навзничь. Ноги отнялись. Три дня пластом пролежала. Слова не проронив. Дочка Валюшка от матери ни на шаг не отходила. Натерпелась страху. Никогда она мать такой не видала — думала, что не подымется.

Поднялась... О сыне, о муже погибшем с тех пор — ни слова! «Вот баба каменная! — покачивали головами соседки. — Ведь ни единой слезиночки не пролила».

Двое старших сынов, слава богу, вернулись. На Иване живого места нет. Алексей — тот аж в сорок седьмом объявился, с японцами ещё повоевать успел. И ни царапины! Только вот язву заработал. Сначала в запасном полку впроголодь довелось мыкаться, после на фронте в окружение попал — три месяца траву да коренья жрали. А уж в Маньчжурии, в сопках, окончательно себе желудок угробил. На марше иной раз запасов воды не хватало, так приходилось воду из радиаторов понемногу сливать и пить. Всю жизнь потом Алексей с язвой своей загибался.

Ну вот... А уж как сыновья вернулись, переезжать из деревни в город затеялись. Бросай дом родной, Пелагея! Дело по тем временам непростое: деревенским-то паспортов не давали. Хорошо, старшего Ивана — бывшего фронтового разведчика, капитана запаса — начальником горотдела милиции назначили. Вот его-то хлопотами сначала мать перевезли, а следом и остальная родня подтянулась.

Дом продали, барахлишко разное, скотину. Жальчее всего с коровой-кормилицей расставаться было. Поначалу решили с собой взять. До Камня-на-Оби своим ходом с ней добирались, а как до города, до переправы, дошли да на паром грузиться стали — тут тебе и приехали. Паромщик упёрся: не возьму с коровой — и всё! Пришлось спешно на скотобойню гнать — не бросать же... А она, коровёнка горемычная, как чувствует. Её ведут, а у нее слеза бежит. Пелагея увидала — сердце зашлось. Но всё-таки сдюжила. Не дала слезам воли.

В общем, досталось бабе — не приведи господи! Однако не того замеса была Пелагея, чтобы руки опускать: дочь ещё на ноги подымать надо — дитё совсем, сыновьям помочь.

Ну да ничего. Прижились на новом месте. В городе оно вроде как полегче. Скотину Пелагея заводить не стала, а от огорода куда денешься? Семья растёт, внуки.

А тут им ещё участок под картошку отвели. И вот ведь одно к одному! Картошку копать, а Алексей, как на грех, с язвой слёг. Сноха беременная. У старшего сына, Ивана — служба. Только на внуков и надежда. Хотя проку с них мало, маленькие ещё: Сергунке с Пашкой по десять лет, Саньке восьмой пошёл. Ну да какие-никакие, а всё же помощники. Они, конечно, городские растут, избалованные, к работе не шибко приученные. Пелагее это в диковинку: в деревне-то ребятня с малолетства при хозяйстве. Но она к сынам с советами не лезла: пускай уж как знают.

Вилы, вёдра, мешки под картошку Пелагея с вечера ещё приготовила. Внукам велела, чтобы те к шести утра как штык готовы были.

Чуть свет и поднялись. К тому времени дед Лоскутов за ними на лошади подъехал, кум Пелагеи. Та с ним накануне договорилась. Он как раз в деревню соседнюю по каким-то своим делам стариковским собрался, заодно согласился подбросить их по дороге, а на обратном пути забрать.

По-быстрому скидали на телегу мешки, вёдра, вилы. Воды набрали флягу. Пелагея еды прихватила. И тронулись по холодку.

А как до места добрались, тут ребятня и заскучала сразу. Полю-то конца края не видно! Всё травой заросло — лебеда да осот — картошки и не разглядеть вовсе.

Да только с бабкой особо не заскучаешь! Косынку повязала, рукава подсушила — и вперёд. Пелагея вилами кусты подкапывает — мальчишки картоху в ведро только успевают накидывать да в мешки ссыпать. Умаялись уж, а Пелагее хоть бы хны, подгоняет да посмеивается:

— А ну, подтянись, пузочёсы!

Сергунка с Пашкой сопят, но стараются от бабки не отстать. А Санька — тот знай по полю полкает взад-вперёд. Меряет! Сколько откопали да сколько осталось. Старшие братья только пыхтят:

— Вот жучара!

Но Санька и ухом не ведет, рожу морщит озабоченно, глаза закатывает — подсчитывает вроде как в уме. В общем, шибко занят!

С такими работниками Пелагея десять соток не разгибаюсь и выпластала. К обеду откопались. А Лоскутова не видеть. Обещал приехать мешки с картошкой забрать, да что-то припозднился.

Ждали, ждали... Пелагея рукой махнула:

— Собирайтесь, ребята! К переправе пойдём.

А те и рады. На лодке через речку куда как интереснее, чем на подводе трястись. Мешки с картошкой ботвой закидали — от чужого глаза. Вещички подхватили, вилы на плечо — и пошагали. А до речки тоже путь неблизкий. Пацаны за Пелагеей еле поспевают. Устали — сил нет.

С горем пополам дошли до переправы. Глядь, лодка цепью к мосткам примотана, замок висит. А перевозчика нет.

— Ну что ж, подождём.

Пелагея бросила вилы и тяжело опустилась на землю. Тоже уморилась.

Прождали с полчаса. Никого. Ребяшня изнылась. Наконец Пелагея не выдержала:

— Где его леший носит?

Огляделась вокруг, подобрала каменюку и давай замок сбивать. Пацаны от удивления рты поразевали.

— Полезайте! — откинув сбитый замок в сторону,скомандовала Пелагея.

Только мальчишки вещи в лодку скидали — смотрят, со стороны деревни по песчаной косе человек бежит. Перевозчик, должно быть. Мужик махал руками и что-то кричал.

Пелагея обернулась на крик. Перевозчик приближался. Стало слышно, как страшно он ругается.

И вот ведь!.. Роду Пелагея была крестьянского, всю жизнь в деревне — какая уж там, казалось бы, культура? — а слова матерного в семье отродясь не слыхивала. Ни от отца, ни от мужа, ни от кого другого в родне. Да не то чтобы слова поганого! Ни тебе анекдота непристойного, ни шутки какой сальной. Ни-ни!

Мальчишки увидели, как Пелагея побледнела. Лицо её сделалось каменным, взгляд стеклянным. Никто и никогда в жизни Пелагею так не паскудил. Она схватила вилы наперевес. И пошла в штыковую.

И, видать, до того была страшна она в ту минуту, что мужик сначала остановился как вкопанный, поперхнувшись грязным словом, а потом развернулся и молча припустил в обратную сторону. Пелагея — за ним. Его счастье, что расстояние между ними было неблизкое.

Пелагея, поняв, что не догонит, замахнулась и что было мочи швырнула вилы в сторону обидчика. Пацаны такое только в кино про индейцев видели.

Вилы воткнулись в песок. Пелагея остановилась. Скулы её ходили ходуном. Глядя на бабу, внуки поняли: догони она его — каюк мужику.

Домой мальчишки вернулись присмиревшие.

— Чего это с вами? — удивился отец. Выслушав, усмехнулся: — Мать может...

Это став постарше, пацаны узнают, какой отчаянной была их бабушка в молодости. Как в Гражданскую мужа своего умирающего из тифозного барака выкрала. Как волокла его на санках домой в зимнюю стужу без малого тридцать вёрст. Как с того света вытащила, в травах отпаривая в огромной деревянной лохани.

А в Отечественную, когда младшего сыночка, Енечку ненаглядного, мальчишку семнадцатилетнего, на фронт заб-

рали, — так она в районный центр, на сборный пункт, в буран пешком ходила: повидать его, подкормить дитёнка. Да наглядеться досыта. Как чуяла, что не вернётся.

...Пелагея зажгла в комнате свет. Задёрнула занавески. Не торопясь, расправила постель. Подойдя к зеркалу, потянула гребень — волосы тяжело упали на плечи. Она медленно расчесала их. Вдруг замерла. Задумчиво провела ладонью по лицу. Из зеркала на неё смотрела немолодая, но ещё крепкая и красивая женщина.

Она подошла к комоду, взяла в руки шкатулку и, сев на кровать, достала пожелтевшее, свёрнутое треугольником письмо со штампом полевой почты. Бережно разгладила на коленях выцветший листок, исписанный мелким уверенным почерком: «Уважаемая супруга моя Пелагея Петровна и вы, детки мои...»

Пелагея читала, беззвучно шевеля губами. А на листок, оставляя мокрые следы, падали невыплаканные бабы слёзы.

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

В доме Бочарниковых с утра на удивление тихо и спокойно. Бабка чуть свет со старшими девчонками в лес отправилась, за ягодой. Жена Евдокия — в керосиновую лавку, не скоро вернётся. Самую младшенькую сестре Анне подкинула — понянькаться. Той в радость. По дороге ещё обязательно к какой-нибудь подружайке своей заглянет. Так что пара часиков у Николая в запасе имелась.

Дождавшись, когда за Евдокией захлопнется калитка, он, довольнo потирая руки, направился в сенки. Откинув полковик, открыл крышку погреба. Спустился.

Умостившись кое-как между бочками с соленьями, аккуратно взял с полки четвертную бутылку зелёного стекла. Бережно отёр рукавом. Горлышко было закупорено пробкой из туго свернутой газеты. Ухватил пробку зубами, потянул — в нос ударил ядрёный дух самогона.

— Ух! Мать честна...

Николай вытащил из кармана гранёный стопарик. Нацедил. Не спеша пригубил.

— Пойдёт.

Вытянув губы, медленно потянул в себя мутную жидкость. Крякнул. Занюхал рукавом рубахи. По телу разлилось приятное тепло. Он закупорил бутылку. Поставил на место и покарбался наверх, бодро напевая «Марш танкистов»:

*Броня крепка, и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны.
В строю стоят советские танкисты —
Своей великой Родины сыны.*

... Николай вышел во двор. Эх! Погодка как на заказ. Хорошо!

По двору, громыхая цепью, гонялся за курами Валет. Следом за ним мотылялась из стороны в сторону будка. А сама будка была привязана к забору — на тот случай, если Валет вздумает навовсе со двора, вместе с ней, упереться. Куры суматошно кудахтали, заливался лаем Валет, а на заборе восседал петух, свысока наблюдая за всем этим безобразием. Жизнь кипела.

Щурясь от яркого солнышка, Николай хозяйским взглядом оглядел двор. Дом поставили весной, между брёвен ещё торчала пакля: всё руки не доходило законопатить. Да и когда? За баранкой же целыми днями! Вот только воскресенье и имелось, чтоб хозяйство подлатать да душой отдохнуть.

Николай работал на автобазе, шоферил на своём выдавшем виды самосвале. Вывозил на свалку отходы с производства: с мебельной фабрики — деревяшки, с радиозавода — некондицию разную. Ну, а ежели чего в хозяйстве могло согдаться — так то домой вез. Не пропадать же добру.

Машинёшка у него старенькая, расхлябанная, дребезжит вся. Ему не раз предлагали поменять её на новую. Заслуженный шофер всё-таки. Да он ни в какую! Прикипел к ней. Пропах насквозь железом да бензином. И машина Николаем пропахла — махрой да дешёвым «Шипром». Сроднились, в общем.

— Я ж с ней, с милушкой моей, и Крым и Рим прошёл! — отмахивался он, бывало.

Николай продолжил обход. Эх... Ему материалу подходящего — он из дома игрушечку сделал бы! У него уже и дранка припасена — для веранды, под штукатурку — по случаю приобрёл. У забора — лаги для пола, по-хозяйски прикрытые от дождя рубероидом. Рядом шифер аккуратнo сложен.

Под навесом верстачок с инструментом. Тут тебе и рубаночек, и стамески, и напильники, и другое разное добро, что любому рукастому мужику в хозяйстве необходимо. Хочешь — строгай, хочешь — пили. Николай задержался у верстака, любовно перекладывая инструмент.

В целом он остался доволен результатами ревизии. Безмятежно пошвистывая, выглянул на улицу. Посмотрел, не видать ли Евдокию. Не видать...

— Так... Выходим на оперативный простор!

Он вновь взял курс на дом. В погребе, откупорив бутылку, махнул ещё стопарик. Подхватил из кадки квашеной капусты и привалился спиной к лестнице.

Хорошо-то как! Дом, детишки, жена... Евдокия — она, конечно, немножко заполошная, шумоватая. Да разве ж это беда? У других жёны — не приведи господи! А его Евдокия — женщина душевная, с пониманием. Да и сам он... И хозяин не хуже других, и на работе его ценят. Нет, жизнь всё-таки удалась! В войну-то вон какую страсть довелось пережить. Вспомнить страшно! А так-то жить можно.

Николай выбрался из погреба.

*Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведёт!*

Эх! Сейчас бы к свояку сходить, да тот с утра в Морозово собирался: белила ему там какие-то густотёртые приспичило покупать. А Николая так и подмывало поделиться с кем-нибудь переполнявшей его радостью бытия. Не с кем!

Он снова выглянул на улицу — не видать ли Евдокии на горизонте? Улица как вымерла. Посмотрел в сторону дома, опять на улицу, почесал затылок.

— Была не была! — Он махнул рукой и решительно пошагал к крыльцу.

После третьей стопки Николаю совсем захорошело. Вспомнилась служба, дружки его фронтовые. Сколько их в живых-то осталось? А сколько полегло... Николай всю войну прошёл механиком-водителем на танке. Горел шесть раз. Как жив остался?

Последний раз его подбили на западном берегу Одера, под Кюстрином. Выскочил из танка — да под самый миномётный огонь! И ведь так гвоздят, гады, что головы не поднять. Пока до первой воронки дополз, не раз с жизнью простился. А воронка — одно название. Как ни мостился, целиком не помещается. Он уж и так и сяк. Или голова, или зад. Выбери, как тебе больше нравится. Николай рассудил, что голова, как ни крути, дороже. Лежит, мордой в землю уткнулся, а зад наружу торчит. Ну и... аккуратно в самое незащищённое место и прилетело. Вот с таким, можно сказать, срамным ранением в медсанбат и угодил. Сказать кому — неловко.

Впрочем, войну он старался не вспоминать. Заведут, бывало, мужики в компании разговор — Николай все больше от-

малчивается. Такая она паскуда, война эта. И подумать тошно. Он не раз замечал: кто честно воевал да всю страсть-то эту видел — тот лишний раз и не поминает её, проклятую. Не береди душу. А которые и пороха-то нюхнуть толком не успели — те завсегда герои, те шибче других кулаками в грудь себя бьют.

— Да...

Николай было загрустил, но тут вспомнился ему госпиталь, где он лежал после своего негероического ранения. Медсестра Тонечка...

— Хех! Етишкин дух! — смущённо хохотнул Николай.

И так тепло, так благостно на душе у него стало.

*Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...*

...Вот непутевый! Калитка расхлобучена, дверь в дом настежь. Евдокия поднялась на крыльцо и остановилась, услышав в сенях какие-то завывания. Это ещё что такое?

Переступив порог, она увидела откинутую крышку погребка, откуда доносилось задористое, с присвистом:

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот...*

Из погреба Николая тащили втроём: свояк Алексей, благо он к тому времени из Морозова приехал, сосед его Василь Иванович да брат Евдокии Митрий — тот как раз в гости заглянул.

— Вы посмотрите, кака подлюка! Да чтоб ты пропал, морда звериная! — голосила Евдокия.

Мужики, заходясь от смеха, кое-как волокли Николая.

— Ну, всё... Попьёшь ты у меня ещё после баньки беленькой, попьёшь. Орясина!

Николай же к тому моменту достиг такой степени блаженства, что настроение ему проклятья Евдокии никоим образом испортить не могли. И песню свою он допел!

РАЙКИНА СВАДЬБА

Свадьба гудела — шумная, веселая, многоголосая! Завальниковы выдавали замуж младшую — Раису. Гуляли третий день. Родня-то немаленькая — под сотню набралось! У од-

ной только невесты братьев да сестёр десять душ. Да семьи у каждого. У Евдокии вон пятеро девок. Это Райка припозднилась.

Хотя... как припозднилась? Замуж второй раз выходила, с первым-то не заладилось. Ну да чего вспоминать? Взгляд у Райсы озорной, ямочки на щеках, и вся она такая ладная да живая. Огонь, а не девка! Так и светится, глаз с мужа молодого не сводит. Да и есть на что посмотреть: Юрка парень статный, осанистый. Стеснительный только больно, не чета жене.

А свадьба, как говорится, пела и плясала! Женщины — нарядные, цветастые, шумные. Мужики — те сдержанные, степенные, хоть и лет им всем чуть за тридцать. Фронтовики. А бабёнки, оно и понятно, натерпелись за войну, намыкались. Война — она ведь на самые на молодые годочки пришлась, когда только бы гулять да веселиться, петь да плясать. А тут... какие уж праздники? какие наряды? Пахали не разгибаясь да голодовали. Да мужиков своих ждали. Не все и дождались... Вот и навёрстывали теперь, торопились за всю свою молодость покалеченную отгулять да отплясать.

Анна примостилась у веранды под яблоней. Притомилась. Тяжко ей с животом-то. Рожать скоро. Рядом сёстры, Валя с Машей, да брат Митрий затанули что-то протяжное.

А Евдокия-то... Глянь-ка! Посреди двора, на сколоченном для танцев деревянном помосте, задористо отбивает дробушки. Рядом, бок о бок с ней, Алексей с гармошкой увивается:

*Вот Евдокия, во дает!
Она и пляшет и поет!
Она любого перепьет,
Коль выйдем спор!*

А муж Евдокии, Николай, на лавке сидит, спиной к дереву привалился. Тяжё-о-олый! Да и остальные мужики хорошие уже.

— А пойдёте на речку! — вскинулась Раиса, глядя, как молодой супруг голову к столу клонит.

— На речку! На речку! Ура! — Ребяшня, что расположилась по заборам да яблоням, с визгом посыпалась вниз.

Женщины, накинув на плечи платочки, — дело-то к вечеру — с кулёчками семечек в руках, на ходу сплёвывая шелуху, вышли за ворота и не спеша потянулись к реке. Николай с Алексеем и Сергеич, Валюшкин муж, ушли вперёд.

На речке хорошо, свежо. Мужики разделись. Николай, смущённо поправляя чёрные сатиновые трусы и одёргивая майку, окунул ногу в воду.

— Ух ты! Ёшкино коромысло!

Отошёл подальше. Сделал пару энергичных рывков руками. Разбежался и бултыхнулся с головой.

Мужики на берегу, не торопясь, покуривали, глядя на воду. Время шло. Николай не показывался. Все напряглись.

— Ой, бо-о-ожечки! — заголосили бабы. — Алексей! Чё стоите-то? Потонул ведь! Потонул!..

Алексей откинул недокуренную папиросу. Разувааясь на ходу, с разбега сиганул в воду. На берегу затихли, напряжённо вглядываясь в речную рябь.

И тут наконец из воды показалась голова Николая:

— Ух! Мать честная... Хорошо!

По берегу пронёсся вздох облегчения.

— Живой! Живой! — загомонили бабы. — Напугал, чёрт проклятуший!

Николай озирался вокруг, не понимая причины переполоха. Ему махали руками и кричали наперебой, пытаясь что-то объяснить.

— Алексей! Алексей!.. — доносилось до Николая.

Он вытаращил глаза, сообразив, что, пока нырял, утонул свояк.

— Ёшкино коромысло!

Набрав побольше воздуха в грудь, Николай ушёл под воду. В этот момент неподалеку вынырнул утопший Алексей.

На берегу тем временем творилось не пойми что. Каждый кричал своё.

— Закупались! Ой, закупались! До мокрых соплей... — хохотала Евдокия.

— До пузырей!

— Вот ведь полощутся! — хватался за бока Василь Иванович.

— Да он синий уже!

— К берегу, к берегу гребите...

Алексей только головой крутил да глазами хлопал.

— Алексей, да едрит твою за ногу, мы ж думали, ты потонул! — сплюнул в сердцах Сергеич. — Вылазь, к едрене фене!

— А Николай-то, Николай! — опять заголосили бабы.

Алексей понял так, что свояк объявился. Он осмотрелся, но Николая, однако, нигде не увидел. Тут до него дошло, что это ему на берегу радуются — что он не потонул. А Николая дальше искать надо. Он хватил побольше воздуха и скрылся под водой.

Когда в очередной раз вынырнул Николай, то увидел, как вдоль по берегу, придерживая живот руками, подвывая, бегают перепуганная Анна.

— Ёшкино коромысло... — Николай снова ушёл под воду.
— Не видать ни хрена! Муть одна! — выныривая и отплываваясь, проорал Алексей. — Течением, видать, отнесло. Не найду!

Воцарилась гробовая тишина.

— Чего стоите, рты раззявили?! Сергеич, помогай! — И голова Алексея вновь скрылась.

— Да... — почесал затылок Сергеич. — Эдак они до ночи бултыхаться будут.

Расстегивая на ходу ремень, он поспешил к воде.

...Когда Алексея и Николая, как мокрых щенят, выволакивали на берег, мужики, откашливаясь, ошалело озирались по сторонам. Бабы подхватили под руки своих незадачливых супругов и, костеря их почём зря, потащили по домам. Так закончился третий день свадьбы в семье Завальниковых.

К ночи у Алексея родился сын.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я дописываю последние строчки своего повествования. Рядом лежит семейный альбом. Старые, пожелтевшие фотографии не дают забыть лица тех, кого давно уже нет на этом свете. Я листаю страницы альбома. Вновь и вновь вглядываюсь в родные черты.

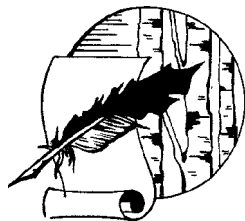
Для чего я пишу о них? Почему мучаюсь странным чувством вины? В чём она, вина моя, перед ними? Перед теми, чьи образы сложились из обрывков цепкой детской памяти и рассказов родителей.

Пишу... А что ещё я могу сделать для них? Для тех, чья жизнь в сравнении с моей нынешней была истинным подвигом. Война, голод, работа тяжкая, непосильная... Как сумели они сохранить в себе, несмотря ни на что, любовь к этой жизни, живой интерес ко всему, что окружало их, радость неизбывную? Почему я не умею так радоваться?

Может, в этом вина моя? И имя ей — неблагодарность?

А может, исчерпали деды мои и бабки меру этой радости, роду нашему отпущенную свыше? А я так... по сусекам скребу?

Есть над чем подумать...

Алексей ГУШАН

ОТКРОВЕНИЕ РОДИНЫ

ГЛУХОЗИМЬЕ

Чахнул день в декабре — в январе, погляди-ка, воскрес!
Сквозь простудную сырость тяжёлых небесных завес
Пробивается просинь. Лампады в раю зажигают,
Потому-то на сторону света пошёл перевес.

Перевес на весну! Но легко не отпустят своё
Ни морозы, ни вьюги. Кликушествует вороньё
Над цыганом, что продал, как исстари водится, шубу,
Понадеявшись вновь на своё воровское чутьё.

Проорутся вороны, и быть непременно добру!
По большому секрету мне ветер шепнул поутру,
Что деревня стоит под едва согревающим солнцем,
Подставляя заулки, как будто ладони, теплу.

СРОДНИКАМ

Не корите меня. Сам себя я нещадно корю,
Что порой забываю и важные даты, и лица.
За столом не сажу... Не браните меня. Не сидится.
И простите, что прямо о том не всегда говорю.

Я, наверное, много ненужного наворотил,
Но, поверьте, покуда Господь отпускает мне силы,
На далёком погосте сыщу все родные могилы
Среди тысяч других для кого-то родимых могил.

В ПОИСКАХ СОЛНЦА

Пойду в поля — покликаю,
В чащобы — поаукаю.
Где бродишь, ясноликое?
Окончится разлука ли?

Весна — девица с норовом —
Тобою не целована.
Дни за окошком хворые,
Ненастьем околдованы.

Июнь в саду, под вишнями,
Озябнет и расхнычется...
Согрейте сердце ближнего,
И солнышко отыщется.

ПОКЛОН ЗЕМЛЕ КОНДОВОЙ

Мне говорят: «Отрезанный ломоть».
Но не душой, а телом я отрезан
От берега, где всё от плоти плоть,
Где пагубу любую побороть
Нетрудно, где у дома пахнет лесом,

Водой озёрной, спелой травой,
Июлем из двадцатого столетья.
Всё это мог и вовсе не иметь я,
Но я имел — и потому живой.

И северной земле не изменял,
Хотя судьба по-всякому кружила...
Молюсь о деревенских старожилах,
Что нянчили по совести меня.

ГОЛОС СЕВЕРА

О многом Север сказывать готов —
Уважить собеседника в охотку.
Плывут себе бухтины*, словно лодки,
Вдоль невообразимых берегов.

*Бухтины** — небылицы, вымысел.

Диковинные сказы побредут
Среди овинов, бань и огородов
И до того смурные неба своды
Сиянием эдемским зацветут.

И вздрогнут деревянные коньки,
И охнут половицы на рассвете,
Духмяный запах лета на повети
Напомнит сенокосные деньки.

Во всём многообразье голосов
Говóрю* обонежскую услышу..
На этом свете ничего нет выше,
Чем откровенье родины без слов.

ЕЖЕВИКА

Истончаются летние блики —
Вот и вересень** — розовощёк!
Я поспелой набрал ежевики
Не в ведёрочко, а в кузовок.

То не прихоть моя, то невинный
И наивный из детства привет.
В кузовочки глухую малину***
Собирали и прадед, и дед.

А теперь я хожу, не блукая****,
По земле своенравных болот.
Трону ягодку — нет, не глухая —
Слышит, чувствует, даже поёт.

Глажу нежное грубой рукою,
И мечтается мне об одном,
Чтобы каждый нашёл неглухое
В этом мире, до боли глухом!

*Говóря** — северный говор.

*Вересень*** — сентябрь.

*Глухая малина**** — ежевика.

*Блукать***** — блуждать.

ОСЕННЯЯ МОЛИТВА

Какая прелесть эта прель!
Какое счастье — день ненастный!
Плывёт над крышами кудель
С теченьем осени согласно.

И всё, что кроме, — ерунда.
Но отчего же неустанно
Смотрю с волнением туда,
Где лето затворяет ставни,

Где покосившийся сарай,
Где просто так собака лает?
Благословляю птичий грай!
И он меня благословляет.

ПОСЛЕЛЕТНЕЕ

Месяц клюквы и зрелой смолы
Заскулил за забором сутулым.
Выгнал сиверко лето с горы —
Тем же ветром и дачников сдуло.

Кто не сдулся, сидят по домам,
Топят печи, глядят на дорогу.
Гроздь рябины легла между рам,
Чтоб осеннюю скрасить немóгу.

Та рябина красна, но горька.
Вот и жизнь — не конфеты-букеты...
Гладит осень хромого шенка,
Бессердечно забытого кем-то.

ПОМИНАЛЬНОЕ

Здесь всё, как прежде... Там, где был сельмаг,
Единственный фонарный столб хиреет,
Кренился набок: так ему виднее,
Что дело с освещением — табак.

Мост на реке скрипучий, подвесной
Пока ещё работает исправно,

Соединяя левый берег с правым
В бескрайний холод и в случайный зной.

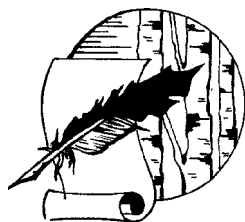
Смекнув, что дальше некуда годить,
Дома, амбары, бани, сараюшки
Боками прижимаются друг к дружке,
Не ведая, что будет впереди.

А впереди известная пора,
Но так её ещё не проходили —
Последнюю старуху проводили,
Последнюю избу заколотили
Вчера...

В ДЕНЬ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ

Пахнет всюду квашеной капустой —
Так безделье пахнет на селе.
Грязи густо, да князей негусто.
Втихаря тоскуют о тепле,
Сбрасывая жухлый лист, деревья.
По ночам такой берёт озноб
Оттого, что осень ежедневно
Воет в голос и ревет взахлёб.
И направо — то же, что налево.
Поприжмёт — начнёшь соображать...
Помолись о бабах, Параскева,
Что в беспутье вздумали рожать.

п. Малаховка Московской обл.

Александр АФАНАСЬЕВ

Александр Васильевич Афанасьев родился в 1931 году в городе Саратове. Окончил Тамбовское суворовское училище. Служил в Советской Армии. После окончания службы закончил в Москве педагогический институт. Работал в Ряжской железнодорожной школе военруком и преподавателем. Автор нескольких поэтических сборников, печатался в периодических изданиях. Уже 20 лет как Александр Васильевич полностью потерял зрение. Но, несмотря на это, продолжает писать стихи и выпускать стихотворные сборники. Живет в Доме инвалидов в подмосковном Ногинске. Является почетным членом литературного объединения «Вдохновение» города Ряжска.

ЛЮБОВЬ ПРОЩАЛЬНАЯ

* * *

Астры белоснежные —
Красота осенняя —
С лепестками нежными,
Как стихи Есенина.

И стихи упрямые,
Чистые, хрустальные
Льются в сердце самое,
Как любовь прощальная...

ПЕСНЯ

Липа зацветает теплыми ночами,
На аллеях темных пряный аромат.
Что-то происходит в это время с нами,
Будто с нами звезды тихо говорят.

В бесконечный космос

Млечный Путь уходит,
На востоке ярко светится луна.
Острый запах меда разлился в природе,
Голову дурманит сладкая волна.

Мы с тобою долго по дорожкам бродим,
Кажется, что будем мы всегда вдвоем,
Мы звезду искали на небесном своде,
Думали о счастье на двоих одном.

Я смотрел правее, ты — левой немножко,
Спутали мы звезды в липовом дыму —
Потому и вышли разные дорожки,
И пошли не вместе, а по одному..

* * *

Ваше имя шепчу про себя я
И подолгу смотрю вам вослед,
Как уходит и медленно тает
Неземной красоты силуэт.

Я опять — как в сиреневом мае.
Словно всполох далекой грозы,
Предо мной неизменно сияет
Ваших глаз чистота бирюзы.

Столько в них теплоты и участия,
Боль чужая для вас, как своя.
Видеть вас — настоящее счастье
И последняя радость моя.

ЗАВЕЩАНИЕ

Ни дороги, ни узкой тропинки
Мне теперь не найти до лесов,
Где березка сроднилась с осинкой,
Охраняя семейки грибов.

Напишите, спустившись с Парнаса,
На березовом белом стволе:
«Здесь грибы собирал Афанасьев,
Низко кланяясь русской земле».

г. Рязск Рязанской обл.

ДВИЖЕНИЕ В ТУПИК

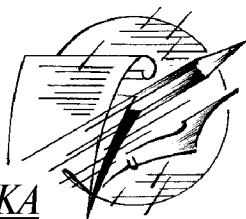
Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный,
Мы все к тебе придём.

М. Цветаева

Наша демография

Меня, как, надеюсь, и большинство уроженцев Московского региона, волнует его будущее. Московский регион (МР) включает в себя Московскую область (МО) и город федерального значения Москву. В настоящее время мы видим, как частной застройкой активно уничтожаются местные природные ландшафты и за счёт притока граждан на ПМЖ растёт плотность населения МР. И то и другое идёт вразрез не только с интересами коренных жителей, но и с интересами новоиспечённых владельцев недвижимости на территории МР.

Известно, что в РФ численность коренного населения стремительно уменьшается. Причём худшие показатели имеет государствообразующая нация. Так с 1989 по 2013 г. русское население сократилось на 8 млн. чел. Подобной демографии страна не знала даже после кровопролитных войн с внешним врагом. МР не исключение. В Москве убыль коренного населения идёт

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ударными темпами, несмотря на то, что уровень жизни здесь значительно выше среднего общероссийского показателя. В то же время население МР неуклонно растёт за счёт приезжих. Это стало возможным в условиях свободной торговли землёй и жильём. Безудержное строительство жилья на продажу ведётся на деньги разнокалиберных частных инвесторов, которые стремятся получить скорую прибыль.

Рассмотрим сравнительную динамику численности населения в стране. По данным Росстата можем составить следующие временные ряды (млн. чел./год). В РФ: 118/1959, 147/1989, 143/2012, 146,5/2016; в Москве: 6,2/1959, 8,9/1989, 11,6/2012, 12,4/2017; в МО: 4,8/1959, 6,6/1989, 7,2/2012, 7,4/2017. Соответственно в МР: 11/1959, 15,5/1989, 18,8/2012, 19,8/2017. В последнее время численность населения поддерживается за счёт мигрантов. Но в 2025 г. ожидается очередная демографическая яма, а к 2030 г. по данным экспертов ООН население РФ сократится до 138,6 млн. чел. Чтобы стабилизировать численность населения, мигрантов из бывших республик СССР уже не хватит. В МР ситуация противоположная: его население прибывает в абсолютных и относительных единицах. Из приведённой выше статистики следует, что доля населения МР по отношению к общему числу граждан РФ с 1959 г. по 2017 г. выросла с 10,2% до 13,5%. Как показывают временные ряды, эта доля имеет тенденцию к увеличению. В действительности МР отягощён наплывом лиц различной гражданской принадлежности гораздо больше. Официальная статистика не является полной. По некоторым оценкам на территории РФ находится не менее 12 млн. нелегальных мигрантов с наибольшей концентрацией в МР. Предположительно, в Москве вместе с мигрантами находится до 20 млн. чел., и в МР в действительности проживает порядка 27 млн. чел. Если исходить из этих данных, то доля населения МР от общероссийского на сегодня составит 18,4%.

Стройка века

При советской власти жилищное строительство велось в обеспечение производственной сферы, действовали ограничения по жилой площади на человека, а чтобы попасть в московский жилищный кооператив, нужна была московская прописка. Теперь прописка не нужна, нужны только деньги. Жилищное строительство стало самоцелью строительных компаний и ведётся в масштабах, невиданных в доперестроенной России. В МР строить выгодно, поскольку имеется мощный строительный комплекс и быстрее оборачивается

капитал. В МР насчитывается более 1000 застройщиков. Застройка ведётся прежде всего в интересах крупного частного капитала, но никак не в интересах населения муниципальных образований.

Уплотнительное строительство в Москве, начавшееся при Ю.М. Лужкове, успешно продолжается при С.С. Собянине. Идёт война строительной мафии с местными жителями, которые отстаивают своё жизненное пространство. Когда уговоры и запугивания граждан не помогают, прибегают к физической расправе. Вопреки элементарным требованиям экологии начали застраивать поймы рек и промзоны. Можно перечислить известные природные островки Москвы, которые подверглись строительной агрессии: Нескучный сад, Парк дружбы, Серебряный бор, Лосиный остров, Бутовский лес, Архангальское и т.д. Градостроительные нормы подгоняют под текущие проекты. Если в эпоху развитого социализма массовое жилищное строительство шагнуло от 5-этажных домов к 9-этажным, а башни в 17 и более этажей были редкостью, то в последнее время норовят возвести жилые дома в 25 и даже в 35 этажей. Архитектура новейших челоуейников ничтожна. Застройка продвигается вширь и ввысь.

Поскольку Москва не резиновая, в 2006 г. был объявлен проект Новой Москвы, который обозначил капитуляцию правительства перед проблемой перенаселения столицы. Многоэтажное строительство продвигается в глубь региона. На проблему потери жизненного пространства аборигенами МО власть имущие со времён горбачёвской перестройки не обращают никакого внимания. Уместно заметить, что московскими и областными чиновниками руководят люди всё не местные, не понимающие насущных проблем и перспектив развития МР.

В начале своего правления новоиспечённый мэр Москвы заявлял, что является противником точечной уплотнительной застройки. Это заявление как-то, впрочем, быстро забылось. В прошлом году объявлено об обновлении жилья. Реновация жилья сводится к тому, что на месте многоквартирных домов советской постройки возведут дома в 3—4 раза выше. Понятно, что новые дома примут тройное количество жильцов. Это и есть уплотнительное строительство. В этой связи процитируем представителя КПРФ, депутата Госдумы В. Рашкина: «Улучшать жилищные условия граждан необходимо и возможно. ... Вопрос только в том, в чьих интересах хочет действовать власть сегодня — в интересах народа или в интересах отдельных лиц, стремящихся обогатиться без ог-

лядки на права граждан и будущее города» («Советская Россия» от 20.05.2017). Ответ на этот вопрос понятен.

Собственно, реновация жилья ведётся давно. Например, вокруг нашего 17-этажного дома 1973 г. постройки в САО разрушили все 5- и 9-этажки, на месте которых возвели дома, имеющие от 10 до 25 этажей. Попутно постройками заняли часть сквериков. Строительство велось круглосуточно вопреки жалобам граждан. Теперь в окошко реже заглядывает солнце, неба не видать. Разрастание городской среды вширь и ввысь сопровождается бурным расширением подземки. Антиутопии становятся реальностью. Действующий мэр Москвы не сходит с экрана в ежедневных новостях по 3-му каналу ТВ, официальные СМИ освещают его достижения только с позитивной стороны и в превосходной степени. Но человек московский не может не видеть, что политика правительства Москвы привела к негативному изменению его среды обитания.

В PR-компаниях от С.С. Собянина пытается не отстать губернатор Московской области Ю.А. Воробьёв. Он также выступал с благостными предвыборными обещаниями, заявляя, что он сторонник малоэтажного строительства в городах МО и против застройки земель сельскохозяйственного назначения. Но, освоившись на должности, объявил об административной реформе по преобразованию муниципальных образований в административные округа. Цель этой противоречащей конституции самоуправной псевдореформы состоит в том, чтобы муниципальные депутаты и местные аборигены не могли влиять на судьбу своих населённых пунктов. Люди протестуют против превращения МР в огромный мегаполис. Жители малых поселений, как могут, борются против многоэтажной застройки. В частности, против многоэтажной застройки своего города выступили жители Клина. Однако это не смутило застройщиков: на некотором расстоянии от исторического центра города начато возведение больших уродливых строений, названных Новым Клином. Бизнес! Протесты коренных жителей для строительной мафии являются мелким недоразумением. Москва уверенно накатывала на ближайшие деревни ещё при развитом социализме. Сегодня Ближнего Подмосковья с его сельской панорамой больше нет. На его месте выросла не очень симпатичная городская и полугородская среда. На очереди застройка оставшейся части МР. Певцы рекламы недвижимости называют процесс масштабной застройки МР великой урбанистической революцией. Ускорение этому процессу придаёт дешёвизна

квартир по мере удаления от центра к периферии региона. При этом предложение превышает спрос, что также способствует удешевлению жилья.

Русский лес

Состояние леса оцениваю прежде всего как очевидец. Леса в МР находятся в более чем плачевном состоянии и их площадь непрерывно сокращается. В советский период за состоянием и восполнением Лесного фонда следили профессиональные работники лесного хозяйства. При необходимости применяли химикаты от вредоносных насекомых, места хозяйственных и санитарных вырубок расчищали, и с привлечением местного населения осуществлялись посадки. Со временем посадки прореживали, удаляли самостийный молодняк с тем, чтобы обеспечить правильный рост деревьев. Большие красивые деревья являлись приметами сельского пейзажа. Вдоль дорог, пролегающих меж полей, обязательно тянулись лесозащитные полосы. Те времена ушли в область предания. Вырубку леса чиновники отдали на откуп частнику, который вырубает лес на продажу по своему усмотрению. Искорёженные делянки с пнями и ровные некогда поляны быстро зарастают кустарником. О восстановлении леса помнят только старожилы. Исключение составляют посадки елей для продажи к новогодним праздникам да показательные мероприятия по высадке деревьев в лесопарковых зонах. Ежегодно в лесу увеличивается количество павших деревьев. Старые просеки еле угадываются. Поскольку запустение леса длится без малого полвека, завалы с непроходимыми зарослями только увеличиваются. В последние годы состояние леса производит особенно удручающее впечатление. В условиях узаконенного варварского уничтожения леса поражает запрет для местных жителей вывозить из леса древесину павших деревьев и сухостой.

Прошлый год — «год экологии». О мероприятиях по этому поводу приходилось читать и видеть в разнообразных СМИ. В МР проводились акции «посади дерево» с участием медиа персон, проведены санитарные вырубки леса, разъеденного вредоносным жуком. Понятно, что жук типограф появился именно из-за того, что леса не чистят десятилетиями. Сообщается, что с 2013 г. в ходе начавшейся экологической акции «Наш лес. Посади своё дерево» высажено 7 млн. деревьев на площади 4000 га. Даже если эти данные соответствуют действительности, они никоим образом не дают основания говорить об оздоровлении лесного фонда. Ясно, что после

акции «посади дерево» должна пройти человеческая жизнь, прежде чем здесь поднимется взрослый лес. И то при условии, что этот лес будут охранять и за ним будут ухаживать. Обратный процесс идёт намного интенсивнее — сегодня лес уничтожается в немереных количествах. Несколько лет тому назад аборигены выступили против строительства платной автомобильной дороги через Химкинский лес. Тот отрезок дороги построили, заинтересованные лица освоили деньги, три четверти Химкинского леса вырублено, особо активные противники рубки леса получили увечья или убиты. Теперь прокладывают шоссе от Солнечногорска к Завидово и далее на С.-Петербург. Вот выдержка из статьи известного учёного д.э.н. М.Я. Лемешева: «В Программе развития транспортного комплекса МР (2010—2015) намечено сооружение платных дублёров трассы М-10, их прокладывают по лесам водосборного бассейна реки Клязьмы, водные ресурсы которой используются для снабжения Москвы. Их строительство ещё не закончено, но уже вырублено 271 га лесных угодий. В Солнечногорском районе одновременно намечена дополнительная, по счёту уже третья взлётно-посадочная полоса аэропорта Шереметьево. Под неё будет вырублено ещё 210 га водоохранного леса, а реку Клязьму строители планируют заключить в бетонную трубу» («Сов. Россия» от 12.01.2017). Дополнию эту выдержку собственными свежими наблюдениями, полученными в поездках по Ленинградской ж/д. Когда едешь в электричке, справа и слева по сторонам видишь огромные полосы вырубленного леса. Идёт подготовка строительства платных автомобильных дорог. Одну нитку шоссе довели до Решетниково. При этом разрушили существовавшую здесь систему мелиорации. Вода затопила прилегающие к дороге участки леса и сельские огороды. Интересы местных жителей во внимание не принимаются. В качестве рабочей силы используются исключительно приезжие из среднеазиатских республик. Проблемы автомобильных пробок и трудности снабжения Москвы и пригородов привели к строительству дорог для богатых, а это, в свою очередь, породило новые проблемы. И первая из них — уничтожение собственной природы.

Дачники

Горожане всегда стремились на отдых поближе к природе. Дачники — форма их существования за городом. Под это определение подходят самые различные слои населения. Помню бедные, но благодатные 50—60-е годы, когда городские

жители на лето снимали дачу, т.е. часть жилого помещения в избах у сельских жителей. КПСС ставила задачу стирания границы между городом и деревней, и дачники того времени были дружественной прослойкой народа и источником небольшого дохода для жителей деревни. Они не были захватчиками земли. Сегодня стирание той самой грани понимается иначе — как стирание деревни с лица земли. Постепенно деревни в МО переходили к наследникам бывших колхозников и к дачникам, желавшим иметь собственные дома. В послевоенное время существовали государственные дачи и немногочисленные дачные посёлки для так называемых творческих работников. Потом появились садоводческие товарищества, каждому члену которых полагались скромные 6 соток. Дачное строительство велось в интересах работников госпредприятий. Но в советское время поддерживалось сельское хозяйство, и под дачи отдавались только земли, оставшиеся вне хозяйственного оборота. Ситуация круто изменилась с приходом «нового мышления» и с последующим развалом социалистической системы в целом и сельского хозяйства в частности. Местные чиновники начали продавать под дачи пустоши и неудобья, потом бесхозные поля и луга. И леса. Любопытно, что лидер одной известной политической партии в своих предвыборных обещаниях той поры сулил каждому избирателю участок земли в МО. В начале 90-х первый президент России одобрил коттеджное строительство в 50-кิโลметровой зоне вокруг Москвы. И «новые русские» хлынули на просторы родины. Началось новейшее освоение дачниками, теперь уже владельцами недвижимости, брошенных полей и лесных далей.

МР отличается разнообразием природно-ландшафтных зон. Интенсивное дачное строительство привело к деградации природных ландшафтов, приближение к которым, собственно, и являлось целью владельцев дачных участков. За последние полвека многие природные ландшафты МР либо уже уничтожены, либо изменились до неузнаваемости. Наибольшую антропогенную нагрузку испытали на себе живописные районы вокруг Белорусской ж/д. Земли под Звенигородом называли Подмосковной Швейцарией. Сегодня сравнение со страной, которая дорожит своим обликом, уже не выдерживает критики. Ездить за город по Белорусской дороге стало неинтересно. Кругом нагромождение разнокалберных построек, заборы, автомашины. Из лесистых радиусов можно назвать Казанское и Ленинградское направления. Но и здесь давно тесно от желающих иметь недвижимость на лоне природы. Строительство собственных загород-

ных домов, некоторые из которых напоминают средневековые замки, в МО стало престижным для состоятельных деятелей из различных регионов РФ. Сельские виды перестают радовать глаз. Земля изуродована строениями, которые в совокупности представляют собой безобразное зрелище, не говоря уже о разрушенной экологии. Продажа земли под частную застройку — главный фактор изменения окружающей среды в МО. Очевидно, что каждая семья в МР не сможет иметь свой участок земли — земли не хватит. Так же, как не хватит места для проезда, если каждый гражданин будет иметь личный автотранспорт. Но продолжают выжимать деньги от продажи земли в частные руки. Этот процесс имеет предел, нетрудно догадаться какой.

Дачники, ставшие владельцами земли, успешно вторгаются в заповедники. Например, в Сергиево-Посадском районе, вокруг Нового Иерусалима и многих других местах. Понятно, что перевод в частную собственность заповедных земель невозможен без разрешения местных властей, и это «разрешение» не дешёво. В МО 80% береговых полос водоёмов захвачено частными компаниями. Например, в Одинцовском районе частный капитал владеет береговой линией Москвы-реки до самого Звенигорода. Земли в верхнем течении Москвы-реки под угрозой многоэтажной застройки. Против такой застройки составлены петиции и направлено послание президенту РФ. Гражданское общество не может обуздать одного человека, завладевшего общенародным достоянием. Однако следует заметить, что поля и леса в Одинцовском районе, о которых идёт речь, давно забиты коттеджными посёлками. Сегодня мы видим следующую очень неприятную для дачников тенденцию: многоэтажная застройка наступает на дачную местность. Это означает, что естественные блага, такие как комфортное жильё и пользование здоровой природной средой, перестают сочетаться друг с другом.

Счастливые законные захватчики земли, бывшей в общенародной собственности, а теперь ставшей частным владением, лишаются привилегии жить подальше от города. На посёлки также наезжают нефтегазовые магистральные трубопроводы. Но есть для некоторых дачников и приятные нововведения. В этом году подоспел закон, если его можно назвать законом, о «лесной амнистии», который точнее следует называть «дачной амнистией». Прочитируем аннотацию статьи в «МК» на эту тему: «Очень нужный и своевременный закон, прощающий мошенников, подготовило наше правительство. Официально он называется так: проект Феде-

рального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях устранения противоречий в сведениях государственных реестров». Неофициально — «лесная амнистия». Речь идёт о лесных участках оказавшихся разными путями у частных лиц. Новый закон делает их полноправными владельцами леса независимо от того, как они подобрали его под себя — благодаря кадастровой неразберихе, по заблуждению, самозахватом или мошеннической схемой» («МК» от 21.04.2017). Простое административное решение неразрешимой проблемы. Вперёд к победе капитализма!

Что будет

Из вышеизложенного следует очевидный вывод: МР будет уплотняться со всеми вытекающими последствиями. Действующая система управления и принятия решений правительством региона — система с положительной обратной связью. Выражаясь более доходчиво, — МР пошёл вразнос. Люди, управляющие хозяйством Москвы и МО, открыто заявляют и показывают своими действиями, что их целью является построение огромного мегаполиса. Заявленная цель является опасной глупостью, выпущенной на оперативный простор. Если думать о будущем, она представляется бессмысленной и недалёковидной. Оспорить их действия в высших органах власти не представляется возможным — ЕР не дремлет. В постсоветский период возникли проблемы, которые рулевые от ЕР решить не в состоянии, и эти проблемы в регионе будут только приумножаться.

Перечень этих проблем известен. Наличие большого количества автотранспорта привело к тому, что Москва «стоит» по утрам и вечерам, причём автомобильные пробки поразили и загородные шоссе. При увеличении плотности населения и соответственно автотранспорта эту проблему решить невозможно. Строительство новых дорог влечёт за собой затраты на их обслуживание, вырубку оставшихся лесов и конфликты с местным населением. Стремление к улучшению качества жизни приводит к обратному эффекту. Проблема утилизации отходов не решена и решена быть не может потому, что поток самых разнообразных отходов слишком велик. Свалки, большие и маленькие, только растут. Решение этой проблемы переадресовывается следующим поколениям. Строительство всё новых объектов недвижимости на лоне природы требует новой инфраструктуры и оборачивается собственноручно уничтожением природы. Москва и её пригороды дав-

но не в состоянии себя обслуживать. Москве требуются дворники, парикмахеры, продавцы, водители общественного транспорта, служащие различных контор, работники многих других профессий, включая учителей и врачей, и, конечно, полицейские. Кадры всё больше не местные. Управляющие не местные и обслуга не местная. Москва — источник мусора и сток трудовых ресурсов. Москва поставляет кадры стране много меньше, чем поглощает, действует по принципу пылесоса. Хозяйственное обеспечение Москвы и области напоминает финансовую пирамиду. Сельскохозяйственное производство в МР за годы «реформ» упало на порядок. Сюда включаем сельхозпродукцию от личных хозяйств. Министерство сельского хозяйства МО — потешная организация. Как следствие, продовольствие для мегаполиса нужно привозить из всё более и более отдалённых районов. Снабжение, которое нынче называют умным словом «логистика», дорожает: нужно больше дорог, больше транспорта, больше бензина.

Метрополитен вскоре охватит такие подмосковные города как Люберцы. Появятся новые автомобильные хорды, радиусы и кольцевые дороги. В города средней отдалённости от Москвы поведут наземное метро. Понятно, что такие планы предполагают продолжение застройки новых территорий, которые и будут поставлять потоки граждан для доставки их к месту работы. По сути, это — приговор Московской области, облик которой меняется на глазах. Разрушение среды обитания официально именуется развитием территорий. Нам предлагается подмена понятий. Собственно с экономикой действия властей имеют мало общего, за ними угадываются интересы частного капитала и коррумпированного чиновничества. Так называемое «развитие», которое мы видим, ведёт в тупик. Тупик экологический, экономический, политический и житейский. Комфорт в отдельно взятой квартире или доме за высоким забором противопоставлен общенародным ценностям. Сблудн схватить то, что не успели схватить другие, является неодолимой движущей силой в нашем обществе. После десятилетий разрушения пришла эра духовного и культурного одичания. В государстве нет понимания, как развивать производительные силы общества, как развивать регионы, как проводить национальную политику и проч. Вместо правильного понимания реальности — подмена понятий и административный произвол. Апофеозом «развития» территорий МР является план строительства крупнейшего в Европе кладбища в Новой Москве. Большая плотность населения предполагает большое количество покойников. Вполне логично. Курский вокзал — крупнейший в Европе, метро

политен — крупнейший в мире. Теперь вот кладбище.

Конфликт глубинной России с городской цивилизацией был подмечен еще 200 лет тому назад. В МР этот конфликт разогрелся до нетерпимости. Нужно определяться с будущим МР сейчас, завтра от природы останется одно воспоминание. Нужно определить, что важнее: интересы частного бизнеса или интересы всего общества. Но вместо взвешенной политики сбережения природной среды правительство принимает решение о расширении Москвы. Катастрофическое расширение Москвы с точки зрения развития региона носит разрушительный характер. Правительство не имеет достаточного представления, что нужно делать с природными и человеческими ресурсами России. Процессы строительства и демографии пущены на самотек. Силы общества пропадают в борьбе за частную собственность, но быстро всё распродать тоже не удается — слишком большая она, Россия. «Новое мышление» и «либеральные ценности» привели к падению нравов и сделали страсть к наживе национальной идеей. Однако культура быта для богатых не может быть национальной идеей. У каждого гражданина не может быть дачи и автомобиля, и к этому нелепо стремиться. «Не хлебом единым жив человек». Россия жива стяжанием духовных ценностей. Наша национальная идея — это наша родная природа. «Охранять природу — значит охранять Родину» (М. Пришвин). Сегодня же МР — прежде всего площадка для вложения частного капитала.

Для того чтобы из неразумного состояния вернуться в действительное и разумное, необходимо предпринять радикальные меры. Следует определиться, сколько народонаселения должен вмещать Московский регион, исходя из общегосударственных задач, а не из интереса коммерческих фирм; определиться, какие институты, производства, учебные и прочие заведения здесь необходимы и, исходя из этого, планировать потребность в рабочей силе; готовить в учебных заведениях Москвы специалистов из иногородних студентов для их родных регионов; спасти остатки сельского хозяйства; восстановить профессиональное управление лесным хозяйством; объявить мораторий на передачу земли под дачное строительство и расследовать появление незаконных построек; не замещать коренное население непонятным сбродом. МР вполне может обойтись без приглашения рабочей силы извне. К сожалению, вероятность того, что при действующем правительстве подобные меры будут приняты, равна нулю.

У нас любят трепать имя России, не понимая, в чем суть

этого понятия. Россия — это, прежде всего, культурное пространство. Это пространство возникло в окружении нашей исконной природной среды. Уничтожение природы — уничтожение собственной идентичности. Лицо России — это облик ее ландшафтов, а МО — это часть России. Но постепенно МО становится частью Москвы. Чем же становится Москва — тоже хороший вопрос. Уничтожение собственной природы приняло характер национального бедствия. Если попытаться представить себе будущее МР, то всё идет к его бессмысленной урбанизации и стремительному оскудению его природных богатств. Увеличение плотности населения МР в сочетании с убылью населения РФ — явление болезненное, такая социальная шизофрения. Так что светлое будущее оказывается не очень светлым, но скорее похожим на тупик.

ДВА РАССКАЗА

САМАЯ КРАСИВАЯ ДЕРЕВНЯ

В конце августа Павел Погодаев с Мишкой Карнауховым поднимали пары на левом крутом склоне Красного Яра. Старенький «Фордзон» часто ломался, постоянные ремонты не добавляли ему «лошадиных сил». Свежая покраска не могла скрыть почтенного возраста «железного коня». Поднимаясь по склону, трактор надрывно тархтел, трясся всем своим железным корпусом. Мишка должен был регулировать глубину пахоты лемехами. Работа не ладилась. Приходилось часто останавливаться, глушить перегревающийся двигатель, однако и передышки не помогали колёснику.

— Да, с такими темпами что заработаем? — обратился Павел к напарнику.

Тракторист был мужик лет тридцати пяти, подвижный, компанейский. После фронтового ранения левая его рука осталась навсегда согнутой калачом. В выгоревшей военной фуражке, солдатской гимнастёрке и кирзовых сапогах он выглядел молодцом. Казалось, всё по плечу этому крепышу-механизатору.

ПРОЗА

Мишка, шестиклассник, из-за жестокой тряски вынужденный больше бегать за трактором, чем сидеть на плуге, был заметно утомлён — мать подняла на рассвете, с петухами. В колхозе не хватало мужских рук, все были при деле, и на пахоту, по договорённости с директором школы, прицепщиками посылали на день-два, по очереди, ребят, от шестого класса и старше.

— Что скажешь, негритёнок?

Напарник, весь пропылённый, молчал. К обеду устали оба.

— Пойдем, перекусим? — крикнул Павел, поднявшись со своего командирского «седла».

— А куда? — отозвался от плуга Мишка.

— Спуститься бы к Илиму, искупаться... Далековато. Пойдем к обрыву, боец.

— Я где-е-сь останусь, — протянул Мишка. — Сил нет, Паша. Пыли наглотался...

— Не хнычь, вдвоём веселее. «Мы кузнецы, и дух наш молод...» Подпевай, молодая смена!

Мишка, со своим небольшим берестяным коробом, нехотя поплелся за трактористом. Миновав сосняк и полянку, вышли к обрыву. На его краю чьей-то заботливой рукой вокруг стола, сколоченного из неструганных досок, были расставлены чурбаки. На них и расположился «экипаж машины боевой»

— Видишь, Михаил, какой уют: стол, кресла... Поди сюда, плесну воды из бутылки. Умойся, сразу легче станет. Ну, вот и порядок. Жаль, девок нет, увидели бы, какой ты парень. Мне тоже плесни. Хороша, хороша водичка! Еще немного... Стоп!

Разложили на столе припасы. Жевали молча; Павел прихлебывал из бутылки холодный чай, Мишка — молоко. От молока быстрее растут, говорила мать.

— Сейчас бы настоящего чайку с костра, — сказал старший, пряча в неразлучный армейский вещмешок миску, бутылку с остатками чая, белую льняную тряпицу, в которую жена заворачивала отварную картошку, хлеб.

— Котелок нужен, Паша, заварка...

— Заварки вон сколько вокруг. Ароматная, свежая... А насчёт котелка ты прав.

Он закурил, выпустил несколько колечек дыма. Со стометровой высоты Красного Яра обвёл взглядом родную деревню на берегу Илима.

— Погляди, погляди, Мишка... Красота, а?

— Красота? Леса, леса да наша деревушка, — не было радости в голосе Мишки.

— Да ну тебя. А слева...

Мишка повернул голову: далеко внизу, вдоль Илима, тянулась ниточка домов, примостившихся на угоре. От каждого дома к реке сбегала тропинка, упиравшаяся в лавницу. Под угором, как опята, кустились серенькие баньки.

Безразличие помощника опечалило Павла.

— Эх, Мишка, нет такой красоты на всём белом свете... А я-то свет повидал... Бывало, не стреляют, передышка, ребята прикорнут, спят, а я закрою глаза — избы, берег Илима... Ставеньки голубые, как ясные глазки, смотрят на солнце, на юг. Наличники белые, резные, как в сказке теремки... Вот так вспомнишь в траншее, перед боем, своё, родное, и в сердце смелость... Победим, вернусь живым! Всякие места видал. Только родная земля... Здесь родился, в школу бегал мальцом, потом своя семья... Каждый уголок, каждый кустик знаю. А вон посмотри, деревня Игнатьева...

Павел здоровой рукой повёл в сторону дальней сопки. Около неё, у подножия, как бусы на нитке, виднелись дома.

— Бывал я там, и по воде, и на лошадях, — отозвался Мишка.

— Это я к чему... Возвращался с фронта я осенью сорок четвёртого, заморозки, Илим вот-вот станет. На лодке доплыли до Игнатьевой с местным, Дмитрием Ивановичем Черемных. Попрошался, подхватил вещмешок и бегом... Три километра, не остановился ни на минуту. Смотрю с другого берега на избы и не вижу, слёзы бегут. В горле пересохло. Стою напротив своего дома, кричу, а силы в голосе нету. Машу руками... Вижу, парнишки на том берегу забегали, в лодку прыгнули и ходом ко мне. Не помню, как добрался. Вся деревня встречала. Не у каждой семьи такая радость...

Мишка эту историю слышал от тракториста не раз.

Павел умолк, смотрел в сторону Игнатьева, словно видел себя в тот осенний день, потом повернулся к помощнику.

— Говорят, Мишка Слободчиков в Иркутск собрался?

— Да, в сельхозинститут, на механика. Я тоже, получу аттестат... На лётчика буду учиться.

Павел сдвинул обшлаг рукава гимнастёрки, взглянул на трофейные часы.

— На лётчика... А кто землю пахать будет?

— Другие пусть пашут, — безразлично сказал Мишка.

— Какие другие? Все станут инженерами, лётчиками, врачами...

— Да ладно тебе, Паша. Чего пристал? Как я решил, так и будет.

Павел с сожалением, что ли, посмотрел на Мишку, и это его задело.

— Странные вы, взрослые. Для чего мы геометрию учим? Чтобы коров доить?

«Не один он думает так», — успокаивал себя Павел, но покалеченная рука, сама по себе, стала дрожать.

— Я ведь до войны семь классов окончил, по тем временам — хорошее образование. Фронтовик. Звали в район, предлагали должность. А кто на трактор сядет, кто сено заготовит скоту... Инженеры да лётчики? Кто в деревне останется? Старухи, старики?

Павел не повышал голоса, но щеки покраснели, от першения в горле закашлялся.

— С деревней нашей что будет? В страшные годы сберегли, бабы да старики сеяли-жали, а когда мир наступил, все разбегаются.

Мишка не мог скрыть обиду.

— По-твоему, не надо учиться деревенским? И лётчиками нам нельзя, и врачами...

— Так-то оно так, и лётчики нужны, и агрономы, и врачи... А с деревней нашей как быть? Подумай, триста лет живут в ней люди. Как её можно бросить?

— Да кто её бросает? Ради неё и стараюсь, учусь. На отлично учусь, на пятёрки.

Отсюда, с обрыва, с высоты птичьего полёта, Мишка словно впервые увидел свою деревню. Вросшая фундаментами изб, как могучими корнями, в древнюю землю, она показалась ему несокрушимым бастионом, о который разбивались века и невзгоды.

— Перед войной-то мы богато жили, — вспоминал Павел. — Колхоз наш, «Трактор», по нынешним деньгам, был миллионер. Видишь вон те фермы, конные двory, ток для обмолота зерна... За десять лет сколько построили. Техникoй обзавелись. На трудодни и хлеб, и деньги получали. Деревня приоделась, велосипеды, патефоны... Война всё разрушила. Ни один дом похоронка не обошла.

— Мы в школе считали: сорок два человека из нашей деревни не вернулись с войны. У Ведерниковых погибли два сына, у Замаратских двое...

Снова натужно загудел трактор в Красном Яру. Отвалы земли, сочно-чёрные, блестящие, быстро обветривались; под августовским солнцем комья земли становились тускло-серыми, разрыхлялись, умягчались, превращаясь в благодатную почву для новых посевов.

Наполненная солнечным светом, сверкает внизу река. А на берегу этой реки самая красивая на свете деревня, в которой зародилась Мишкина судьба.

Куда она его поведёт?

В этот раз Мишка с матерью потратили на сбор брусники больше времени, чем обычно, — целый день. На их постоянном месте у Малой речки кто-то её уже обобрал, прошёлся по ягоднику с варварством бульдозера. Ягоду брали браконьерским способом — совком. Веточки-крохотульки замяты, глянцево-листья безжалостно потоптаны, многие кустики с корнями вырваны. Пришлось идти к Россохе, но и там нетронутых полян не нашлось, одни оборыши. С загубленных участков за день с трудом набрали по ведру, но зато в берестяных кузовках, турсуках, осталось место для рыжиков, которые год от года селились в еловом лесу возле большого болота. Наполненный ягодами и грибами, Мишкин турсук был тяжёл, лямки врезались в плечо, и мальчик то и дело оттягивал их руками, ослабляя давление и давая отдохнуть уставшим плечам. Мать, видя это, часто делала остановки, поглаживала плечи сына и приговаривала:

— Своя ноша не тянет...

— А какая тянет, мама?

— Чужая, — улыбалась мать.

— Разница-то какая?

— Значит, есть разница, если говорят. Потерпи немного, Миша, сейчас до кулиги дойдём, а там по полю, и считай, что дома.

— Далеко ещё, — вздыхал Мишка, представляя, сколько надо шагать до раскорчёвки.

Чтобы подбодрить сына, мать, время от времени, говорила:

— Посмотри, сынок, какая красота вокруг...

Они садились на тёплую лесную подстилку, мать очерчивала рукой возле себя незримый полукруг, словно хотела заключить в него и приблизить к сыну все эти поляны, перелески... Простая деревенская женщина, она всегда делилась с людьми своей радостью, вовлекая всё окружающее в поле своего тепла и света. Иногда, остановившись на тропинке, взглядом подзывала сына, осторожно пригибала к его лицу веточку осины.

— Миша, посмотри, как солнечный лучик высвечивает лист, каждую жилку. И цвет листочка меняется. Видишь, веточка стала похожа на золотой ручеек... Господи, какая красота...

Вместе они любовались невиданным убранством леса. Казалось, этой осенью совсем другие краски. Жёлтые стали золотыми, красные — брусничными, а зелёные — каменно-холодными, малахитовыми...

— Миша, прислушайся... Лес никогда не молчит. Слышишь, журавли кричат? В чужие земли собираются. А что это за скрип, знаешь? Старые деревья скрипят, жалуются, чувят близкую зиму... А люди думают, что деревья только для дров, печки топить да дома строить... Нет, сынок. Они и почву лесную оберегают, сбрасывают листву на землю, укутывают её теплым одеялом, чтобы не промерзала в стужу. В ней должны перезимовать и корешки, и зёрнышки, и букашки. А вон сосны-красавицы, корабельные. В старину из них строили корабли.

Мать брала Мишку за руку, и они шли дальше, определяя по своим приметам, сколько ещё осталось до деревни. Но сынишка слишком устал. Увидев на дороге сухую сосновую ветку, мать подняла её, укоротила, обломала сучья и подала Мишке.

— Вот тебе посох.

— Я же не дед какой-то!

— Посох и молодым помощник.

После сотни шагов спросила Мишку:

— Ну как?

— Здорово. Так легче, и правда.

— Спроси любого в деревне. Никто в лес без палки не пойдёт.

Так, с передышками, добрались до кулиги. Поле открылось сразу, за поворотом...

Мать схватила Мишку за руку и, приложив к губам палец, отступила назад. Прижала к себе сына.

— Журавли...

— Да, — прошептал Мишка. — Гляди, по всему полю...

Сквозь ветки маленьких ёлочек просматривалось поле, от леса до реки, занятое журавлями. Все они были в движении: одни важно вышагивали на палочках-ножках, похожих на ходули, другие выискивали мышонка-лягушонка, колоски на недавно скошенном поле.

Мишка впервые видел столько журавлей.

— Зачем они здесь, мама?

— Дорога долгая. Перед отлётом вожак привёл стаю попасть, наедаются впрок, сил набираются.

— Давай поближе...

— Нельзя, Миша. Журавль осторожная птица. Видишь, кружит парочка. Это дежурные, наблюдают за округой. Как только мы выйдем на поляну, вся стая поднимется.

— И что делать? Другой же дороги нет.

Мать умолкла, подумала, сказала, как о деле решенном:

— Придётся через лес, Миша...

— Но это же такой крик!

— Да, крик, но журавлей пугать не будем. Подумай, какая дорога их ожидает. Не все долетят, не все весной вернуться обратно. Пусть ещё немного отдохнут на родной земле.

Мишка не стал спорить, он знал, что если мать решила сделать доброе дело, то не изменит решения. Мишкины слёзы тут не помогут. Колени не сгибались, плечи ныли, спина болела, а путь в обход был в два раза длиннее, чем через поле. Чтобы облегчить Мишкину ношу, мать взяла его посох, один конец положила на плечо сына, другой — на своё, разместив турсук посередине. Так, друг за другом, гуськом, по окружному пути...

На очередном привале мать, прижав Мишку к себе и вытянув ноги, стала разминать онемевшую кисть правой руки. Потом печально сказала:

— Знаешь, Миша, журавли — самые мои любимые птицы, они похожи на людей. Красивые, верные друг другу. Они и чувства свои выражают, как люди. Запомнился мне один случай. Давно это было, когда мы с твоим отцом ещё только собирались пожениться.

— До войны?

— До войны. После неё забот много было... В небе иногда только увидишь... Так вот, весной, когда они вернулись из тёплых краёв на свою поляну, мы с твоим отцом видели редкое зрелище — журавлиный танец.

— Они танцуют? — удивился Мишка.

— И красиво так! Соберутся в кружок, один или два выйдут на середину и начинают... Сначала слегка подпрыгивают. Потом пускаются в настоящий пляс, даже коленца выкидывают, да такие... И кружатся, и прыгают, и крылья распластывают, и вприсядку идут, будто трепака отплясывают на своих ходулях. А те, что по кругу стоят, не просто смотрят, а тоже в такт притопывают, крыльями прихлопывают.

— Ты же сама говорила, что они близко не подпускают.

— Случайно, Миша. Так уж Бог дал, показал перед грядущими испытаниями. Наверное, чтобы сильнее мы свою землю любили. Не знали мы, что скоро многим придётся идти за неё умирать. А чем сильнее Родину любишь, тем нещаднее врага бьешь и в победе не сомневаешься. Вот Господь нас и сподобил — чудо такое показал. Может, память об этой журавлиной поляне и помогала твоему отцу воевать...

— Мама, а какая польза от журавлей?

— Журавль — птица не промысловая. В нашей деревне никто журавлей не обижал. Если Господь дал ему жизнь, значит, нужен он нам. Да и как же без него? Не представляю без

журавлей ни осени, ни весны. Журавлиный клин — как стрелка на циферблате. А красота-то какая! Как кричат перед отлетом! Печально так, любое сердце дрогнет... Зато, когда слышишь весной в небе их перекличку... Одного этого хватит, чтобы поверить — много добра, счастья на земле.

Мишка смотрел на материнское лицо, в её голубые глаза... Что-то рождалось в душе, росло, летело к облакам...

До дому добрались поздно вечером, Мишка, не ужиная, залез на печку, обнял подушку и сразу уснул.

...Утреннее солнце всплывало над сопкой, по-хозяйски горланили петухи. Но Мишку, привычного к деревенским звукам, разбудили не петухи — печальные, незнакомые его маленькому сердечку поднебесные крики... Что это?

На ходу застегивая штаны, в ботах на босу ногу, Миша выскочил во двор.

Он сразу увидел маму. Она стояла посередине двора, приложив ко лбу руку козырьком, защищая от солнечных лучей глаза, и смотрела в небо. Мишка тоже посмотрел туда и зажмурился — свет ослепил его. Он заслонил солнце ладонью вытянутой руки.

— Курлы... Курлы... Курлы..

Высоко-высоко, клин за клином, проплывали над деревней журавли. Над Красным Яром, над рекой и полями, над тайгой, и всё дальше, дальше...

— До свидания, — шептала мама. — Возвращайтесь, родные...

Губы её шевелились, что-то шептали. Молитва, догадался Мишка, когда увидел, как мать широким крестным знаменем осеняет журавлиный клин.

Распластав сильные крылья, птицы летели прямо на солнце. Казалось, в стремительном порыве они хотят окружить золотой шар живой цепью, притянуть, приблизить к остывающей земле, чтобы солнце согрело поля, леса, реки... Чтобы в родном краю навсегда осталось лето, и больше не нужно было ни улетать, ни возвращаться.

г. Санкт-Петербург

УЖИН НА ДВОИХ

РАССКАЗ

Капитан медслужбы Неволин шагал по шпалам, то и дело сбиваясь с ноги, и это его раздражало. А мороз жал. Вокруг дыбился черный лес; над просекой, по которой положили узкоколейку, дырой в черном небе зияла луна. Казалось, оттуда и тянет ледяной стужей.

Сегодня утром Неволин и представить не мог, что окажется в такой глухомани. Шел, как обычно, на службу, а дежурный по части его огорошил: в «хозяйстве» Ашихмина от желудочного расстройства слегла половина роты. Так сказано в телефонограмме из штаба дивизии.

«Хозяйство» Ашихмина — крупный склад боепитания — размещалось в тайге, до ближайшей деревеньки верст двадцать. Дорога — дрянь, зимой заметает, на тракторе не продраться, самый надежный путь — узкоколейка на станции Заозерская.

Сведения эти Неволин почерпнул из справки, приложенной к топокарте. Сомнений в том, что придется ехать, у него не было. Чемоданчик на случай таких поездок всегда стоял у Неволина в кабинете. Он позвонил начальнику, потом по «вертушке» в «хозяйство»,

ПРОЗА

договорился, где его встретят, утеплился в дорогу — поверх кальсон натянул шерстяные спортивные штаны, надел теплые носки, подошел и забрался в заиндевевший «уазик».

Эпидемиологам, случилось, выделяли вертолет, но с вечера запужило, небо заволокло низкими тучами, и вертолет не выпустили. А путь предстоял неблизкий, сначала на машине вдоль русла замерзшей реки, потом до Заозерской местным поездом, который лесорубы почему-то называли «дежуркой», составленным из таких старых вагонов, что кое-где сохранились жестяные фонари с огарками свечей.

Двигалась «дежурка» какими-то натужными рывками, подолгу отстаиваясь на полустанках, так что в Заозерскую Неволин попал только в начале восьмого вечера. Его поджидала дрезина. Чернявый, кривоногий, с нагловатыми глазами лейтенант представился:

— Мерешков, взводный. Ну и холодрыга, тащ капитан. Не обморозились? Ничего, мы сейчас чифирек организуем, взбодримся. Пойдемте к дрезине, тут недалеко ехать, минут сорок.

И всю дорогу лейтенант развязно болтал, а Неволин озлобленно глядел в подернутое желтой коркой льда окно, было такое впечатление, что ехали в туннеле — ни огонька, сплошной мрак. Из болтовни Мерешкова капитан все-таки выудил несколько важных фактов: Ашихмин в отпуске, командует его заместитель капитан Рудько, фельдшер — сундук, давно мух не ловит, оттого и завелись «автоматчики».

— Кто? — переспросил Неволин.

— Я не знаю, как по-научному, — Мерешков ухмыльнулся. — Дристуны, в общем. Крепко скрутило. До сортира добежать не успевают. Рудько тоже мается, а мне — хоп что. И знаете, что помогает? Водка, настоящая на ольховых шишках. Законно!

Километрах в двух от «хозяйства» вдруг заглох дизель, и дрезина встала. Водитель-казах долго ковырялся в моторе. Неволин плюнул и решил идти пешком.

— Оно верно, — согласился Мерешков. — Мы с Нурмаханом повозимся маленько и вслед за вами потопаем. Тут недалеко. Только уши у шапки опустите.

Шагая по звонким от мороза шпалам, Неволин с ожесточением думал: придет сегодня с работы жена, а его нет — вот и хорошо, пусть почувствует. Жена, тоже врач, три месяца была на курсах специализации в Москве, недавно вернулась, была как-то перевозбуждена, то громко и ненатурально смеялась, то вдруг впадала в задумчивость. Неволин любил жену, ревновал и теперь был убежден, что у нее в Москве кто-то был, вот она и отойти не может.

Замерзший, озлобленный, ввалился он на КПП «хозяйства», с ходу наорал на фельдшера, старшину-сверхсрочника, степенного мужика лет под сорок и с такими пустыми глазами, что, казалось, сквозь них видна противоположная стена. А, наорав, успокоился и приступил к делу.

Рудько, худой, измученный капитан, ему понравился, он не суетился, не дергался, обстановку доложил спокойно. Ситуация выглядела еще более мрачной, чем Неволин предполагал: рота практически небоеспособна, число караульных постов пришлось сократить вдвое — стоять некому. В одной из казарм развернули изолятор, там фельдшер, товарищ Чепурной лечит больных.

— Вот как, даже лечит? — хмуро, с издевкой спросил Неволин.

Чепурной только обиженно моргнул белесыми ресницами.
— Ладно, пойдемте на месте разбираться.

«Хозяйство» Ашихмина вид имело непривлекательный: три грязно-желтые казармы, штаб, кухня-столовая, два домика, где жили офицеры и сверхсрочники с семьями, все — типовые сборно-щитовые бараки. Дальше, за двойными рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками, начиналась территория со складскими помещениями, которую здесь на лагерный манер называли «зоной».

Неволин и этого за работой толком не разглядел. Зимой светало только к полудню, а часам к пяти вечера короткий день уже гас. Но если бы капитан всё же выбрал время и забрался на сторожевую вышку, то перед ним распахнулась бы картина красоты удивительной и мрачной: слева и справа на военный городок увалами накатывалась тайга, а впереди открывался заснеженный, без конца и края простор — то лежала в тяжелом льду могучая река. И всё здесь было первозданно, вечно, сурово и чисто.

Неволин же видел другое: казармы, забытые больными, солдатский сортир со сталактитами смерзшихся экскрементов и кухню в облаке вонючего пара.

Неволин в темноте подвернул ногу, повредил связки, пришлось наложить фиксирующую повязку, натянуть валенки и ходить с палкой. Его широкоскулое, татарского типа лицо и без того обычно мрачное, заострилось, почернело, голос осип от ругани, курева, бессонницы, и весь он настолько пропах хлоркой, что казалось, и снег, и тайга вокруг тоже пропитаны этим острым запахом человеческой беды.

Крутились втроем: он, Рудько и Мерешков. Фельдшер только суетился, путал распоряжения и растерянно хлопал

коровьими ресницами. Впрочем, от Мерешкова тоже было мало проку — он постоянно «подлечивался» своим самобытным способом и потому находился в этаким легком, эйфорическом состоянии: хихикал, посвистывал и всем подряд улыбался. Картина в общем-то складывалась ясная — пищевая токсикоинфекция, ясен и источник — повар. Вот уже неделю был он болен, но скрывал заболевание.

На другой день, когда метель утихла, небо прояснилось, больных отправили вертолетом в госпиталь. Неволин остался, чтобы завершить мероприятия по ликвидации очага.

Сборно-щитовой барак, где в одной из комнат разместили Неволина, ставился, видно, наспех, из щелей в полу дуло, и, чтобы сохранить тепло, истопник, худой низкорослый солдатик, такой бледный и испуганный, что, хоть и был капитан замотан, все же обратил внимание на выражение ужаса на полудетском личике паренька, которое возникало всякий раз, когда он, Неволин, появлялся в бараке. Получалось так: Неволин распахивал легкую щелястую дверь, тут же сквозняком из поддувала вышибало облачко пепла, солдатик вскакивал, ронял кочергу, вытягивался и застывал, выкатывая серые глаза.

Должно быть, капитан представлялся истопнику кем-то вроде дьявола во плоти, коли мог он орать на фельдшера, и даже всеильный ВРИО командира, похоже, боялся его, мгновенно исполняя любые приказания.

— Сиди, чего ты? — раздраженно отмахивался Неволин.

Солдат, судя по выговору, был из вологодской или архангельской деревни, призван совсем недавно и на вопрос о себе ответил сипло:

— Да, значит, само... Никак нет! — и пошевелил большими черными руками.

Впрочем, до него ли было Неволину? Вспышку нужно было сломить, а сделать это можно было только жесткими, решительными мерами.

К концу дня Неволин устал, проголодался. Но солдатский харч не лез в горло — стояли перед глазами варочные котлы с наростами рыжего, похожего на парафин, жира, и дух на кухне был такой тяжелый, что подкатывала тошнота. Хотелось дернуть стакан спирта, закусить чем-нибудь острым, а потом медленно, в тепле пить чай из чистого тонкостенного стакана. Спирта было хоть залейся, но Неволин придерживался железного правила — на вспышках не пить. Голова должна быть ясной. А вот чай покрепче заварить нужно. Он уже хотел через истопника передать распоряжение, как в дверь осторожно постучали.

— Да! — отозвался Неволин, шурясь от сигаретного дыма.

Произошло то, что происходило и при его появлении: из подувала вышибло сквозняком облако пепла, с грохотом упала кочерга, солдат вскочил и застыл. Глаза его выражали не испуг, а изумление.

— Тю, скаженный, напугал! — На пороге стояла молодая женщина, светлолицая, с черными блестящими глазами. Она улыбнулась Неволину и мягко, по-южному выговаривая слова, сказала:

— Ото ж, товарищ капитан, вы зовсем извелися. И не снедали, небось? Какая ж еда у той заразе? А я вам домашнего принесла. Покушайте.

Тут только Неволин заметил, что в ее руках деревянный поднос, а на нём — что-то еще, накрытое полотенцем.

— Позвольте, вы кто? — удивленно спросил он.

— Та я жинка Чепурного. Фершала, хай ему грец. Картошка, грибочки собственного засолу, капуста з клюквою, сметана — усе свое. Я не то, што мой дурень, чистоту уважаю. У меня в коровнике чище, чем у их в той кухне. Не побрезгуйте, товарищ капитан. А опосля я вам чайку принесу.

Женщина поставила на стол поднос и плавно пошла к двери. Неволин растерянно глянул ей вслед и спросил:

— А как же звать-то вас, красавица?

Она повернулась, весело блеснула глазами:

— Небось, думаете, Оксана чи Галя? А и нет. Неля я. Вот.

— Спасибо, Неля.

— Кушайте на здоровычко.

Неволин отбросил с подноса полотенце, заглянул в миски и сглотнул слюну: крепенькие грибки, один к одному, отливали янтарем, дольки лука серебрились, от картошки, крупной, разваристой, шел духовитый пар, а среди тонко нашинкованной капусты алели крупные, даже на вид кислые ягоды клюквы. Деревянная ложка в миске со сметаной стояла торчком. Хлеб был обычный, черный, солдатский, но пах он так ароматно, словно его только что вынули из печи.

— Вот это да, — расслабленно пробормотал Неволин, чувствуя, как накатывает на него теплая волна, как бегут по спине мурашки — так было в детстве, когда ему что-нибудь дарили. Вырос он без отца, в многодетной семье, и подарки перепали ему нечасто.

И тут чертом возник лейтенант Мерешков и заорал с порога:

— Тащ капитан, всё по полям! Как велели!

А это означало, что нужно тащиться в казарму и проверить, установили ли питьевые бачки с кипяченой водой.

— Идем, взводный, идем. И не дай тебе Бог соврать.

Лейтенант рассмеялся:

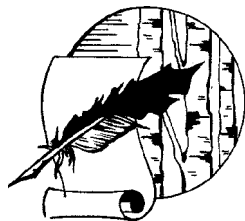
— Да чтоб мне век свободы не видать, тащ капитан. Или самому охота в «автоматчики» попасть?

Когда Неволин вернулся, он уже с порога понял: что-то произошло. Солдат не вскочил как обычно, не выронил ко чергу, и даже пепел из печи не вылетел. Раскаленная до малинового цвета дверца была прикрыта, истопник сидел на полу, разбросав ноги в новых кирзовых сапогах, и на лице его, печальном и умиротворенном, застыло какое-то странное, отпешенное выражение.

«Что это с ним?» — удивленно подумал Неволин, подошел к столу и замер: картошки и грибов осталось на доньшке, заметно поубавилось капусты и сметаны. Тут же лежала ложка.

Капитан вдруг почувствовал, как у него набрякли, отяжелели веки, и такой жалостью хлестануло по сердцу, что он замычал, пытаясь перебить в себе горечь. Он как-то разом, изнутри, увидел этого солдата, вырванного из родной деревни, из избы, от сестер и братьев... Какая тоска, должно быть, навалилась на него, когда грузовик с призывниками наконец оторвался от пьяной, орущей и плачущей толпы провожающих, а потом долго катил по ухабистой дороге на сборный пункт. Нары с плоским матрацем, пропахшим дезинфекцией, окрики, возня по ночам, когда вдруг кто-то щупает твое лицо руками. Подъем, плохо отапливаемые вагоны, учебка с придирчивыми старшинами, построения, команды, звонкая пустота в голове — и ты ничего не понимаешь и не можешь запомнить, насмешки товарищей и сны, сны, после которых просыпаешься в слезах. И еще пища — вроде и сытно, с убоиной, а всё не дома. Как, должно быть, этот парнишка истосковался по простой крестьянской еде — картошке, капусте, грибам, что даже ужас перед злодеем-капитаном сумел в себе преодолеть. Видно, решил: поем, а там хоть режьте на части.

— Ах ты, — тихо бормотал Неволин, удерживая трясущийся подбородок. Он ведь тоже, как и этот истопник, был деревенский, так же трудно начинал срочную службу, и всё ему было понятно в этом пареньке. Понял он, и как нужно поступить. Присел к столу, вытер руки и не спеша, обстоятельно принялся за еду, стараясь показать, что ничего не заметил. Ел той же ложкой, отламывал хлеб и прислушивался к тому, что происходит за спиной. И услышал: солдат встал, загремел кочергой, и пламя надрывно загудело в печи.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ОРЕНБУРГА

Ирина ЛАВРИНА

Закончила юридический факультет Оренбургского агро-университета. Работает юристом. Печаталась в оренбургском альманахе «Гостиный Двор», в литературном православном журнале «Голгофа» (Нижний Новгород). Автор книги стихов «Набросок» (2018 г.), изданной в Оренбурге.

* * *

Моя душа — набросок акварельный,
Пылящийся в винтажной мастерской.
Написан во вселенной параллельной
Художника незримого рукой.

Размыты краски, контуры. Но блики
Играют на холщовом полотне.
В дождливый день он кажется безликим
И тяготеет к творчеству Моне.

Его не встретишь в шумных галереях —
Чурается помпезности картин,
Что самый искущённый взор лелеют.
А мой набросок тих и нелюдим.

Ни пышной рамы, ни тонов пастельных.
Незавершенность. Молчаливость. Грусть.
Моя душа — набросок акварельный...
Ещё чуть-чуть — и я за кисть возьмусь!

* * *

Весенний дождь, на грусть мою похожий,
В моё окно застенчиво стучась,
Роняет слёзы... Где ты, мой прохожий?
Хочу узнать сегодня и сейчас.

Нечёткий образ тает в серой дымке,
Он так неуловим, похож на тень.
А я его раскрасить по старинке
Старалась акварелью целый день:

В цвет ярких красок, сотканых весною,
Из девичьих мечтаний, снов и грёз...
Пусть образ этот был придуман мною —
Но в серый мир он радугу принёс!

* * *

Назови меня красной рябиной...
Я в плену золотистой листвы,
Твои мысли вовек не покину,
Вопреки упованиям молвы.

Назови меня облаком белым,
Я в объятьях шальной синевы
Навсегда быть с тобою хотела
Вопреки упованиям молвы.

Назови меня ветром осенним,
Чьи порывы волнуют ковыль.
Восемнадцатое. Воскресенье.
Неужели ноябрь наступил?..

* * *

Дождливый унылый странник,
Апрельский незванный гость,
Куда ты бежишь, изгнанник,
Что в мире твоём стряслось?

Жемчужины слёз бросая,
Смеешься прохожим вслед...
С мятежными небесами
Ты ссоришься много лет!

Тебе не открою окна!
К чему мне смятенье бурь?
Душа от дождя промокнет —
Вернёшься в свою лазурь.

Умчишься в свою обитель
И солнечным ясным днем,
Не вспомнишь, небесный житель,
Что в мире стряслось моем.

* * *

Настанет август — месяц звездопадов.
Людских желаний — их не перечеть:
Они напоминают нам, что есть
И знойным летом мягкая прохлада.

Пусть звезды будут таять на лету
И вдребезги о камни разбиваться,
Чтоб воплотить Величество Мечту,
А нам с мечтой вовеки не расстаться.

Мой путь к себе тернист и так не прост;
Моих желаний: я их не считала...
И не одну их сотню растеряла
Под шумный ливень августовских звезд.

Александр КАМЧАТНЫЙ

Заканчивает Оренбургский лицей в посёлке Нижняя Павловка. Стихи публиковались в литературном журнале «Арина» (Нижний Новгород), «Общеписательской литературной газете» (Москва). Дипломант Всероссийского литературного конкурса для молодёжи «Капитанская дочка».

* * *

Ветер бьет в моё окошко,
Требует его впустить.
На душе скребётся кошка,
Тоже хочет погостить.

Пусть подольше сон продлится.
По ресницам пусть плывёт...
Раскрасавица-девица
В сон мой вещий забредёт.

Жизнь во сне совсем простая.
В ней тепло, покой, уют.
Как родного привечают,
Песни русские поют.

Там живут укладом древним,
Чтоб не кланяться беде.
Краше той родной деревни
В мире больше нет нигде.

Православные старушки
Там хранят старинный лад.
Напекут ватрушки-плюшки,
«Угощайся!» — говорят.

Мне б навечно там остаться —
В заповедном том краю.
Угощаться и влюбляться
В Русь старинную мою.

Но в окно скребётся ветер,
Плачет за окошком снег...
Что ж ты голову повесил,
Двадцать первый зябкий век?

* * *

Я гляжу на неё украдкой,
Ведь иначе смотреть нельзя!
Угощаю её шоколадкой,
А она мне смеётся в глаза.

То кокетливо нюхает розы,
Что дарю только ей одной.
То напомнит с улыбкою: «Поздно!»
И пора бы уже домой.

То ли девушка, то ли сказка,
То ли взрослой жизни намёк.
Но как самая сладкая ласка
От неё даже горький упрёк.

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

Сквер Пушкина и Даля.
Весенний Оренбург.
Стихи тебе читаем,
Поэтов лучший друг.

Московский, петербургский...
Общероссийский ты!
Народ наш оренбургский
Несёт тебе цветы.

Весенняя примета —
Твой легендарный стих.
И птицы, и поэты —
Мы все у ног твоих.

Наш гений и повеса,
В тебя в разгар весны
Девчонки-поэтессы
Тотально влюблены.

Стихи тебе читаем,
А ты глядишь на нас.
Обсела птичья стая
Лирический Парнас.

О капитанской дочке,
О славе и любви
Пророческие строчки
Великие твои.

Елизавета КУРДИКОВА

Родилась в 1994 году в Оренбурге. Закончила Оренбургский институт искусств по специальности режиссура. Стихи печатались в журнале «Гостиный Двор» (Оренбург), «Русское эхо» (Самара). Лауреат Всероссийского литературного конкурса молодых авторов «Капитанская дочка» (2018 г., Оренбург).

* * *

Ах, бессонница моя, ай забавница!
Покрываются в ночи ветви инеем,

Загустится синева да разбавится
То серебряной тоской, то унынием...

Вот покличу я тебя, даль звенящая —
Откликаются одни чёрны вороны!..
Ярославною стою, настоящею,
С непокрытой головой, непокорная!

Что ж под звёздами стоять в чистом полюшке,
Ничего уже не ждать, не надеяться?!
Пусть снегами занесёт в поле горюшко,
Над лесами плач вселенский разветётся!..

* * *

Напряжение рук твоих — несколько тысяч вольт,
Между нами пропасть в сотню безумных лет!
Снова сердце сладкая гложет боль.
Где ты, счастье, сбывшееся на нет?

Через вечность, по знойным травам, придёшь босой,
Вспомним всё, что сбывалось, да не сбылось...
От волос твоих пахнет сладкой степной росой,
Я целую тебя, целую тебя — насквозь!..

* * *

Финальную точку ставить не надо,
Сделай паузу, подожди.
Оглянись и послушай — по саду
Проливные гуляют дожди!
Барабанят по стёклам... Слушай,
Как по трубам бурлят рекой,
Будто мы невзначай нарушили
Их холодный сырой покой.
Я вздохну и подумаю — где ты?
Я с тоской оглянусь назад...
И увижу тебя между ветром
И дождём, что оплакал сад...

* * *

Я завещаю тебя ветрам,
Бурям, ветрам и ливням всем,

Помнишь, в тебя я входила, как в храм,
По ледяной росе.

И вился шарф на моём плече,
И трепетно падал ниц,
Когда являлась в первом луче
Лучшая из зарниц!

И тайная нам открывалась дверь
В сиянии новых лун,
Когда мой грустный прекрасный Лель
Волшебных касался струн.

Валерия ДОНЕЦ

Родилась в 1996 году. Живёт в Беляевском районе Оренбургской области.

* * *

Я умею держать ровно спину,
И не верю лукавым словам:
«Я тебя никогда ни покину,
Я тебя никогда не предам!..»
Обещаний пустых паутину
Подарю одичалым ветрам.
Кто шептал: « Не покину!» — покинул,
Предал тот, кто кричал: «Не предам!»

* * *

Я та, для которой беда нипочём.
И даже тогда, когда мне плохо очень.
А мне бы уткнуться в родное плечо
Безлунной холодной ревнивою ночью.

Я та, о которой всегда говорят,
Что горя такие от веку не знают.
Что раны мои никогда не горят,
А может, и вовсе-то ран не бывает.

Ведь я из разряда «сама всё смогу»,
Мне стыдно казаться печальной и слабой.
Решаю проблемы свои на бегу,
Минуя житейские наши ухабы.

Но мой беспокойный мятущийся нрав —
Лишь рана, что щедро присыпана солью.
Улыбку заметите вы, не поняв,
Что эта улыбка — лекарство от боли.

* * *

Как музыкальный инструмент,
Настраиваю душу..
Заветный близится момент —
Молчание нарушить.

Летит, летит издалека,
Полным-полна отваги,
Любви крылатая строка
На белый лист бумаги.

* * *

Не опоздай! Ведь жизнь так скоротечна.
Второго шанса не даёт она..
И оправдаться незачем и нечем,
И так ли важно, в чём твоя вина.
Не опоздай! Играй с бедою в прятки.
Больную душу дружбою лечи.
Все тайны разгадай и все загадки
И лишь о сокровенном промолчи.

Прости врагов и обнимись с друзьями.
И улыбнись, о прошлом не скорбя.
И помни, хоть летишь за облаками,
Ты очень нужен любящим тебя.
Не позволяй, чтоб жизнь промчалась мимо.
Скорее за крыло мечту хватай.
Спешి любить и обнимать любимых.
Не опоздай, мой друг, не опоздай!

Виолетта КУДЕЛИНА

Студентка Оренбургского индустриально-педагогического колледжа им. Н.К. Калугина. Автор книги стихов «От соцветия до созвездия» (2018 г.), изданной в Оренбурге. Стихи печатались в самарском журнале «Русское эхо», в альманахе «Отчий Дом», в оренбургском журнале «Гостиный двор», в «Общеписательской литературной газете» (Москва).

* * *

Голос его — голос блудного ветра,
Не поддавайся ему.
Он, возомнивший себя поэтом,
Заманит тебя во тьму.
Призывно окликнет тебя в тумане
Под ливень в июльский зной,
Не верь ему, ведь он по пьяни,
Не стань ещё одной-очередной.
Ты думаешь, он для любви распахнут.
А он доживает свой век.
Грозится отдать последнюю рубаху,
Уверяет, что он человек!
Но чтобы выжить, должен напиться
Энергией юных сердец.
Не слушай его, улетай вместе с птицами
Если влюбишься, это конец!
Вчера он по городу, как привидение,
Шлялся с твоею знакомой,
Ведь в полнолуние его поведение
Становится более томным.
Он нежно обнимет тебя за талию,
Заманит гулять по крышам,
Станет стихи нащёптывать и так далее...
Не верь, не верь ему, слышишь?...
Бродяга без телефона и адреса,
Что ни день — то новый заскок...
Так почему же тебе он нравится,
Словно выстрел контрольный в висок?..

* * *

Наслаждайся спокойно своим величием,
Замолчу, не тратя слова напрасные.

Никого не затмила я, не обезличила,
И не стала стервой расчётливо властной.
И в глазах моих снегом и звездопадами
Пролетают события прошлого времени.
Я храню свою тайну вовек не разгаданной.
И зачем эта тайна людскому племени?
И ладонь позабыла тепло мгновения,
Словно нечто ненужное, непристойное,
Улеглось бесприютной души волнение,
Я теперь одинокая, но спокойная.
Я теперь понимаю, что счастье считают по осени.
Что сиянье весны по сравнению с вечностью?
Я тебя не теряла, а просто бросила:
Невозможно быть временным до бесконечности.
Обещай, что не будешь слать мне вослед проклятия,
Мы же были когда-то друг другу нужными...
Я раскрою солнцу свои объятия
И на север отправлюсь с ветрами южными.

* * *

Видишь заката зарево?
Держишь мою ладонь.
Всё начинаем заново —
Сердце моё не тронь.

Не возвращайся в прошлое
И обрети покой.
Суетное и пошлое —
Всё исцеляет боль...

Прошлое нас пытается
Чувством сплести в ночи,
Прошлое с нами мается
И тишиной кричит...

Правды и веры хочется,
Но побеждает лесь.
Память и одиночество —
Всё, что на свете есть.

Не возвращайся в прошлое,
И догорай дотла...
Не вспоминай, хорошая,
Как ты плохой была.

Милая, богоданная,
Мы в никуда бредём.
Всё начинаем заново,
Чтобы играть с огнём!

Наталья КУКУШКИНА

Родилась в Сорочинске в 1997 году. Учится на архитектурно-строительном факультете Оренбургского государственного университета. Была участником Межрегионального семинара молодых писателей «Мы выросли в России». Стихи публиковались в журналах «Арина» (Нижний Новгород), «Общеписательской литературной газете» (Москва), «Волга-21 век» (Саратов). Живёт в Оренбурге.

* * *

Я поймаю лучик в ладошки
На рассвете, пока ты спишь,
И в распахнутые окошки
Отпущу между серых крыш,

Между сонных уютных улочек
Отпущу частицу души.
Ощувив пряный запах булочек,
Что поутру так хороши.

Пусть рассветной росой умоется
Что роднится со влагой реки...
Пусть почти невесомо дотронется
До небритой твоей щеки.

Ты смахнёшь этот лучик устало.
И вздохнёшь: «Не пора ли домой?..»
Ты поймёшь, как я сильно скучала
Без тебя этой долгой зимой.

* * *

Дни перестали быть ясными.
Дождик сочится с небес.

Яркими новыми красками
Вмиг разукрасился лес.

Грозди рябинушек алые.
Пряность увядших цветов.
Осень сгорает усталая
В предощущенье снегов.

Запах дурманящей свежести.
Нитей кристальных узор.
Взгляд мой, наполненный нежностью.
Твой ослепительный взор.

* * *

Ты помнишь, как в далеком детстве
Мы проживали под Москвой?
Ты распевал шальные песни
И танцевал на мостовой?

Ты помнишь, как взахлёб смеялись?
Как вырасти спешили мы?
В траве зелёной кувыркались?
Читали звёзды, словно сны?

Конфеты заменяли книжки
Нам, вырвавшимся босиком...
Не с нами было то, братишка...
Так что ж у горла горький ком?

Июня буйное цветенье,
Алмазы звёзд над головой.
И первый, словно откровенье,
Свинцовой вьюги жуткий вой.

Всё так и было в сорок пятом.
Закончилась война и — вот
Запахло в доме чаем с мятой,
И замурлыкал старый кот.

В защитной гимнастёрке мятой,
Улыбчивый, хоть весь седой,
Наш юный дед, что был солдатом,
Вернулся в орденах домой.

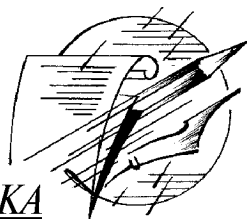
КЕРЧЬ. ОБНОВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

(Путевые заметки)

Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю наших предков, какой нам Бог её дал.

А.С. Пушкин. Из письма Чаадаеву

Этот материал я написала по следам «керченского стрелка», чей поступок, как и всех, меня потряс. Но, в первую очередь, он потряс меня тем, что это случилось в таком городе, как город-герой Керчь. Притом, в городе пока не курортном, но приморском, рабочем и скромном, где все жители разных национальностей, и «до» и «после «присоединения» к собственной Родине, разговаривают друг с другом на хорошем, ещё доперестроечном русском языке. А это и есть главный пароль Русского мира. И, не внимая «зову времени», а точнее, так и не науськанные «глобальными мыслителями», благодаря которым новые волчата будущих схваток начинают вырывать из своей общей истории лакомые куски и строить историю новую, керчане преданы тысячелетней истории России. Не будем преувеличивать: несколько вылазок экстремистов по поводу несуществующего в городе «крымско-татарского вопроса» по-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

годы не сделали. И я не хочу, чтобы где бы то ни было в нашей стране мы тоже опять начали бы жить по примеру «европ» и «америк», где «стрелки» разных национальностей встречаются нередко. Это бренд всех врагов здоровых в национальном отношении государств нашего времени. И потому мне хочется подумать не о них, а о нас с вами. О том, как часто мы стали забывать — **кто** такое Россия.

Итак, 30 августа 2018 года я еду по Крымскому мосту! А это для каждого счастливчика останется незабываемым событием на всю жизнь. Крымский мост — не только его знаменитая арка — жемчужное ожерелье, венчающее проход из одного моря в другое, при надобности зашёлкивающееся на замок. Это воплощение в жизнь русского мега-проекта мирового значения. 19 километров автомобильного шоссе сухопутной чудо-дороги, проложенной по воде с одной стороны — Азовского, с другой — Чёрного моря. Это триумф нашего народа, гения его проектировщиков и строителей, решивших многовековую проблему человечества, существующую ещё с VII—VI вв. до н.э., объединения Востока (Тамань) с Западом (Керчь) сухопутной дорогой по воде двух морей. Это возвращение геополитической справедливости в историю Государства Российского, в созидании которой много раз за тысячелетие, шаг за шагом, в победах и поражениях Россия строила своё, ни на кого не похожее Отечество. Защищала и защитила своё право на выход к Чёрному морю, в первую очередь, для обороны своих южных рубежей, начиная с разгрома легендарным князем Святославом Хазарского каганата (965 г.) и образованием почти мифического до недавнего времени Тмутараканского княжества (X—XII вв.), переименовавшего Керчь в Корчев. А после монголо-татарского ига и трёхсотлетнего турецкого владычества Крымом победой в Русско-турецкой войне 1768—1774 г. мы навсегда закрепили право Государства Российского на включение Крыма в состав России, когда 10 (21) июля 1774 года был подписан знаменитый Кючук-Кайнарджийский мирный договор.

Можно было бы вспомнить и о последующих русско-турецких войнах XIX века, но в данном материале меня интересует именно Керчь, один из старейших **античных** городов мира, наш волшебный ларец, волею судеб ставший под опекой Севастополя одной из самых надёжных пограничных застав на юге России.

Любовь жителей нашей северной страны к югу, теплу и экзотике, которая неразрывно связана с ожиданием хоть раз в несколько лет счастливого отпуска на берегу нашего Чёрно-

го моря и наше подробное знание истории XX века, а не всей тысячелетней истории строительства великого государства, мешают нам посмотреть за горизонт. А там, через проливы Босфор и Дарданеллы, через несколько внутренних морей — прямая дорога в море Средиземное. И далее — везде. И в Америку тоже. И уже хотя бы потому мы не можем недооценивать значение Керчи и Боспора (не путать с Босфором) Киммерийского, ныне Керчинского пролива, в охране наших южных границ. Особенно учитывая, как глубоко врежется в территорию России наша часть Азовского моря.

Первое моё близкое знакомство с читателями Керчи состоялось год назад. В центральной городской библиотеке им. В.Г. Белинского, в которую меня привела моя подруга Надежда, много лет уже существует книжно-исторический клуб «Не хлебом единым». Его создал и возглавляет удивительный человек, влюблённый и в Керчь, и в русскую литературу, член Союза писателей России Василий Яковлевич Маковецкий. В этом году ему исполнилось 88 лет. И с помощью старосты клуба Ольги Степановны Турченковой они стараются не пропустить ни одного значимого события ни в жизни местных писателей и творческой интеллигенции, ни в жизни города. Здесь я познакомилась с местными поэтессами и поэтами: с талантливой Фаиной Дерий и с Валентиной Решетниковой, с Людмилой Полишук и Галиной Глуховой, с Ларисой Алексеевой и Владимиром Калмацким. С прозаиком Львом Ефремовым, капитаном дальнего плавания, членом Российского Союза писателей. И с удивительным Анатолием Исаковым, восьмидесятилетним азиатским дервишем, честно говоря, требующим высокого внимания какого-нибудь хорошего литературного редактора из центра. Причём, внимания тонкого, благодарного за яркую одарённость автора и его неугасимый творческий темперамент с последующими публикациями в литературных журналах России. Я преднамеренно привлекаю внимание к этому имени. Такого профессионального и доброго знания крымского «материала» сегодня ещё поискать. Многие авторы клуба публикуются в альманахе «Лира Боспора», выходящем в Симферополе. И многочисленные (и самодельные, и профессиональные) поэты и писатели Крыма, бесспорно, нуждаются во внимании Союза писателей России.

Так замечательно состоялось моё знакомство с керчанами в 2017-м. И когда в 2018 году мы пошли с моими друзьями на вечер яркого поэта Николая Шамсутдинова, председателя Тюменского отделения Российского Союза писателей, меня обрадовала встреча с моими прошлогодними знакомыми и

их горячее приглашение встретиться снова. Там же мы познакомились и с преподавателем Керченского судоремонтного техникума, красивой и пылкой Екатериной Дубинец. Но об этом чуть позже. А здесь мне хочется подчеркнуть, как неожиданно я приобрела читателей в полюбившейся мне Керчи. Нынешний сентябрь в «Не хлебом единым» преподнёс мне ещё и неожиданный сюрприз. В зале оказался москвич, керчанин по происхождению, поэт, прозаик и журналист Виктор Зуев со своей женой Татьяной. Тут уж был простор предаться обмену впечатлений по Крыму.

Еще при первом приближении к Керчи меня поразила неясность образа. Какая-то дымка правды, очарования и тайны висела над ней. Этот странный город на берегу Керченского залива-труженика никак не тянул на курорт, но на работника и служителя. Но эта роскошь залива, с его кораблями и паромами, с его волнами, призывно бьющими о парапет набережной!.. С его портами и парками! А мальчишки, в недозволенных местах летящие ласточками в солнечные волны залива! И почти всегда сухая некрасивая выжженная степь с волнами скифских курганов, уходящих за горизонт. Говорят, там захоронено скифское, до сих пор найденное золото. И эта Гора в центре города. И эти грифоны, охраняющие его жителей, хищные и предостерегающие: «Не трогайте Керчь!» Их часто можно увидеть в совсем неожиданных местах портового города. И давнее распоряжение Николая I, видать, знающего какую-то тайну. Более 25 веков ко времени его правления керчане жили под покровом этого строгого и благородного гипнотизирующего образа грифона — тело льва, голова орла. В Египте — сокола. В 1844 году император утвердил герб Керчи, начертав: «Среди золотого поля чёрный скачущий грифон, служивший прежде гербом столицы царей Боспорских — Пантикапея, на месте коей основана нынешняя Керчь. Внизу ключ, означающий вход у Керчи из Чёрного моря в Азовское. Герб украшен сверху короною».

В представлении греков крылатые львы являлись стражами золотых копий скифов. Потому, припоминая бесчётное количество курганов скифской знати, уходящих далеко в степь, понятно, почему они стали символом Керчи. Эти мифологические загадочные существа и сегодня выполняют роли стражей, охраняя пути спасения, сокровища и тайные знания. Они оберегают справедливость и могущество. Как ни преобразался герб города, всегда на нём оставался грифон.

Может, потому, когда я дошла наконец до судоремонтного техникума, базового образовательного учреждения Керченского бюджетного технологического морского университе-

та, где по договорённости меня встретила та самая, красивая и пылкая, Екатерина Александровна Дубинец, с которой ещё в библиотеке мы сговорились о встрече, всё время, проведённое в техникуме, мне показалось тоже каким-то мифическим, вписывающимся в общий образ города. Вопреки утверждению «керченского стрелка», что, мол, его ровесники ничего собой не представляют, курсанты судоремонтного показали мне избранным корпусом юности, еще сильнее утвердив во мне мою любовь к городу. Городу, который гордится своей историей, предполагая, что и каждый из его жителей имеет на своём будничном месте историческую ценность, т.к. держит в памяти тысячелетия и века своего города-героя. И общую реакцию на личные радости и беды. И огромное количество жителей на похоронах после керченской трагедии обусловлено не только огромным количеством жертв, а этой способностью города быть вместе в радости и в беде. Как все вместе приходят они на гору Митридат в главный и самый любимый праздник года — День Победы. И преподаватели, и курсанты, и руководители судоремонтного техникума — все они несут в себе свет и веру. Осанку воинов и творцов. Жгучий интерес к жизни. После всего негодного, что приходится слышать сегодня о молодёжи, эта встреча перечеркивает подобные наветы. По крайней мере, в Керчи. И я не верю, что в технологическом колледже этого города учатся другие ребята. Ну не отбирали же в судоремонтный по особым приметам, как гренадёров в Кремлёвский полк. Я никогда не забуду слов Юрия Геннадьевича Мочалова, преподавателя первой категории цикловой комиссии судовых механиков, морского волка, закалённого ветрами и штормами всех морей и океанов. На мой вопрос: «А где вы побывали в своих походах?» он спокойно ответил: «Мне легче сказать, где я не был. Только в Антарктиде».

Мало кто из нас знает, что Керчь — один из старейших **античных** городов мира, 26 веков в разных обликах существует он на земле. Всё здесь — тайна и история. Того и гляди, найдёшь какой-нибудь обломок керамики и выкинешь, а это артефакт. Приехав откуда-нибудь из центральной России на Керченский автовокзал, прямо в центр города, вы буквально упираетесь глазами в невысокий холм. На первый взгляд, просто какая-то круглая горка. Но это знаменитый Мелек-Чесменский курган. Памятник федерального значения. В нём можно найти следы и Египта, и Греции.

Столица Боспорского царства, нынешняя Керчь начала свою историю под именем Пантикапей. С самого начала своего существования город был связан с двумя понятиями:

Пролив и Гора, которая позже стала называться Метридатовой. И сегодня вместе с обелиском Славы гора Метридат — главная достопримечательность и центр общественной жизни города. Всё самое значимое связано с ней. Но вернёмся к прежним именам Керчи. У города пять важных для нас имен, стяжающих века: ираноязычное Пантикапей («рыбный путь»), греческое — Боспор («переправа быка». Именно здесь Зевс похитил Европу и увёз на Крит. Так греки объясняли границу между Европой и Азией), гуннское — Кареон (пролив, переправа), русское — Корчев (по мнению русского историка О.Н. Трубочёва, от исконно славянского слова «корчага» — сосуд с горлом), арабское — Карх, хазарское — Крдж (в их языке нет буквы «ч», обрусевшее название — Керч, «по ту сторону»). История города — это история изначального присутствия здесь европейского — древнегреческого элемента и его борьбы с многочисленными и воинственными азиатскими племенами: скифами, сарматами, гуннами, хазарами, печенегами, половцами, монголо-татарами, турками... Из которых скифы и гунны имеют непосредственное отношение к формированию славянских племён. Лишний раз невольно заинтересуешься детством своего народа...

Керчь — город сплошных достопримечательностей. Чего стоят одни Керченские каменоломни. С ними связан и подвиг героя-пионера Володи Дубинина, выведшего партизанский отряд на поверхность за несколько часов до того, как фашисты запустили под землю смертельный газ. В городе сохранена и улица Володи Дубинина. Керчане ничего не меняют. Имя Боспор постоянно мелькает на улицах, а скульптуры и изображения грифонов — по всему городу... А Крепости! Знаменитая Еникале, построенная османами в начале XVIII в. А уникальная Керченская подземная крепость! Родившаяся в XIX веке для охраны южных рубежей России, защищающая вход в Азовское море. Как пишут в экскурсионных справочниках, «Невидимая гигантская подземная крепость! Гениальное детище Эдуарда Тотлебина».

Город хранит свою историческую память. И на знаменитой лестнице на гору Метридат вам, если повезёт, может слышаться, как старый и гордый грифон шепнёт: «Приезжайте ещё». По сравнению с 2017 годом меня удивило, как много изменилось в городе к лучшему. И, конечно, восхитило появление новых кораблей на пирсе восстановленного завода «Залив».

Нет, Керчь живёт трудно. Высокие для некурортного города цены в магазинах, почти как у нас на Севере. Говорят, что, благодаря Мосту, скоро опустятся. Хочется верить, что раз-

нообразные «умельцы по работе с нашими карманами» здесь не приживутся. Город живёт трудно, но честно и с достоинством. 7 сентября здесь отмечают День города. Как нарочно, в этот день с небес сорвался даже не ливень, а потоп. Горожане, немного расстроившись, рассредоточились по кафе, музеям и концертным залам, вернувшись к обычному благожелательному расположению духа. Хотя погода сорвала много замечательных планов. Но их перенесли на следующий день, благо выходных-то — два. И уж тогда душу отвели все: и организаторы, и участники. И зрители. Не могу себе простить, что не записала названия замечательного духового оркестра Керченской музыкальной школы под руководством бывшего военного дирижёра, чьего имени так и не успела узнать. Сразу после выступления они как-то быстро растворились в толпе зрителей. Покорила меня и эстрада. Никакой сегодняшней пошлости. И очень мужское поведение певцов: сдержанное и темпераментное одновременно. И, конечно, незабываемый Бал невест. 70 самых красивых девушек в белоснежных платьях — впечатляли!

И что странно: это постоянное чувство сегодняшнего дня из-за часто у нас повторяемого, но малоосмысленного: «Порвалась связь времён...», здесь не работает. Здесь ничего не порвалось. Все звенья цепи времён в Керчи как входили, так и входят в непрерывную цепь веков, постепенно сложившую Россию в неповторимую Цивилизацию и Империю духа.

Керчь — Сыктывкар

БАЙКАЛ ВО ЛЬДАХ

ЭССЕ

Байкал долго не сдаётся жестоким морозам. Он то крушит с размаху волны о берег, то набирается сил в тихой задумчивости. Но стужа берёт своё, и в декабрьских водах появляются первые кристаллы льда, называемые салом. Через неделю-две они соединяются, образуют льдины и ледяные островки, которые плавают по остывшему озеру. И вот однажды — обычно в первой половине января — пригоняет хиус ледяную махину во всю байкальскую ширь. Наползает она с шумом и звоном на берег, иногда на большую высоту, с громким треском и звоном распадается по краям на крупные прозрачные осколки. И хоть ледок ещё совсем тоненький, похожий на сине-зелёное стекло, ему удаётся закрепиться, если Байкал спокоен. Вскоре озеро-море сплошь покрывается ледяной хрустальной коркой и замирает. В январские морозы лёд очень быстро начинает нарастать, и корка эта превращается в каток, поистине царский, во всю байкальскую ширь и даль. Такой каток — мечта любого конькобежца!

В январские морозы лёд очень быстро начинает нарастать. Зима

ПРОЗА

укрывает его пышными снегами. Берега отвыкают от шума прибой и привыкают вслушиваться в звенящую тишину. Весь мир погружается в глубокое снежное безмолвие. Как красиво море ослепительной снежной парчи с блестящими на солнце парусами торосов! Кажется, что горы, окружающие Байкал, смотрят на него белыми лицами. А голые деревья на вершинах издаലെка, со стороны моря, похожи на каштановые волосы, торчащие на высоких головах задумчивых гор.

Ангарский исток, согревающий себя тёплыми глубинными водами, не замерзает. По утрам он парит, как огромный котёл, в котором варится волшебное зимнее варево. Из «котла» восходит к небу молочный пар, который в рассветных и закатных лучах окрашен в розово-оранжевые тона. Он, внизу густой, наверху клочковатый, плотно окутывает весь исток, поднимается выше мысов, устремляется вдаль, к восточному берегу и укрывает его от взора. На истоке во множестве зимуют утки. Они весь день плавают, плещутся в стылой воде, добывают себе пищу. Интересно наблюдать, как эти маленькие рыбаки проворно и смешно ныряют в глубины. И, наверное, им везёт с рыбалкой. Выглядят они упитанными и здоровыми.

Далее истока Байкал неподвижен. Кажется, он уснул крепким сном. Но тишь да гладь — одна только видимость. Нет богатырю покоя ни днём, ни ночью. Что-то вызревает, назревает в глубинах. Бурлит его подлёдная жизнь. Он пытается, как прежде, метать ввысь резвые волны, но порывы сдерживает ледяная крыша, ставшая уже несокрушимой. Не хочет Байкал мириться с оковами. Он не сломлен, не покорён. Теперь вся огромная ледовая площадка, скрывшая от глаз озеро, становится полем боя. Байкал стремится во что бы то ни стало порвать ледовые цепи. Он стреляет, взрывает ледяной панцирь, ревёт зверем, урчит, грозит. Вот как об этом явлении сказал дипломат, учёный, путешественник Николай Гаврилович Спафарий, побывавший на озере в далёком 1675 году: «И зимнею порою везде по Байкалу живёт подо льдом шум и гром великий, будто из пушки бьёт...» Выстрелы и залпы раздаются и днём, и ночью. Неустанно пробивается Байкал к небу. Успокаивается он только на короткое время. Ледовое поле вследствие упорной борьбы густо покрывается зигзагами, молниями, нитями трещин и трещинок, образующими искусные узоры и сплетения. Вольнолюбивые ветры, начисто выдувающие снег с больших участков и оголяющие акваринную темноту толстого льда, дают возможность любоваться этим чудом, сотворённым в изобилии.

К весне лёд испещрён трещинами так, что на нём не остаётся живого места. Однако трещины не влияют на качество

льда: ледяные оковы очень прочны. Лёд бывает настолько толстым и крепким, что выдержит железнодорожный состав. Люди, видя такую его прочность, в русско-японскую войну, когда Транссиб с двух сторон подошёл к Байкалу, а море ещё не покорилось строителям, укладывали на льду рельсы и перевозили через Байкал с помощью лошадей железнодорожные составы.

Серьёзной угрозой являются станковые щели, представляющие собой подвижные широкие швы. Наверное, для такого «рывка» озеро долго копит силы. Образование крупного байкальского шва напоминает землетрясение. Слышится гул, и лёд начинает сильно трести. Раздаётся грохот, и образуется нескончаемая трещина-щель. Если Байкал грохочет ночью, то взрыв слышен в домах, находящихся на приличном расстоянии от берега. Становые трещины — царицы трещин — обрастают торосами. Они то смыкаются, то далеко расходятся, пугая разверстой байкальской глубиной.

Весной, когда берег чист от снега, а разомлевшие горы синют медуницами и светят солнцем подснежников, Байкал ещё лежит во льдах, потемневших, утомлённых, ошетилившихся хрустальными иглами. У берегов лёд быстро тает, и всё более ослабевает его связь с землёй. И в конце апреля — начале мая, взяв в помощники мощные ветры, Байкал наконец освобождается. Ветер отрывает игольчатый хмурый лёд от берега и медленно несёт вдаль. Часть его Байкал выталкивает в Ангару, часть ломает, разбивает, дробит, подставляет тёплым лучам. И рассыпаются льдинки, с печальным нежным звоном растекаются иголочками по байкальской глади. Лучи до самого дна просвечивают открывшиеся взору воды, ставшие чище, яснее.купаются и не могут накопаться в Байкале белые облака. Начинается новая долгая бурная жизнь славного моря.

В ЗИМНИЙ ЛЕС ЗА СКАЗКОЙ

Отправляюсь в лес за зимней сказкой. На улице минус двадцать. Дует слабый ветер.

Зима нынче щедрая. До расточительности. Снегушком завалила по пояс. В горах он белейший, почти не тронутый ни колесом, ни ногой.

За посёлком начинается очищенная от снега похожая на глубокую траншею тропка, ведущая к храму. Она узкая, но надо её держаться. Шаг в сторону — и ты оказываешься в снежном плену. Несколько раз искупавшись в снегу, подхо-

жу к храму, стоящему на высоком юру высоко над Байкалом. Маковка храма и летящий в небесах крест сверкают позолотой. Купол неба сияет стеклянной голубой чистотой, и в его голубизне растворяется пух белых облачков.

Внизу быстро остывает вода Байкала. Огромная чаша озера еле видна. Её скрывает пар, который стремится взлететь вверх и исчезает, становится невидимкой в январском воздухе. Изумительное зрелище представляет Байкал, весь кипящий от мороза! И берёзы, приклонив головы, любят парящими водами, надолго прощаясь с Байкалом. Ещё денёк-другой — и озеро будет сковано льдами до конца апреля или начала мая. И начнётся его подлёдная жизнь. А на берегах наступит непривычная звенящая тишина...

От храма в лес ведёт просека, накатанная единственной машиной, которая ходит здесь всего несколько раз в сутки. Едва ступишь на тропу, понимаешь, что явь и сказка неотделимы. Идут они по жизни рядом вот по таким глухим просекам, которые сами являются чудом. И главное их чудо — девственность. Редко сейчас на земле найдёшь места, где человек не наследил бы. А здесь — благодатная тишь, нетронутая красота простой неприхотливой сибирской природы, заботливо укрытой глубоким снежным одеялом. И тропа уводит прямо в эту красоту, желанную, влекущую, зовущую. В неведомый чудотворный живой мир. И лучше быть на дивной тропе одному. Видеть, что только тебя приветствуют, качая ветвями, берёзы. И чувствовать, что каждый маленький кустик тебе несказанно рад и доверяет тебе. И понимать: общение с природой — самое главное общение...

По просеке шагаю без труда. Снег твёрдый и держит надёжно. Но вот захотелось познакомиться с сосенкой-невеличкой и малышом-кедриком, растущими немного в стороне от дороги. И пришлось долго пробираться к ним в снегу по поясу. Дети леса были похожи на диких белых зверьков, ошетилившихся крупными иголками, заколдованных на время в рождественском лесу. Они крепко спали и меня не услышали.

Налюбовавшись ими, я снова вернулась на тропу, ведущую в сокровенные зимние тайны лесного царства у Байкала и Ангары, которое зима держит в строгом порядке и неустанно украшает. Ангара морозными утрами парит так же, как и Байкал, и пар у не замерзающего зимой ангарского истока бывает гуще, чем в самой жаркой парной. Он плотно укрывает горы вместе с их растительностью. И застывает на кустах и деревьях куржачком, да таким ядрёным и толстым, что через мохнатые ветви не может пробиться солнце, которое

кажется среди пушистых деревьев чудесной рождественской звездой. Волшебный сумрак, живущий среди густого куржака, завораживает. А верхушки берёз и сосен в вольной высоте с наслаждением купаются в солнечной синеве.

Удивляют красотой богатые инеевые одежды деревьев, лёгкие и тёплые. Хочется прикоснуться к их шубкам. И верится, что растения живут своей жизнью, как зайцы и белки, часто по этим тропам пробегающие. И так же, как звери, растения зимой меняют цвет.

Стволы и нижние ветви в снежных кочках, похожих на большие пышные наросты невиданных зимних грибов. И такие белые «грибы» повсюду, куда ни бросишь взгляд. «Грибы», которые нет смысла собирать. Ими можно только любоваться. Они появились на свет не для еды, а для улады души.

Ближе к вечеру теплеет, и ветерок начинает снимать с деревьев праздничные «одежды». Иней всюду осыпается с гибких ветвей. Он летит к земле, рассыпаясь в воздухе на мельчайшие блёстки. И так приятно оказаться в центре такой дивной метели!

А как расцветают поляны и заснеженные опушки закатной порой! Снег, вобравший в себя разноцветье заходящего солнца, вызывает восторг. Красота такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Бредёшь по лесу, испытывая детское очарование, и пытаешься вобрать в себя весь этот белый праздничный мир. И хочется всё разглядеть, всем налюбоваться. Не замечаешь ни времени, ни холода. И не хочется уходить отсюда, из этой диковинной красоты. И без конца фотографируешь, забыв про перчатки. А дома, просматривая сделанные снимки, огорчаешься, видя их несовершенство. Не способна фотография передать всю прелесть, всю настоящую сказку природы. И долго ещё не покидает ощущение сказки, побывав в которой понимаешь: сказка — это не обязательно сюжет, где добро побеждает зло. Сказка — это вовсе не борьба. Сказка — это чудесный мир красоты, который наша природа без устали творит во все времена года.

ПЕРВЕНЦЫ ВЕСНЫ

Конец марта. Байкал ещё спит глубоким сном под крепким льдом, покрытым свежим искрящимся снегом. Высокие вершины далёкого Хамар-Дабана сияют царственной белизной. Но несмелая ласка солнца уже коснулась чёрных от весеннего пала прибайкальских гор, и земля дышит тепло

и радостно. Сквозь мягкую почву кое-где начинают пробиваться тонкие травинки-щетинки. Вначале они еле заметны. Травка окрашивает горы в зеленоватый цвет, что можно заметить только на некотором расстоянии и только всмотревшись в горы. Каждый день ёжики травы, подрастая, понемножку добавляют природе зелёной краски.

Кое-где среди младенческой травы появляются чуть видимые пупырышки — зародыши будущих подснежников. Они совсем малы, неказисты. Если слегка к ним прикоснуться, можно почувствовать их мягкую, нежную пушистость. На прогретой земле им тепло и уютно, как в колыбельке.

Земной тёплый уют может внезапно смениться обильным снегопадом. Но слепым несмышлёнышам снег не страшен. Укрытые снежным одеялом, спят крохи сладким сном. А весеннее солнышко быстро превращает пушистое белое одеяло гор в сладкую студёную водицу.

Земля питает и лелеет своих маленьких детей, солнышко их ласкает, и вот через неделю-полторы открываются жёлтые реснички-лепестки, и ясные, детские глаза подснежников с восторгом и любопытством впервые смотрят на мир, в который они пришли. Стоят подснежники на тонких хрупких ножках. На шее у каждого жёлтенького юнца — мягкие пушистые шарфики.

Подснежники раскрываются один за другим и быстро наполняют горы своим весёлым солнечным светом, светом весны. В этом смысл их короткой цветочной жизни, их великая миссия.

В холодное время цветы закрываются и превращаются в тёплый спасительный домик для диких пчёл, в котором насекомые сладко спят, не чувствуя холода.

На первый взгляд, все подснежники кажутся одинаковыми, но, взглядевшись в них, видишь, что у каждого своё лицо. Милое, обаятельное, особенное. И рост у них разный. И судьба — тоже разная. Одни цветочки расплодятся, другие сорвут, чтобы украсить дом. Бывает и такое: сорвут, и сразу выбросят. Но многие подснежники проживут счастливую жизнь: несколько дней они будут цвести на радость миру в родном лесу. А потом станут угасать и осыпаться. И с лёгкостью уступят они землю своим более поздним цветочным собратьям.

И всё же эти весёлые ребята всегда бывают первыми цветами, которые откликаются на зов солнышка, просыпаются от земного тепла. Они делают большое дело: открывают пору цветения. Они дарят нам радость ранней весны.

Байкал хорош в любое время, но для меня особенно благодатна здесь краткая пора цветения багульника. Каждый раз радуюсь, когда посчастливится видеть это чудо природы, и огорчаюсь, когда нужно уезжать, а багульник цветёт, влечёт, согревает сердца.

В Иркутске, что находится всего в семидесяти километрах от истока Ангары, в середине мая уже доцветает черёмуха. А на Байкале, который в конце апреля — начале мая очищается ото льда, она ещё только готовится к поре цветения. Но горы и без того так красивы, что глаз не отвести. Берёзки распускают нежные клейкие крохотные листочки, и наготу лесов и гор накрывает лёгкий зелёноватый флёр. Сосенки освежили свои иголки, похорошели и радостными ёжиками купаются в синеве, тянут вверх тонкие светлые побеги. Всюду: под деревьями, под кустами, на открытых зазеленевших пространствах — желтеют подснежники, синеют медуницы. Лес, благоухающий, свежий, подходит вплотную к нашему посёлку. А с другой стороны простирается, дышит живая байкальская синева. Ширь бескрайняя, красота безмерная!

И вот горы от подножия до вершин охватывает рассветно-розовый весёлый огонь багульника. Я могу любоваться багульником прямо из окна: он совсем рядом, на горке. Разросшиеся буйно цветущие кусты его окружены берёзками, которые пришли в этот мир совсем недавно. Некоторые из них росточком пока не выше кустика багульника. А невдалеке, повыше, красуются длинными серьгами стройные девушки-берёзки.

В ясный безветренный день, когда небо сияет глубокой лазурью, тонкие лепестки цветков багульника и клейкие листочки берёз насквозь просвечены солнцем. Природа замирает в своей божественной красоте и млеет в тёплых майских лучах. Лес наполнен радостным пением птиц, славящих весну.

В мае нередко непогода. Вдруг налетает мощный ветер, сердито гонящий по небу тёмные тучи. Байкал становится свинцовым, вскипает белыми бурунами. Резкий дождь и тяжёлый снег пытаются погасить огонь багульника. Но тщетно. Майское ненастье обычно бывает коротким. Вскоре ветер разрывает тучи в мелкие клочья, превращает их в невесомый пух и открывает небо. Снег тает и оставляет на розовых личиках цветков, небесно-чистых, сияющие росинки. Ослабевший ветер весело, задорно играет со свежей зеленью, качает кустики багульника, сушит слезинки на его цветах...

Багульником хорошо любоваться с байкальского берега. Приятно видеть, как с каждым днём меняются, хорошеют ближайшие крутые мысы. Всё зеленее, ярче становится их травяная бархатная одежда, освещённая щедрым солнцем, расцветенная розовым огнём багульника. И отражается красота гор в глубоких солнечных байкальских водах, сияющих драгоценными камнями. Никогда горы не бывают так юны, так веселы, так прекрасны.

Недолго полыхает багульник, зато в полную силу, от всей души. Но вот осыпаются на ветру цветки багульника, и лежат они вместе с серёжками берёз на прошлогодней листве, на свежей травке. Гаснет прекрасный огонь. А воздух уже полон пьянящим ароматом черёмухи. Наступает пора летней свежей черёмуховой метели.

ЛЕСНЫЕ ПРОГУЛКИ

До любимой черничной горки от моего дома всего минут двадцать ходьбы. Одолеваешь небольшой, но крутой подъём, и покорённая вершина открывает Байкал, возносит над его могучей вольной бездной. Замирает сердце, когда видишь, как в окаймлении лесной зелени дышит огромная синяя ширь и гладь. Катера и лодки, которые с высоты кажутся детскими корабликами, уютжат байкальские шири, полные солнечного золота. Над морскими просторами белым снегом кружатся чайки. Красота нескончаемая, Богом данная!

Налюбовавшись Байкалом, ступаешь на поросшую низенькой травкой узкую горную тропку, зелёную, прохладную, то мягкую, как ковёр, от травы, то пружинящую под ногой от змеевидных прочных корней. Вскоре деревья за спиной смыкаются и закрывают Байкал зелёной плотной завесой, а тропа становится широкой ковровой дорожкой. Ей нет износа, и постелена она для всех и каждого. По обеим сторонам тропа густо поросла деревьями и кустарниками, протягивающими в высоту друг другу ветви. Посмотришь вверх, а над головой — берёзовые и ольховые арки, играющие позолотой лучей. Идёшь под ними неторопливо и глубоко вдыхаешь чудодейственный воздух, который здесь, в тени лесов, обдуваемых ветерком, настаивается тысячелетиями. Целебный, душистый воздух — один из самых дорогих даров сибирского леса.

Недолг путь по благодатной тропе. Постоишь немного на ней при расставании и сворачиваешь в сторону Ангары. Несколькими десятками метров — и вот уже река немного видна из-

за пышных причёсок берёз, кедров, сосен. В этом месте она только-только зарождается и начинает свой тысячемильный путь к Енисею. Здесь, у самого истока омывают ангарские воды подводную скалу, именуемую Шаман-камнем, воспетую в древних легендах.

Хорошо брести по горке среди мшистых кочек, еловых лап, вкушать спелые ягоды. Люблю бывать здесь в июле и августе, особенно во второй половине августа, когда поселковый люд уже насобирался, наелся черники и можно побродить по лесу в полном одиночестве. Перед уходом в лес не завтракаю и обед с собой не беру. А зачем? Сейчас такое время, когда в лесу, «под каждым листком... готов и стол, и дом». Стол — богатейший, дом — уютнейший! Краснеют ягоды рябины. Стала чёрной черёмуха. Влекут взгляд сердоликовые плоды шиповника. Встречаются созревшие яркие гроздочки костяники. Черничка напиталась солнышком и соками земли, налилась, тяжелела. И сама стала похожа на крохотную планетку, таящую в своих недрах огромную пользу и волшебную силу. Кое-где между крупными и сладкими ягодами черники, от тяжести клонящей свои головки к ярко-зелёному мху, вызревает брусничка, которую за её витаминные сокровища называют царицей ягод. Некоторые ягоды ещё белобокие. Есть аленькие, пока кислые, и потому они не прячутся от глаз, не боятся, что их съедят. Но попадается и совсем спелая брусника, тёмная, неприметная, стремящаяся укрыться в моховой тени.

Какое удовольствие набрать в горсть разных ягод и отправить их в рот! Зажмурившись от наслаждения, ощущать непередаваемую радость кисло-сладкого вкуса. И не нужно ни сахара, ни мёда, ни конфет. Ничего не нужно, кроме этих щедрых лесных подарков, чьей-то доброй рукой для тебя приспённых. Можно есть ягоды стоя. Можно — сидя на кочке, как в удобном кресле. А можно — и лёжа, блаженствуя на мягчайшей моховой перине. Лес — добрый хозяин, и всё здесь имеется: богатая столовая, уютные места для отдыха, чудесная вкусная аптека.

На горке выстроено много домиков-муравейников — целый город! Они самой разной величины и высоты. И в каждом кипит жизнь, везде без усталости трудится маленький народ. Муравьи очень малы, но сильны сплочённостью и отвагой, чему свидетельством являются нетронутые ягоды вблизи муравейников. Люблю подойти к муравейнику с тыла, где нет муравьишкиных троп, слегка к нему прикоснуться, увидеть и почувствовать на руке светлые брызги муравьиного спирта, а затем поднести руки к лицу и вдохнуть этот острый

запах, целительный, природный, лечебный. Муравейник сразу закипает: волнуются его жители, бегают, суетятся, начинают кусаться. Ведь для них появление такого гиганта как человек — чудовищное вероломное нападение на святая святых: на родной дом, на братьев, на мать. И нужно побыстрее отойти, чтобы здесь снова установился привычный рабочий ритм.

Не только муравьи хлопочут и готовятся к долгой суровой зиме. Наплели, раскинули по лесу серебряные сети пауки. И, растолстевшие, ждут, схоронясь в сторонке, новую добычу. Раздобрели, похорошели гусеницы. Но есть продолжают неустанно. Есть без остановки — главная их задача. Где-то недалеко стучит дятел. Чуть в сторонке пробежал рачительный хозяин — полосатый бурундучок. Все — в делах, никто не трясет времени даром.

Ходишь по ягодной горке от кочки к кочке, от муравейника к муравейнику, от дерева к дереву, и не заметишь, как начинает темнеть. Не хочется расставаться с лесом, но нужно пускаться в обратный путь. Туда, где приютился меж скалистых гор родной посёлок, туда, где ласково плещет Байкал. Чувствуешь приятную истому во всём теле и понимаешь, что не зря прошёл августовский день: наполнил он здоровьем, силой, подарил вкуснейшее угощение и хорошее настроение. И так приятно будет вспоминать лесные прогулки зимой, холодными вьюжными вечерами, и ждать весеннего тепла, ждать пробуждения милой природы...

ЗВЁЗДНОЕ ЛЕТО

Вторая половина лета 2018 года стала богатой на космические подарки.

27 июля совершилось полное длительное затмение Луны, которое совпало с великим противостоянием Марса, что случается раз в 25 тысяч лет! И нам, землянам, выпала редкая возможность стать тому свидетелями. И как можно было пропустить такое планетарное событие?!

Ночь на 28 июля на байкальской земле выдалась замечательная, тёплая, лунная. Глядел с высокого небосклона блистательно-воинственный Марс. Рядом с ним сияла Луна, заливая байкальские воды жидким своим золотом. Ни ветерка. Ни звука. Ни движения. И вдруг на Луну надвинулась тень, в которой стал исчезать, таять лунный диск. Земля всё более и более наводила тень на Луну, делая свою спутницу невидимкой. Неповторимое зрелище — космические прят-

ки — не скрывало ни одно облачко. Окружающий мир, утрачивая лунный свет, становился всё сумрачнее, угрюмее. Золотая широкая дорожка, протянувшаяся через весь Байкал, быстро тускнела, ветшала, теряя золото, и становилась темно-коричневой. И вот остался от неё только один еле уловимый намёк на водный лунный путь. Луна полностью оказалась в тени, но всё-таки была видна. Теперь она светилась призрачным багрово-красноватым светом. Луна и Марс стали похожи друг на друга, как брат и сестра: одного цвета, одной «крови».

Насмотревшись на светила до ломоты в шее, замёрзнув, ушла в домашнее тепло. Когда через некоторое время вернулась, Марс был на небе в одиночестве. Вся природа почивала и видела сладкие сны...

11 августа вслед за лунным затмением, произошло солнечное. К сожалению, оно не было полным, а, значит, не удивило необычайной красотой, ничуть не испугало быстротой, непривычной сменой дня и ночи. А вот князю Новгород-Северскому Игорю и его воинам, выступившим в 1085 году в чужие земли принять неравный бой и не знающим о затмении, наверное, было страшно увидеть внезапную ночь среди белого дня. Это солнце им «тьмою путь застило» останавливая, предостерегая, оберегая.

У нас на Байкале этим летом солнечный диск затемнился всего лишь на 34 процента. Затмение было едва уловимым. И всё же ощущалось. И всё же влекло меня. Тем более, что солнечными затмениями я не избалована и не видела в жизни ни одного полного. Замерев, смотрела на происходящее в природе. В солнечные картины словно добавили немного серого цвета. Повеяло прохладой. Байкал слегка принахмурился, призадумался. Призрачно заблистала вода. Пригорюнились предвечерние горы. Через тёмное стёклышко, позволяющее глянуть на светило непосредственно, был ясно виден «откушенный» его край. Вспомнилось «Краденое солнце» Чуковского: «Крокодил солнце в небе проглотил». И вдруг, словно из сказки, выскочил и басовито загудел, задымил паровоз, мчащийся вагоны с туристами со всего мира по Кругобайкалке к парому...

Хорошо в эти минуты сидеть, наблюдать, предаваться душам, ощущать себя частичкой необъятного мира. И не противопоставлять земное — космическому. Земля — голубая капелька Вселенной, и мчимся мы вместе с нашей планеткой в неведомые бесконечные дали...

А следующий день, 12 августа, подарил незабываемый пик звездопада Персеиды.

Иду вдоль байкальского берега. Сильные волны шумят, бьются, набегают на одинокую тёмную пристань. Поднимаюсь на причал, прохожу по нему вперёд, в глубину, до конца деревянного настила и ложусь возле воды, устремив глаза в небо. Оно празднично-яркое, сплошь усыпано крупными звёздами. Кажется, они так близко, что если забраться на ближайшую гору, то можно к ним прикоснуться. Картина — грандиозно-величественная! Всплыли в памяти строки Ломоносова: «Открылась бездна, звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна».

Ночное море, тёмное небо — всё смешалось, всё едино. Ощущается космическо-байкальский холод. Лежу на пристани, и кажется, причал, как корабль, уносит меня в глубины Космоса. Возникает ощущение полёта в красивейшую бездну. На другой стороне Байкала временами видны далёкие грозные всполохи. Небо во множестве бороздят спутники. Над головой — звёздная пыль Млечного Пути. В ногах — красавец Марс. Вправо от Марса блистает над горой Венера. Несказанное наслаждение смотреть в ночное небо, полное звёзд, сплетённых невидимыми нитями в чудесные созвездия. А тут ещё росчерки падающих метеоров! Сгорают, плачут серебряными слезами частицы, оторвавшиеся от матери-кометы, потерянные, блуждающие в черноте космоса. Откуда они прилетели? Что видели? Что пережили? Одни из них, робкие, тихие, можно с трудом уловить в светящейся черноте неба, другие, большие, тяжёлые, вспыхивают перед смертью яркими метеорами, оставляя заметный след. Но он исчезает вскоре после их гибели. Вот не стало одной частицы. Вот другой. Вот сразу двух. А звёзды по-прежнему горят, мигая. Несопоставима по размеру и времени жизнь звезд и метеоров. Но и у тех и у других всё, как у людей. Рождение, жизнь, смерть. «Уж сколько их упало в эту бездну...»

Живут люди в квартирах-клетках, которые всецело закрывают небеса. И я рада, что мой дом находится у байкальской горы, поросшей берёзами, густыми травами, багульниковом. В августе над самыми верхушками моих лесных берёз мерцает созвездие Большой Медведицы. И вечерами любуюсь я на звёздно-земные картины и сожалею, что за чередой дел не всегда смотрю в небо. И многое теряю. Оно живое. Оно прекрасное. Оно звездное. У него масса событий. И одно из самых ярких — метеоритный дождь августа. «Август — астры, август — звёзды...»

РАЗНОЛИКИЙ СЕНТЯБРЬСКИЙ ДЕНЬ

День выдался разноликий, щедрый на краски. Стоит середина сентября, но красавец лес пока пышен, достаточно бодр и зелен. Борются за жизнь кусты черёмух, не хотят принимать осень. Большая часть их листьев пока остаётся зелёной, но осенний огонь уже коснулся многих из них. У берёз пожелтели только отдельные пряди, и белоствольные красавицы, мелированные самой природой, стали от этого только краше. Среди леса начинают выделяться золочёные островки осинки. Не сдаются сжигающему огню тонконогие рябины. А сосны, ели, кедры и пихты зелены и весь год будут хранить летнюю зелень.

Временами дует ветер. Солнышко то ненадолго скрывается в пушистой облачной вате, то появляется вновь. Облака вольготно купаются в небе, и, кудрявые по краям, волнисто очерчивают его голубизну. Над байкальской горой, у подножия которой я стою, — облака высокие, многослойные. Первый слой — сероватого оттенка, а дальше, от слоя к слою, становятся они белее. Самый верхний — безупречно белый. И без того пышные, облака постоянно раздуваются, ширятся и множатся, будто замешаны на свежей, мощной небесной опаре. Вдалеке, в противоположной стороне Байкала, вдоль линии горизонта, видна цепочка облачков, похожих на круглые высокие пирожные, увенчанные белой шапочкой крема. Небо словно сознательно выставило их в ряд и предлагает испробовать на вкус свои высокие произведения искусства.

Порыв свежего ветра разорвал небеса на клочки разных цветов и размеров. Больше лоскутов белого цвета, серых несколько меньше, а между ними сияют синие оконца, через которые солнышко временами напоминает о себе. Подгоняемые ветром, лоскуты быстро плывут по воздушным путям-дорогам, сталкиваясь друг с другом, меняя цвета, и небо стало напоминать огромный калейдоскоп.

Откуда-то из облачных закровов ветер на хорошей скорости пригнал большую тучу, которая закрыла своей важной тучной персоной треть неба. Середина её серая, местами она спускается к земле дождевыми космами. А края тучи купаются в солнце, смеются. За ней, словно её дочери, появилось несколько сероватых тучек.

Вдруг блестящей змейкой сверкнула над горой молния. Раскатисто громыхнул гром. Через минуту сверкнула другая змейка. И снова раздался громовой раскат. Затем последовали ещё несколько молний и ударов грома. Начали падать

дождевые капли. Но немного погода показалось солнце, и слёзы неба стали радостными, сияющими. Вскоре небо плакать перестало, а небесные слёзы превратились в земные капельки росы.

Эта гроза была быстрой, как громовой раскат. Не хватило у неё сил испугать вспышками и грохотом прохожих, окатить их ливнем. Не испугались грозы и птицы. С её началом чайки взлетели высоко в небо, и там, став совсем крохотными, неспешно совершали плавные круги. Высоко от земли, несмотря на молнии, уверенно полетела по своим делам сорока.

В известном стихотворении Фёдор Тютчев говорит о любви к майской грозе, когда первый гром грохочет игриво и резво. Первую весеннюю грозу невозможно не любить. Весенняя гроза — гроза-дитя, открывающая двери в лето, в летние тёплые сильные грозы. Но нельзя не любить и последнюю. Осенняя гроза — слабеющая, остывающая, закрывающая сезон гроз. Одним словом, прощальная. И очень красивая и незлобивая. И жаль её, и не хочется надолго прощаться с ней, с летней благодатью.

Расшумелся Байкал, закипел свинцом, серебром, золотом. Много цветов и оттенков сейчас намешано в его огромном котле. Краски, как байкальская вода, — в постоянном движении — текут, меняются, обновляются. Волнуются волны, пенятся у берега. Взлетают на высокую дамбу, поросшую облепихой, омывают оранжевые ягоды, рассыпаются в серебряные горошины.

Серые тучи ушли дальше, летят они по-над Байкалом в сторону белых «пирожных». Распустили они над водой тёмные дождевые космы. А рядом через светлое небесное оконце смотрит солнце на байкальские воды и посылает им благодатные снопы света. Они, эти солнечные прожектора, тянутся с неба к воде и наполняют воды своим волшебным свечением.

В небе бирюза всё решительнее переходит в наступление на косматую хмарь. Вот и озарились солнцем зелёно-жёлтые горы. Засияла над Байкалом робкая радуга.

Прекрасен был этим вечером и закат. Зажгло заходящее солнце нежным розовым огнём роскошные облака, а те, засмотревшись на себя в байкальское зеркало, наполнили своим вдохновенным огнём и воды великого озера.

С грустью провожаю осенний денёк, провожаю вместе с деревьями, с травой, с байкальскими камнями, со всей моей не балованной горячим солнцем землёй, от которой ещё исходит тепло...

Назавтра по прогнозу — мокрый снег. Первый снег. Ранний снег. И сегодня впрок порадовала землю природа накануне серости, сырости и слякоти.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ

Последний день неласкового сентября неожиданно порадовал летним теплом. Повеяло настоящим бабьим летом, и захотелось насладиться чудесными его мгновениями. Иду вдоль байкальского берега за посёлок к крутым горам, возвышающимся над тихой полузаброшенной Кругобайкальской железной дорогой. Подхожу к скале, много претерпевшей и от местных жителей, и от путешественников со всего света, желающих увековечить на ней своё имя. Ступаю медленно и вдруг вижу, что из-под ног в страхе выскакивают маленькие кузнечики, высоко прыгают в разные стороны и даже пытаются лететь. Обхожу стороной их поселение и поднимаюсь над обрывистой скалой по крутой тропе, на которой осень раскидала отжившие берёзовые листья и окрасила ими дорожку в жёлтый крупный горох. Извилистая линия тропки делит гору на две части. Одна часть повёрнута к Байкалу и уходит своими уступами в его глубины, а другая никогда не видела сибирское море, хоть и стоит от него совсем близко. Чтобы не сорваться вниз, держусь за корявые стволы и ветки низкорослого кустарника. Добираюсь до скального выступа, по форме напоминающего кресло, и удобно усаживаюсь в это каменное мшистое тёплое сиденье, вылепленное руками самой природы.

В небольшие углубления монолитного камня-скалы, на котором я сижу, за долгие годы набилось немного землицы, дающей жизнь травинкам и чахлым кусточкам. В одной из таких выемок, устланной берёзовым листом, прилегла, как на мягкую постельку, рябиновая веточка. А рядом на хилом коротеньком согнувшемся стебельке цветёт ярко-розовая гвоздичка.

Хорошо быть сейчас одной, любоваться осенним великолепием, пить свежий воздух, дышать красотой. Чуть колыхнутся травы, замирают от теплыни. И наверху, и внизу — лесное разноцветье. Наверное, благодаря тому, что месяц был ненастным, холодным, листва ещё сохранилась во множестве, хотя лесные просторы всё же стали сквозными, а на некоторых горах уже стали видны большие проплешины. Байкал, окрашенный во все оттенки синего цвета, степенно

катит волны и плещет хрусталём в берег. По его волнистой поверхности кое-где дрейфуют беспомощные листья.

На горе, где я нахожусь, вместе со мной, замерев, любуется чудесными картинами и радуется солнечному дню древесный и кустарниковый народ. Он малочисленный, так как сильная крутизна и ветры не дают семенам падать и закрепляться здесь во множестве. Зато часть горы, закрытая от байкальского взора, густо заросла деревьями. И за моей спиной — сплошной лес.

Слева от меня, всего в нескольких метрах, касаются друг друга ветвями берёзка и рябинка. Им от роду лет по десять. Рябинка стройна и будет со временем красавицей. А вот у берёзки ствол у основания перекручен, змеист, часть его расположена горизонтально, а дальше он, тонкий и стройный, устремляется ввысь. Каково этой берёзке придётся в жизни? Выдержит ли узловатый, ненадёжный ствол тяжёлое дерево? Долго ли проживёт берёза бок о бок с рябиной?..

А метров на десять ниже деревьев-детей смотрит в байкальскую воду берёза широкая, многоствольная. И непонятно, одна это берёза или дружное единство белоногих весёлых сестёр, сросшихся у самой земли и словно сияющей ширмой прикрывающих от меня часть Байкала. Но солнце не удержит, не скроет, оно мощным потоком прорывается сквозь ветви и листья. Солнечная дорожка, протянувшаяся через всё море, сияет, слепит глаза, а по бокам горят, стремительно плывут с волнами к берегу многочисленные солнечные звёзды. Одни гаснут — другие вспыхивают. И этому волшебству нет конца. Вода стала холодной и более чистой. Солнце подсвечивает камни, затопленные у берега. Это свечение тоже движется, течёт, словно речка. Качается на воде светлым поплавком одинокая чайка-рыбачка. Изредка деловито пролетают в густой синеве вороны.

Несколькими метрами правее от берёзы и ещё ниже к Байкалу, нависая над страшным обрывом, растут рядышком две сосны, в молодой своей поре, сплошь в зелёных шишках. Выпало им всю жизнь с высоты птичьего полёта, презрев опасность, смотреться в байкальское зеркало. Вцепились они намертво в скалистую землю и, довольствуясь небогатой пищей, растут на радость и себе, и другим.

Справа, метрах в двадцати от меня, живёт на маленькой скалке сосна-подросток. Между её зелёных лапок в синем оконце неба белеет луна, ставшая в эти минуты ещё одним дневным светилом, гораздо менее заметным, но прекрасным.

А у самой тропинки, уводящей в скалистые поднебесные просторы, в хрустальной синеве неба широко раскинула вет-

ви зрелая берёза. Почти до земли ниспадают её тоненькие нитевидные ветки в ярко-жёлтых листьях и золотых серьгах, чуть покачиваются от тёплого ветерка, глядят куст багульника, среди огненной расцветки которого (о чудо!) раскрылись весенние ярко-розовые цветы. На одном кусте сошлись в великой гармонии весна и осень, и хорошо им вместе, и нисколько не тесно. Бабье лето удивительно щедро, и временами его можно назвать и бабьей весной: ведь стольким цветам даёт оно вторую жизнь. И всё-таки жаль запоздалые цветы, жаль слабую гвоздичку и цветки багульника: совсем скоро их живые огоньки погасит колючий снег...

Вдруг в моё уединение, резко вспугнув по-птичьи чуткую тишину, врывается чёрный паровоз. Пыхтя и гудя, окутывая всё вокруг белым паром, несётся он под моей горой по Кругобайкалке, таща за собой всего два вагона. Пар быстро добирается до меня и, укутав всё вокруг плотной завесой, устремляется выше. Но, стремительный и зыбкий, он быстро тает. И вскоре паровоз, изрядно уменьшившись в размерах, пыхтит уже под другой горой, лежащей передо мной как на ладони. И вскоре скрывается за ней. Улёгся пар, и снова стало тихо. На убыль идёт туристический сезон, а, значит, скоро опустеют берега озера, и станет Байкалу спокойнее, легче.

Небо с любовью смотрит на Байкал, на осенние горы, посылает им тепло лучей. Если бы не снежные остроконечные пики Хамар-Дабана, напоминающие о скорой зиме, было бы непонятно, где кончается море и начинается небо...

Показалась стая птиц, совершающая тренировку перед перелётом в земли, где не бывает зимы. Кружат они над Байкалом тревожно. Нет ещё в стае того порядка, который так необходим птицам в нелёгком пути, но вот-вот такой порядок наступит.

Долго можно сидеть в каменном кресле, глядеть на байкальские красоты. И сколько ни гляди — всё будет мало. Особенно когда знаешь, что через три дня это блаженное время закончится. Придёт ненастье. Леса опустеют, почернеют. И почувствуем мы первое морозное дыхание возвращающейся через полгода зимы. А пока вокруг — солнце, синева, тепло, сошедшая с неба благодать. И хочется вобрать её в сердце до последней капли.

г. Иркутск

Михаил ЛЕМЕШЕВ,
доктор экономических наук, академик РАЕН

ОБ ИСТОКАХ МУДРОСТИ И ТАЛАНТА

К 185-летию со дня рождения русского гения

Прочно и плодотворно только при-
обретённое своим трудом.

Д.И. Менделеев.

Славна русская земля талантами, обогатившими мировое сообщество величайшими открытиями в науке, несравненными произведениями литературы, искусства, архитектуры, а также духовным просвещением.

Естественно, возникает вопрос, каковы источники этой неповторимой плодотворной творческой деятельности. Ответом на него служит жизнь и деятельность великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева.

Поразительным и загадочным для многих исследователей является факт открытия 35-летним профессором Петербургского университета «Периодического закона элементов», являющегося не только одним из основных законов естествознания, но и свидетельством существования всеобщей гармонии в природе, созданной по воле Творца. И действительно, почему это величайшее открытие состоялось именно

ПОДВИЖНИКИ

в России, а не в какой-нибудь стране Западной Европы, где химическая наука к этому времени, казалось бы, получила более мощное развитие, чем в нашей стране?

Дмитрий Иванович на этот простой вопрос отвечает следующим образом: *«Хочется мне выразить заветнейшую мысль о нераздельности и сочетанности таких граней познания, каковы: вещество, сила и дух; инстинкт, разум и воля; свобода, труд и долг. Последний должно признать по отношению к семье, Родине и человечеству, а высшее сознание всего этого — выраженным в религии, искусстве и науке».*

Исходя из этой мысли великого ученого, есть основание считать, что в условиях протестантской идеологии в христианстве у западных ученых сформировался дух холодного рационализма и мещанского восприятия мира. Западная наука накопила множество фактов, но мышление исследователей оставалось плоским, линейным. Оно было лишено объема и системности — качеств, свойственных русским православным ученым. И это не случайно.

Русские дети уже в начальной школе изучали дисциплину Закон Божий — основу русской православной культуры. Основами этой культуры русские люди руководствовались всю свою последующую жизнь.

В доказательство этого утверждения приведем следующий впечатляющий исторический пример. Великие создатели русской православной культуры — экономист И.Т. Посошков, архитектор В.И. Баженов, гениальные естествоиспытатели В.В. Докучаев и В.И. Вернадский, святые русской православной церкви праведный Иоанн Кронштадтский (Сергиев), Патриарх Тихон (Белавин), выдающийся военачальник А.М. Василевский и многие другие были детьми русских священнослужителей. К этому можно добавить, что прославленный маршал Победы Г.К. Жуков, родившийся в простой крестьянской семье, в детстве и юности не просто посещал церковь, а регулярно пел в церковном хоре. А великий государственный И.В. Сталин в юности писал духовные стихи, которые до Октябрьской революции 1917 г. входили в хрестоматийные учебники грузинской школы.

Что же касается Д.И. Менделеева, то его отец, Иван Павлович, был потомком пяти поколений сельских священнослужителей в окрестностях города Удомля Тверской губернии, где они занимались крестьянским трудом наряду с другими сельчанами. Именно высочайшая духовность ученого в постижении гармонии мира позволила сделать великое открытие, которое было не по силам сделать никому другому из его предшественников и современников, служивших на поприще науки.

Будущий гений был семнадцатым ребенком в православной благочестивой семье Менделеевых. Он рос в небольшом дивной красоты городе Тобольске, расположенном в центре Западной Сибири, в месте впадения реки Тобол в Иртыш. Город был основан в 1587 г. отрядом казаков Данилы Чулкова на месте, где за пять лет перед этим произошла решающая битва между отрядом Ермака и войском татарского хана Кучума. В 1620 г. в Тобольске была учреждена Сибирская епархия, и город стал духовным центром всей Сибири. С 1708 г. Тобольск становится губернским городом. Стоит отметить, что при этом в городе было всего 2200 домов с населением 18 тысяч человек. Одновременно в Тобольске было 25 храмов, 15 учебных заведений, несколько типографий.

Тобольск — не только город Д.И. Менделеева, в нем родились композитор А.А. Алябьев, художник В.Г. Перов, историк С.У. Ремезов, жили и работали художник В.И. Суриков, поэт П.П. Ершов.

Юноша Дмитрий с золотой медалью окончил Тобольскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского главного педагогического института (университета), который окончил в 1855 г. также с золотой медалью. В 1865 г. состоялась защита докторской диссертации «*О соединении спирта с водою*», которая по существу содержала разработку учения о растворах. Весьма примечательным является высказывание самого Дмитрия Ивановича об этой его работе: «Это исследование посвящается памяти матери ее последышем. Она могла взрастить меня только своим трудом, воспитывая примером, исправляя любовью. Умирая, завещала избегать латинского (католического. — М.Л.) самообольщения, настаивать в труде, а не в словах и терпеливо искать Божескую и научную правду, ибо понимала, сколь много еще должно узнать при помощи науки».

С этого времени 33-летний профессор возглавляет кафедру общей химии Петербургского университета. В период с 1868 по 1871 г. выходят три выпуска книги ученого «Основы химии». «В них, — писал Д.И. Менделеев, — мой образ, мой опыт педагога и мои задушевные мысли». Эта книга была трижды издана на английском языке, а также на немецком и французском языках. Она серьезно повлияла не только на российских, но и на иностранных специалистов. «Всемирное признание «Основ химии», — писал Дмитрий Иванович, — доставило мне чувство глубокого удовлетворения тем, что

удалось доставить духовную радость другим, идущим по пути искания чистой истины».

За блестящие работы в области химии он был избран членом Лондонского королевского общества, Римской, Парижской, Берлинской академий наук, а также почетным членом многих научных обществ России, Западной Европы и Америки. Д.И. Менделеев был инициатором создания Русского химического общества (1868 г.), которое существует и поныне.

О многогранном таланте ученого

Широкие круги российской и международной общественности знают Д.И. Менделеева только как выдающегося ученого-химика. Его дарования были настолько обширны, что сам Дмитрий Иванович говорил о себе так: «Какой я химик, я политико-эконом! Что там «Основы химии», — вот «Толковый тариф» — это другое дело!» Основания для такого заявления были весьма весомыми. Достаточно указать на то, что по поручению императора Александра III была создана государственная комиссия по выработке принципиально нового таможенного тарифа, целью которой была защита российской промышленности от разрушающей конкуренции со стороны Запада. Ее возглавили Д.И. Менделеев и его личный друг, выдающийся ученый, министр финансов И.А. Вышнеградский (1832—1895). Дмитрий Иванович взял на себя руководство всей работой этой комиссии.

В новый таможенный тариф Менделеев вложил не только уникальный дар исследователя, но свою душу и любовь к России. Венцом этой работы стала монография «Толковый тариф, или исследование промышленности России», которую современники называли «библией русского протекционизма». И это действительно так: Менделеев решительно выступил против узкоторгашеского подхода и предложил устанавливать пошлины на ввозимые и вывозимые товары с учетом их влияния на развитие производительных сил России. Предложения Менделеева были утверждены царем Александром III и сыграли важнейшую роль в динамичном развитии современного индустриального производства. Менделеев выступал категорически против так называемой *свободной торговли*, допуская ее только для товаров, производство которых невозможно в России по климатическим условиям, например, тропических фруктов.

Менделеев решительно боролся против попыток западных стран превратить Россию в сырьевой придаток их экономики. По мнению ученого, России необходимо было начать

индустриализацию именно с создания *тяжелой индустрии*, и притом — на основе самой передовой технологии, с задачей «догнать и перегнать», а точнее, «обойти, не догоняя» Запад. Менделеев предвидел, что соревноваться России придется не с европейской державой, а с США, чтобы уже через 20 лет стать самой сильной и богатой страной мира. Для этого России нужно было вкладывать в развитие промышленности по 700 млн. руб. ежегодно — в два раза больше уже достигнутого на тот момент уровня капиталовложений. При этом, как он считал, нельзя основывать промышленный потенциал страны только на заводах Центра и немногих других очагов индустрии — необходим мощный *сдвиг промышленности на Восток*, в Сибирь, выход к берегам Тихого океана, на Сахалин.

Пристальное внимание Менделеев уделял нарождающейся нефтяной промышленности. Он скрупулезно определил потребности России в нефтепродуктах и наметил пути их удовлетворения. При этом он принял в расчет все известные и предполагаемые им месторождения нефти, обосновал схему размещения нефтеперерабатывающих заводов, наметил конкретные меры для соответствующего развития путей сообщения — железных дорог, Волжского водного пути с постройкой специальных нефтеналивных судов.

Особое внимание ученый уделял проблеме переработки нефти. «Нефть, — писал он, — не топливо, топить можно и ассигнациями». Именно Менделеев предложил широкий спектр товаров народного потребления, который можно получить при переработке нефти. Благодаря реализации его радикальных рекомендаций, не только многократно возросла добыча нефти, но и в пять раз была снижена ее себестоимость.

Менделеев разработал научные основы кооперирования и комбинирования производств таким образом, чтобы отходы одного предприятия служили сырьем для другого. В идеале, считал он, общественное производство должно приближаться к круговороту веществ — подобно их круговороту в природе, у которой нет никаких отходов.

Не менее интересны и продуктивны были предложения Менделеева для совершенствования сельского хозяйства. Чтобы увязать свои теоретические предложения с практикой, Менделеев покупает в Клинском уезде Московской губернии имение Боблово с 400 десятинами земли. «Знатоки»-аграрии отговаривали его от этой затеи, предсказывали неминуемое разорение. Однако он, не вкладывая больших капиталов, добился такого роста урожайности и продуктивности животноводства, что его хозяйство не только окупило

затраты, но и стало местом паломничества земледельцев и объектом практического обучения студентов Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

Эта практическая деятельность позволила ученому опровергнуть пресловутую теорию Мальтуса о необходимости сокращения рождаемости из-за прогрессирующего дефицита продуктов питания. Менделеев доказал, что темпы роста производства в промышленности и сельском хозяйстве могут обгонять темпы роста населения, а Земля в состоянии прокормить не менее 10 млрд. человек. На этом основании он прогнозировал, что население России к середине 1950-х годов может составить 400 млн. человек.

Этому прогнозу не суждено было осуществиться из-за гигантских потерь населения в результате Гражданской войны, раскулачивания селян и Великой Отечественной войны.

Большое внимание ученый уделял разработке форм организации экономической жизни. Вот его глубинные мысли на этот счет: «Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма считаю наиболее обещающим в будущем и возможным в России именно по той причине, что русский народ исторически привык к артелям и к общественному хозяйству». Именно в *общине* он видел эффективную форму для соединения промышленного и сельскохозяйственного труда.

Чрезвычайно интересны мысли Менделеева о сути труда: «Труд, — писал он, — это не только работа, к работе человека можно принудить, а труд был и будет свободным, потому что он по природе своей волен, сознателен и духовен».

Блестящие результаты, которые были получены от реализации предложений Менделеева и Вышнеградского, легли в основу решения Императора Николая II об отстранении с поста председателя Кабинета министров России Витте С.Ю. (1849—1915). Этот идеологический ненавистник России на посту министра финансов и руководителя правительства страны в период с 1902 по 1906 г. своей деятельностью нанес огромный не только экономический, но и геополитический ущерб России. Его «стараниями» Россия была обременена огромными долгами перед западными странами. Он сознательно разрушил систему регулярного материально-технического снабжения русской армии и флота во время Русско-японской войны. Был заключен позорный Портсмутский мир (1905 г.), в результате которого Россия потеряла Южный Сахалин, Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний. Уходя в отставку, честолюбивый Витте выпросил у Императора графский титул (1905 г.). В среде патриотичес-

кой общественности того времени Витте получил прозвище «графа полусахалинского».

Примечательно, что либерально-гайдаровская интеллигенция активно восхваляет предательскую деятельность русофоба Витте, о чем свидетельствует создание негосударственного Московского Университета имени С.Ю. Витте (открыт в 1993 г.), в котором обучается более 28 тыс. студентов.

О мировоззрении Менделеева

В книге «К познанию России» Дмитрий Иванович писал, что Россия должна помнить о неизбежности агрессивных действий со стороны других, прежде всего, западных государств. «Мы должны, — призывал он, — еще долго и долго быть народом, готовым каждую минуту к войне, хотя бы мы сами этого не хотели». Он ратовал за дружбу с Китаем, которому предрекал великую будущность. «Россия и Китай, — подчеркивал ученый, — это два спящих великана, которым настает пора пробуждаться».

Несомненно, актуальной для нашего времени является позиция Менделеева, с которой он решительно выступал против перехода России на путь «буржуазной демократии», считая ее лицемерным прикрытием власти капитала. Не менее актуальным является взгляд Дмитрия Ивановича на рыночные отношения. «В России, — утверждал он, — рынок должен обязательно сочетаться с активной ролью государства в экономике. Только государство, дополняя рынок, может обеспечить общенациональный интерес, стать инструментом достижения общего благосостояния».

Менделеев подвергал суровой критике «классиков» западной «недозрелой» политической экономии, обращал внимание на их ошибочность и резонерство. Главным недостатком этой «незрелой» науки он считал ее ограничение чисто экономической, чаще всего, денежной оценкой явлений хозяйственной жизни, не вдаваясь в их нравственную суть.

Менделеев постоянно подчеркивал, что он — русский и пишет для русских, и цель его — внести вклад в расцвет русских сил, чтобы обеспечить независимость и процветание России. Не сделав этого, Россия может повторить трагическую судьбу народов, сошедших с исторической арены.

Энциклопедические труды Дмитрия Ивановича Менделеева получили всероссийское и мировое признание, однако у него были и недоброжелатели, ориентирующиеся на «западные ценности». Чего стоит следующий прискорбный факт: 11 ноября 1880 г. он не был избран в действительные члены

Петербургской академии под надуманным предлогом — во время студенческих волнений профессор поддерживал их требования (кстати сказать, вполне обоснованные). В 1890 г. недружественная акция по отношению к Дмитрию Ивановичу проявилась и со стороны Министерства народного просвещения, что вынудило ученого покинуть Университет, в котором он проработал 33 года.

С 1892 г. и до конца жизни Менделеев работал ученым-хранителем организованной им Главной палаты мер и весов (в настоящее время Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии им. Д.И. Менделеева)

Прошло более века со времени кончины великого мыслителя, но благодарная память русских людей не угасает, и можно надеяться, что она будет жить вечно. В заключение отметим, что для подлинного возрождения России важно, чтобы ее современная власть не только помнила заветные мысли великого ученого и гражданина, но и руководствовалась ими в своей практической деятельности по управлению страной.

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук, профессор

ОТСТУПАТЬ НЕКУДА!

Родина требует защиты прежде всего от
врага внутреннего...

Валентин Распутин

Отечественная школа, отказавшись от грамотной постановки гуманитарных дисциплин, ныне в целом утратила роль учреждения, формирующего основы знаний, то есть осмысленных и осмысленно связанных между собой основополагающих понятий и представлений. Базовые понятия, отражавшие начала содержания и смысла научной картины мира, сегодня всё чаще подменяются безграмотными «проектами», лишёнными усвоенных фундаментальных сведений о предмете изучения. Эта «новая стратегия», прикрывается словами о новациях, идеями «творческого подхода», по существу лишена научной основы и сколько-нибудь ясно определённого образовательного содержания.

С отечественным образованием ведётся открытая и тайная война, успехам которой активно содействуют у нас агенты и резиденты иностранных служб, легионеры глобализма, невежды и предатели в системе управления

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

и научного обеспечения нашей средней и высшей школы. Под их «чутким руководством» информационная нагрузка учащих растёт, а количество знаний — уменьшается. Ибо полноценное (нормальное) образование утверждается на усвоении *основ* базовых знаний, на принципах научности, системности и должной полноты изучения базовых предметов, то есть на том, чего последовательно лишают нашу школу (и среднюю и высшую) посредством «реформ».

В 1990 году на международной конференции «Образование для всех» принят документ, в котором установлено: исходить из принципов, знаний, навыков и ценностей, обеспечивающих так называемое «безопасное и устойчивое развитие». Что это значит — определяют такие предписания: «...отказ от абсолютной истины и переход к терпимости в отношении религиозных систем», также — «обеспечение и соблюдение «общепризнанных гуманистических ценностей и прав человека». В 1995 г. ЮНЕСКО была одобрена «Декларация принципов толерантности», в которой ради утверждения «глобальной духовности» единственным законом при решении гуманитарных проблем объявляются международные правовые акты по «правам человека». В 2000 году в Дакarte был принят документ «Дакартские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств», который предписал правительствам 164 стран реализовать «образование для всех к 2015 году».

В названных соглашениях определена международная задача: подготовить «*толерантные* массы примитивных людей через образовательные стандарты, основанные на качественно новых базисных принципах, применяемых на всех уровнях образования — начальном, среднем, высшем и распространяемых на всю сферу воспитания».

Сознание таких людей должно стать толерантным, то есть индивидуалистически-самодостаточным, «гибким», избавиться от исторических и национальных духовных ценностей и предпочтений, а значит — от непременных собственно человеческих свойств: исторического сознания, веры и культуры. К этому ведут гласные и негласные «главари» реформ...

Отступать некуда! Налицо — созданное с помощью информационного оружия «вавилонское столпотворение» в сознании многих и многих граждан России. Стало реальностью бесконтрольное и цинически-наглое «продвижение» английского языка в условиях колониального угнетения русского, государственного языка России.

Несомненно — осуществлённое недругами разрушение полноценного отечественного образования и продолжающееся «выстраивание» его по чужим, губительным, образцам. Оче-

видно — полное отсутствие озабоченного и созидательного отношения к состоянию школы у руководящего большинства...

Едва ли не самая большая беда России — невежество или чуждыми значительной части «руководящих кадров». Говорят, кадры — решают всё. Вопрос в том, каковы эти кадры: невежественны или образованны, честно служат России или не отвечают её интересам, но преследуют какие-то иные цели.

Современное убогое состояние образования — не «ошибка», но следствие преступлений государственного уровня, связанных с заведомо порочными, разрушительными установками, заложенными в «перестроечных» документах, оторванных от интересов государства, от живого и богатого наследия отечественного просвещения. Всё это даёт основания утверждать: сегодня открыты пути духовному геноциду народа России.

Уместно вспомнить В.Г.Белинского: *«Человек силен и обеспечен только в обществе; но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — национальность... Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддаётся напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их силою собственной национальности в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически».*

России не было, нет и не может быть без русской основы, без русского духа, без Православия и русской культуры. Корневая черта русского духа — общероссийское государственное самосознание. Русская традиционная культура, устоявшаяся на православной веротерпимости, русский язык и русская школа служили и служат **объединяющими** началами сплочённости многонациональной России. Подрывать эти начала — значит идти к гибели. Станем ли покорно дожидаться этого? Может, наконец отвергнем «дары» тайных и видимых недругов и подтвердим достоинство великого и героического прошлого России?

Язык — основа жизни и душа народа. Языковой уровень в сущности соответствует уровню культуры и образования страны. Сегодня изучение русского языка в средней и высшей школе усилиями легионеров глобализма из сферы образования и вражеской агентуры ВШЭ позорно снижено как в научном отношении, так и со стороны системности, научно-образовательной целесообразности и воспитательной ценности. Вместе с тем «изменения к лучшему» в самые последние годы имеют косметический характер и ничего принципиально не изменили и не могут изменить...

Не так давно администраторы-глобалисты распорядились в метрополитене столицы ввести объявления станций **на языке своих хозяев**. В реальных условиях «деидеологизации культуры» вред от этого исчисляется не рублями и долларами, но незримым **оскорблением и растрепанием** души народа!

Состояние и уровень преподавания русской словесности ныне соответствует условиям «оккупированной территории». Программы школы сокращены под стать программам колониальных учебных заведений. Сокращены так, чтобы народ (в массе) не владел русским литературным языком, как это по преимуществу было в лучшие для школы годы XX века. Сокращены так, чтобы у окончивших школу не могло сформироваться должного для свободного человека независимой страны запаса культурной памяти в виде знания традиционного объёма произведений русской классики, того «школьного литературного канона», который был «не вся классика, но ворота в неё» (А.В. Фёдоров). Без всего этого, как и без изучения правдивой истории Отечества, немислимо формирование нормального гражданского и патриотического сознания человека независимой страны. Этого и добиваются легионеры глобализма.

Под знаменем инноваций программы нередко лишают содержания, без которого не может быть элементарно грамотного человека в России. Образование из выработки достойных умственных и душевно-духовных свойств человека, из осмысленного познания мира через рассуждение, понимание, душевно-духовное отношение к изучаемому, превратилось (в значительной мере посредством «генератора манкуртов» ЕГЭ) в дрессировку, в натаскивание по нелепым тестам, что при освоении гуманитарных дисциплин совершенно непригодно или крайне ограничено по возможностям.

В созданных обстоятельствах необходимо возвращение русскому языку и литературе в школе научных основ, на которых строилось ранее их изучение, а также научной методики преподавания этих предметов. Этого достичь нелегко, если не учесть проведённой наследниками Даллеса работы по разрушению в России программ грамотного преподавания гуманитарных дисциплин, а также практического уничтожения многих научных и образовательных учреждений России, служивших арсеналом научно-исследовательской и образовательной работы в этой области.

Падение языкового уровня граждан определяет ещё одну беду: многие школьники в массе не только разучились грамотно говорить по-русски, но нередко оскверняют родную речь непотребными словами и почти перестали читать.

Рассуждать при этом о каком-либо повышении культуры нелепо: значительная часть обывателей её почти лишена и продолжает терять под руководством наёмных СМИ. Те, кто захватил власть, «с лёгкостью отдали телевидение и другие СМИ в руки антинациональных сил и нарекли это «свободой слова», хотя на самом деле это не что иное, как подавление слова патриотического» (Т.Л. Морозова. «О национальном достоинстве великороссов»). А то, что называют сейчас «культурными мероприятиями», весьма часто не имеет отношения к культуре (по основным её признакам). Это субкультура, антикультура и в лучшем случае, как теперь выражаются, «развлекаловка».

Что же с нами случилось?

Так отвечал В.Г. Распутин: Россия вталкивается в «оголённо циничный мир, где... права человека выше прав народа... где из всякого своеобразия, и прежде всего из национального, вырабатывается стандартный продукт...»

Бездействие «верхов» в таких обстоятельствах можно расценить только как следствие равнодушного невежества или преступного вредительства. Третьего не дано.

Но что делать, когда любые попытки исправить положение буксуют по причине массового равнодушия, а также преступного саботажа мнимо усердствующих командиров и администраторов от образования?... Может, с языком — подождём?

В.Г. Распутин отвечал: «Нет, это нельзя оставлять на задний план, в этом, похоже, и коренится прочность русского человека. Без этого, как дважды два, он способен заблудиться и потерять себя. Сколько развелось ходов, украшенных патриотической символикой, гремящих правильными речами и обещающих скорые результаты, что ими легко соблазниться; ещё легче в случае разочарования из одного хода перебраться в другой, затем третий и, теряя порывы и годы, ни к чему не прийти. И сдаться на милость исчужа заведённой жизни. Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далёко доносящее родство всех, кто творил его и им говорил, когда великим драгоценным завромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте, всеум-всему на свете зная подлинную цену, когда плачет оно, это слово, горькими слезами уводимых в полон и обвязанных одной веревкой многоверстовой колонны молодых русских женщин, когда торжественной медью гремит во дни побед и стольных праздников, когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно и в какие нежно, приготавливая такие речи, лучше которых нигде не сыскать, и как напитать душу ребёнка добром, и как утешить старость в усталости и

печали, когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанными родовой кровью, — вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета; с древнейших времён оно само по себе непоручимая клятва и присяга. Есть оно — и всё остальное есть, а нет — и нечем будет закрепить самые искренние порывы».

Овладение родным словом подменено ныне формальным и механическим, часто обесмысленным ознакомлением с основами орфографии и пунктуации. Исчезли уроки развития речи. В рамках программы школьники лишены возможности познавать богатство её содержания и смыслов. Практически отсутствуют разделы культуры речи и языкового этикета, чрезвычайно важные в нынешних условиях.

За формализацией обучения и навязываемыми тестово-дрессировочными методами «освоения» родного языка — следует естественная скука и нелюбовь к родному слову. Чинovníки от образования словно стараются, чтобы так и было. Например, из прежних стандартов средней школы на определённом этапе, как известно, были выброшены, например, такие разделы (вдумайтесь!): «Богатство, красота, выразительность русского языка», «Роль церковнославянского языка в развитии русского языка», «Однокоренные слова», «Этимологические словари русского языка», «Основные толковые словари русского языка», «Принципы русской орфографии», «Орфографические словари» и прочее.

Необходимо помнить, что за годы «реформирования» образования

1) разрушена высококачественная научная и методическая система изучения словесности;

2) повреждены и во многом отвергнуты плодотворные методы традиционного научно и педагогически обоснованного обучения грамоте;

3) недопустимо обеднено содержание осваиваемой лексики, необходимой для нормальной жизнедеятельности и здорового языкового мироощущения.

Последние десятилетия резко ухудшили состояние языковой среды, изменился и запас слов, которым насыщаются наши учебники: исчезли из школьного лексикона многие основополагающие слова, дающие возможность осмыслить картину мира, сформировать мировоззрение (Бог, народ, Родина, святýня, долг, совесть, честь, подвиг, а также — служение, верность, достоинство, гражданственность, ответственность, самосознание, национальное достоинство и др.).

В XX веке эти слова осваивались при изучении русской классики. Теперь при злонамеренном сокращении круга ли-

тературных произведений, допущенных к изучению в школе, и при катастрофическом снижении уровня изучения литературы в школе учащимся просто неоткуда заимствовать понятия, необходимые при формировании патриотического мировоззрения. Тем самым подорвана языковая основа мировоззренческой составляющей школьного образования;

4) выведена за рамки изучения языка коренная задача — овладение ясным и точным смыслом слов, оттенками их значений; практически отсутствуют как жанр уроки по развитию речи;

5) губительно сокращено количество текстов классики, на которых только и можно утвердить полноценное знание литературного языка;

6) изъята, а затем заменена фактически суррогатом основная форма обучения письменной речи — сочинение. Тематика экзаменационных сочинений не связана, как ранее, с произведениями русской классики, зачастую не соотнесена с реальным возрастным жизненным опытом школьника и нередко напоминает завуалированный социально-психологический тест для ориентировочного определения некоторых склонностей экзаменуемого;

7) пагубно деформирована направленность обучения: значительно сужена сфера получаемых знаний; системное изучение предмета подменено формированием механических навыков для выполнения заданий по предлагаемым моделям;

8) вредительно сокращено количество часов по русскому языку и литературе;

9) старые учебники и пособия заменены новыми, многие из которых не выдерживают критики ни с научной, ни с методической стороны, но активно внедряются через систему официального механизма разного рода «надёжных» рецензентов, часто не исполняющих своих элементарных обязанностей;

10) фактически перестали принимать во внимание современное состояние языковой и культурной среды, испытавшей в последние 40 лет катастрофические изменения. Средства массового тиражирования и современная реклама нередко отучают от грамотности посредством искажения и подмены смысла слов, неточного толкования их содержания, через изменение истинного значения, ложное их употребление и даже — орфографическую неграмотность. Законы России в их настоящем виде не защищают русский язык от этих пороков СМИ.

Преподавание языка в целом подменено формальным и механическим ознакомлением с основами орфографии и пунктуации. В рамках программы школьники лишены возможности познавать богатство его содержания.

Ни одну из основных задач обучения родному языку массовая школа в настоящее время, как должно, не решает. В этой области нормальное образование в целом уничтожено. Задача в том, чтобы восстановить преподавание русского языка на научной основе (с возвращением утраченного содержания) и решительно увеличить количество учебных часов...

За четверть века квалифицированного и системного разрушения программ по словесности мы потеряли литературу как научный предмет школьного изучения. В созданных условиях невозможно научить в школе главному: вчитываться в книги, верно и полноценно осознавать художественный мир и смысл произведения, наконец — ценить и любить литературу.

Изучение литературы — это насущное дело школы; говоря словами Ф.И. Буслаева, «настоящая её (литературы. — В.Т.) опора и твёрдая основа состоит в нравственных убеждениях всего народа». Известно, что литература — искусство, воссоздающее с помощью слова образную, целостную и творчески преображённую картину действительности, выводящую сознание на новый уровень восприятия. Известно также, что классика (истинно художественные произведения) вмещает в себя сердечное созерцание, чувство, опыт, духовное видение, познание и разумение. В классическом произведении нет *случайного*: в нём каждая деталь, каждое слово художественно оправданы и значимы. По всему этому в основе изучения литературы — творческое постижение целостного художественного образа, его идейного и духовно-нравственного смысла, его пафоса.

Лишь целостное осознание произведения в контексте эпохи обнаруживает соприродные его сущности красоты и истинный смысл. Всякое «вырывание частей» или основание на отдельных из них обобщённого смысла произведения — означает фальсификацию и искажение.

При этом нередко *забывают*, что литература — искусство, т.е. переживание и познание действительности посредством воссозданного в формах самой жизни «параллельного», целостного, образно-творческого её изображения, подводящего к художественному открытию.

Забывают, что русская классическая словесность — это запечатлённая народная память, исторический опыт, средоточие наших духовных святынь и национальных идеалов, без которых немислимо становление здорового самосознания, самостоятельности и свободы человека и народа.

Забывают, что литература воссоздаёт целостный образ, сформированный и выстроенный творчески, в свете духовного и эстетического идеала писателя. Ибо идеальные начала освещают историческое движение.

Забывают, что путь к грамотному разумению художественного произведения доступен тем, кто умеет читать, отвечая на вопросы: что изображено, как изображено и почему именно так.

Известно, что читатель-недоучка, не достигший некоторого уровня знаний и воспринимающий всё в соответствии со своими убогими представлениями, не может верно понять прочитанное, то есть извлечь из произведения его истинный смысл. Грамотное, полноценное понимание доступно лишь читателю, обладающему умением читать. Этому и учила раньше школа, опираясь на основы гуманитарных наук.

Первостепенная задача образования в России — утвердить в школе знание отечественной словесности на научно-методической основе, знание, «возвращающее нашим современникам полноту изначальных смыслов слов, образующуюся лишь через личностное, живое восприятие в живом потоке времени» (П.Карташов).

Для восстановления нормального образования нам не обойтись в школе без восстановления в программах школ *основ* литературной науки с элементами теории словесности. Нужно восстановить также традиции обучения историческому мышлению. Живое представление о времени должно войти в сознание ученика до того, как он обратится к тексту произведения. Без этого все усилия — бесплодны.

Наперекор этим задачам за последнее десятилетие были «сверху» ликвидированы кафедры литературы во многих «провинциальных» вузах; некоторым гуманитарным вузам были нанесены разрушительные удары путём искусственного «объединения», подрывающего их целостность, научный статус и уклад. Продолжается преступное планомерно-разрушительное, насильственно-обязательное вредоносное сокращение «сверху» гуманитарных программ и уменьшение часов по гуманитарным предметам, этому фундаменту культуры в вузах; санкционировано заведомо разрушительное и пресекающее рост отечественных научных кадров высшей квалификации увеличение «часовых» нагрузок профессуры.

Ведутся стимулируемые «свыше» и заведомо бесплодные словопрения об улучшении преподавания в школе литературы и русского языка. Но улучшение разрушенного — нелепость! Продолжается навязанное «свыше» поспешное обсуждение новых «кустарных», заведомо ущербных и совершенно не пригодных для полноценной школы концепций и программ по литературе, обсуждение, нарочито отданное по преимуществу в руки непрофессионалов-«менеджеров». При этом характерным политическим приёмом нынешних «властей» яв-

ляются хорошие и «правильные» слова при действиях, приводящих к результату, противоположному этим словам.

Для исправления недостатков, заблуждений в административных нововведениях по устройению школы конца начала XXI века предлагается:

а) разработать систему законов России, безусловно препятствующих разрушительной политике в области культуры и образования;

б) перейти к реальной, действенной и целенаправленной политике защиты государственных интересов, определяемой «Концепцией информационной безопасности России» (подписана президентом России В.В. Путиным 9 сентября 2000 года);

в) постепенно, но основательно пересмотреть проведённые в XXI веке административные нововведения в устройении общеобразовательной школы России, а также законы в области образования, науки и культуры, достойным образом учитывая и привлекая при этом незаконно «отодвинутое» во время реформ богатейшее наследие русской культуры и образования для определения соответствия названных нововведений и их последствий государственным и национальным интересам;

г) начать созидательную законодательную и педагогическую работу по возвращению в среднюю школу несомненных достоинств, утраченных ею вследствие разрушительных буржуазно-либеральных «реформ» XXI века;

д) провести разумную кадровую политику, препятствующую антигосударственной деятельности облечённых властью людей, явно или скрыто проводящих разрушительную для государства политику недооценки и ущемления не соприродной им русской культуры и отечественного образования; здесь не следует избегать постановки вопроса о соответствии области руководства менталитету руководящего этой областью.

Каждый честный гражданин, не потерявший совести, должен неколебимо встать на защиту отечественного образования: отступать некуда: стимулируемое невежество и низкая культура молодёжи — это ядерная бомба, подложенная под судьбу нашего Отечества.

ЧЕРНОСОТЕНЦЫ

«Реакционеры», «шовинисты», «озверелые погромщики» — такими эпитетами уже больше сотни лет награждают черносотенцев космополиты всех оттенков — от интернационал-коммунистов до либерал-демократов. В сознании обывателя слово «черносотенец» давно стало синонимом тупого громила и патологического антисемита.

Кто же на самом деле были черносотенцы и почему осенью 1905 г. возникло их массовое движение?

С начала XX века революционеры в России устроили настоящую охоту на государственных деятелей. В 1902 году был убит министр внутренних дел Сипягин, в 1904-м — министр внутренних дел Плеве, в 1905-м — великий князь Сергей Александрович. Убивали не только министров и князей. Убивали губернаторов, полицмейстеров и даже рядовых солдат и полицейских. Сам Ленин, до 1905 года бывший противником революционного террора, вдруг стал его горячим сторонником: «Отряды должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лест-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр., и т.д.)» (ПСС, т. 11, с. 339). К концу 1907 года жертвами террора стали более 9 тысяч человек.

Убийствами дело не ограничивалось. Эсеры, анархисты, большевики и бундовцы повсеместно грабили почту, банки и частных лиц, убивая охрану и случайных прохожих, — этот бандитизм они назвали пристойным словом «экспроприация». В «интеллигентной» либеральной прессе глумились над Православием, царской фамилией, правительством и историческим прошлым России. Антигосударственная пропаганда велась столь мощно и целенаправленно, что страну охватили массовые забастовки (в октябре 1905 года бастовало 2 млн. рабочих), а в декабре 1905-го дело дошло до вооружённых выступлений — тщательно подготовленных и хорошо организованных. Всю эту вакханалию впоследствии назвали «Первой русской революцией». О том, что революция была не русской и не в русских интересах, в ноябре 1905 г. откровенно писал выходивший в Англии сионистский журнал «Маккавей». Её целью было свержение монархии и превращение России в послушного сателлита «фининтерна», каковыми тогда уже были многие западные страны.

Правительство проявило полное бездействие, что вполне объяснимо, если принять во внимание политические взгляды его главы либерала Витте — автора «Манифеста 17 октября», ограничившего права монарха (отныне ни один закон не мог вступить в действие без одобрения только что учреждённого парламента — Государственной думы). Мало того, многие «государевы люди» даже заигрывали с революционными погромщиками. В ряде городов губернаторы приветствовали социалистов, в Уфе губернатор ходил с красным флагом по улицам, в Чите губернатор называл социалистов «партией порядка», в Казани губернатор обещал убрать с улиц полицию, а в Москве генерал-губернатор Дурново держал приветственную речь перед толпой, над которой развевался лозунг «Долой самодержавие!». (Всё это очень напоминает поведение ряда партийных вельмож в 1990—1991 гг.) Огромная часть Транссибирской магистрали оказалась в руках террористов.

Удивительного в этом мало. И будущие террористы, и будущие чиновники учились в одних и тех же университетах, слушали лекции одних и тех же либеральных профессоров-западников, считавших Россию политически отсталой страной. Удивительного мало и потому, что почти все газеты в

стране имели антимонархическую (а, следовательно, и антигосударственную) направленность, а их огромные тиражи обеспечивались деньгами международных банков и политически недалёких русских капиталистов, вроде Мамонтова, Морозова и Рябушинского. Эти чиновники, капиталисты, как, впрочем, и либеральные профессора, своими руками рыли себе могилу, в которую их тогда чуть не закопали (и всё же закопали после 1917 года).

Но русский народ, оставшись один на один с врагами Отечества, не дрогнул и начал оказывать сопротивление — вначале стихийное, потом организованное. Создавались народные дружины — «чёрные сотни», получившие своё название от древних народных дружин ополчения («чёрный» означает «от земли»). По существу, возникло народное ополчение, подобное ополчению Минина и Пожарского в 1612 году, только безоружное. По собственной инициативе в борьбу вступили многие русские офицеры и генералы. Героический подвиг совершил генерал А.Н.Меллер-Закомельский. С отрядом всего из двухсот гвардейцев он в ночь на 1 января 1906 г. экстренным поездом выехал из Москвы и за три недели подавил мятеж на всём Великом Сибирском пути.

Самым массовым национально-монархическим движением стал Союз Русского Народа, созданный в начале ноября 1905 г., который быстро объединил десятки разрозненных организаций и имел более 3 тыс. отделений по всей стране. В него вошли сотни тысяч людей разных сословий, но одинаковых патриотических убеждений — титулованная знать и мещане, врачи и рабочие, учителя и крестьяне. Уже 21 ноября 1905 г. Союз собрал огромный митинг в Михайловском манеже в Петербурге. Возглавил Союз глубокий мыслитель, талантливый организатор и энергичный деятель — детский врач Александр Иванович Дубровин (1855—1921).

Кроме ближайшей задачи — отпора врагам Отечества, Союз ставил и стратегические. В их числе: «развитие русского национального самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий на пользу дорогого нашего отечества — России; восстановление Православной Церкви на началах соборности с равными правами старообрядцев и предоставление ей господствующего положения в государстве; замена существующего бюрократического строя (присвоившего много прав монарха и заслонившего его от народа) самодержавием с широким народным представительством».

В национальных вопросах Союз «не делает различия между великороссами, белоруссами и малороссами», считая их единым русским народом, имеющим преимущественные права, «но на строгих началах законности, дабы множество инородцев, живущих в нашем отечестве, считали за честь и благо принадлежать к составу Российской Империи и не тяготились бы своей зависимостью». На совести Союза не было ни одного еврейского погрома, а «погромщиками» и «анти-семитами» членов Союза обзывали потому, что те открыто заявили о руководящей роли евреев в революционных событиях того времени.

Союз принял «твёрдое направление просвещения для развития у населения сознательной политической жизни в духе самодержавия и для распространения в населении христианских начал, укрепляющих патриотические чувства и чувство долга перед отечеством, обществом и семьёй».

Союз планировал учредить свой банк с отделениями по всей России, задачей которого «будет служить поднятие исключительно русской торговли и промышленности и доставление крестьянам дешёвого кредита и возможности продавать продукты своего производства по хорошей цене преимущественно самим потребителям, а не перекупщикам».

Сравнивая революционеров и черносотенцев, можно безапелляционно утверждать: погромщиками были революционеры, и только они.

Благодаря черносотенцам, народ выиграл первый этап битвы за Россию, затем подключился П.А. Столыпин, ставший в апреле 1906 г. министром внутренних дел, а затем и председателем Совета министров. Он ввёл военно-полевые суды и в 1907-м окончательно подавил смуту. Однако, посчитав черносотенцев силой, параллельной и не подконтрольной правительству, он приложил немало энергии, чтобы расколоть народно-монархическое движение и ограничить его деятельность рамками Думы. Своей же опорой в Думе он сделал партию октябристов, лидер которой масон Гучков впоследствии стал одним из организаторов свержения царя.

Таким образом, к февралю 1917-го у императора Николая II не оказалось опоры ни в виде общенародной политической партии, ни в виде сильного главы правительства (Столыпин был убит Мордахеём Богровым в 1911 г.). Это и решило судьбу монархии.

Что касается руководителей и активистов черносотенного движения, то некоторая их часть успела эмигрировать, большинство же (в их числе и Дубровин) было расстреляно большевиками.

ЗА ЧЕЙ СЧЁТ ПРАЗДНИК?

200 лет назад, в 1818 году, на Кавказе на берегу Сунжи героем Отечественной войны 1812 года генералом А.П. Ермоловым была заложена крепость Грозная (с 1869 г. город Грозный), 75 лет назад, осенью 1943 года, началась депортация некоторых народностей Северного Кавказа, а 60 лет назад, 26 августа 1958 года, в Грозном началось мирное русское восстание.

Первое из этих событий произошло в ходе Кавказской войны 1817—1864 гг., начавшейся по двум причинам. В 1801 г. по завещанию царя Георгия XII православное Картли-Кახетинское царство (Восточная Грузия) было принято в состав Российской Империи с целью защиты от порабощения мусульманскими Турцией и Персией. Затем этому примеру последовали княжества Мингрелия, Имеретия и Гурия (Западная Грузия), и Северный Кавказ оказался в «тылу» России. Вполне естественным было желание русского правительства интегрировать «тыл» и распространить на него российское законодательство. На это желание горские народы, исповедовавшие ислам, — черкесы и абхазы на западе, чеченцы и дагестанцы на востоке — ответили вооружённым сопротивлением.

Другая, ещё более важная причина — защита мирных жителей юга России (в их числе были не только русские, но и осетины, и грузины, и кабардинцы) от разбойных набегов горцев, в чём особенно отличались чеченцы — грабежи, увод скота и захват пленных с целью последующего выкупа были главной доходной статьёй их «экономики». Ермолов писал: «Чечню можно справедливо назвать гнездом всех [горских] разбойников».

Ранее предпринимавшиеся попытки замирения Кавказа то военными рейдами, то задабриванием результатов не давали. А.П. Ермолов, встав во главе Отдельного Грузинского корпуса, радикально изменил военно-политическую стратегию. «Кавказ, — говорил он, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать её, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведём же осаду!» В числе принятых им эффективных мер были планомерное возведение укреплений, строительство дорог, прорубание просек в непроходимых лесах, а главное — ни одно нападение горцев не оставалось безнака-

занным. Так, шаг за шагом границы мирной земли продвигались к Главному Кавказскому хребту: складывали оружие карачаевцы, балкарцы, черкесы, абхазы. Даже взятый в плен дагестанский вождь Шамиль признал свою ошибку: «Знал бы, как велика и могуча Россия, не стал бы вести долгую и кровопролитную войну».

По окончании Кавказской войны умелая национальная политика царского правительства и наличие казачьих линий по Тереку и Сунже дали свои плоды — более 50 лет, до 1917 года, ни одного серьёзного выступления горцев не было. Более того, Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия»), составленная в 1914 г. из добровольцев-мусульман, отважно сражалась за царя и отечество в Первой мировой войне (хотя, по словам А.И. Деникина, «храбрость её всадников совмещалась... с крайне растяжимым понятием о «военной добыче», что тяжело отзывалось на жителях районов, занятых полками дивизии»).

Мирная жизнь рухнула после Октябрьской революции. Вначале большевики посулили горским князькам расширение владений за счёт казачьих земель, позволив им безнаказанно расправляться с русским населением, потом создали для них автономии, а впоследствии вообще подарили Чечено-Ингушской АССР в качестве столицы русский Грозный. Чеченцы вскоре «отблагодарили» Москву. 23.07.1925 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян сообщал секретарю ЦК В.М. Молотову: «Политическое положение в Чечне обострилось, недавно завершившись нападением и убийством красноармейцев. Крайком в полном единодушии с командованием [Северо-Кавказского военного округа] и ОГПУ решили провести операцию по разоружению Чечни и изъятию бандитского элемента».

Операция была проведена молниеносно, всего за 17 дней — не только в Чечне, но и в прилегающих районах Дагестана и Ингушетии. Было изъято более 21 тыс. винтовок, около 3 тыс. револьверов и сотни тысяч патронов, арестовано большинство «главарей банд» («полевых командиров», по либеральной терминологии). Характерно, что вооружённые банды имели поддержку со стороны высших руководителей автономии. Вновь на Северном Кавказе воцарился мир, хотя и хрупкий, — операции по разоружению проводились ещё не раз, но всё оружие изъять так и не удалось. Из него стали стрелять в спины наших солдат, когда в 1942 году на Кавказ двинулись немцы. Ну а что потом творилось на оккупированных территориях, ныне хорошо известно.

Когда в 1943 году Северный Кавказ был освобождён от оккупантов, у И. В. Сталина было два варианта — либо судить предателей и пособников врага по военным законам, т.е. расстреливать, либо выслать их вместе с семьями. Вождь выбрал гуманный вариант: осенью 1943 г. депортировал в Среднюю Азию и Казахстан карачаевцев, затем балкарцев, чеченцев и ингушей, территорию Карачая и южную часть Чечено-Ингушетии передал Грузии, а в опустевшие сёла были организовано переселены лакцы, аварцы, даргинцы, осетины, а также много русских из разорённых войной мест. Причем депортированным выдавали продукты питания, ссуды на строительство домов на новом месте с рассрочкой на 7 лет и по корове каждой семье. (Слышал ли кто-нибудь о подобном внимании в 1929—1933 гг. к ссыльным русским «кулакам»? И слышал ли кто-нибудь, чтобы их дети требовали от государства возращения отобранной земли, домов и имущества?)

Ныне либералы стенают о том событии. Их, видимо, больше устраивал бы первый вариант, расстрельный. Что ж, в этом случае под военный трибунал попало бы подавляющее большинство мужского населения, и сегодня карачаевцы, балкарцы, ингуши и чеченцы представляли бы интерес, скорее всего, только для историков.

В 1956 году Н. С. Хрущёв ослабил ограничения для депортированных кавказцев. Этот «миролюбец» вроде бы никому не желал зла (правда, у него не всегда исправно работала голова), но как-то само собой получилось, что депортированные, в нарушение всяких приказов и постановлений, стали массово возвращаться на родную землю и изгонять оттуда пришельцев — пришельцев, официально поселённых властями. Начался новый беспредел. Вот только один пример (из докладной записки в ЦК от 4.07.1957 г.): «...чеченцы и ингуши ведут себя вызывающе, допускают самоуправство, хулиганства, избиения и убийства («допускают» убийства! — **В.Г.**) местных жителей».

26 августа 1958 г. произошло очередное убийство чеченца-ми русского, рабочего химзавода, в русском городе Грозном (даже по переписи 1959 г. большинство населения там составляли русские). Грозненцы не выдержали: в тот же вечер стихийно собралась огромная толпа людей на центральной площади, а на следующий день состоялась демонстрация протеста — люди колонной прошли по городу и направились к обкому партии, звонить в Москву. Результат был ожидаем: власти нашли двух «зачинщиков» — участника войны, отца троих малолетних детей рабочего В. Е. Исаева (произносил речь на митинге) и инженера Г. М. Шваюка (написал текст

резолуции митинга) — и посадили каждого на 10 лет «за организацию беспорядков». То есть проблему не решили, а загнали вглубь.

Нарыв прорвало в 1990-е годы. Эти события происходили на наших глазах, останавливаться на них не будем. Ныне в северокавказских республиках, кажется, наступил мир. Даже Р.Кадыров признал, что без России Чечня жить не может. Вот только вопрос: чем вызвано это признание? Зрелым геополитическим мышлением или астрономическими суммами, которые Москва вбухивает в Чечню за счёт бедствующих русских губерний?

СТАЛИНОФОБИЯ

«Фобия» — это страх и ненависть. В РФ сталинофобия почти 30 лет назад стала инструментом государственной политики, и у ее властителей для этого есть все основания.

Сталин возродил разрушенную «ленинской гвардией» экономику, затем возродил экономику, разрушенную войной. *Они* ее разрушили. Разрушили экономику, вторую в мире по мощности, и посадили страну на «нефтяную иглу». Теперь даже утюги и чайники Россия закупает за границей. Народу есть, что с чем сравнить.

Сталин восстановил империю, вернув Прибалтику, Зап. Украину, Зап. Белоруссию и Бессарабию. *Они* ее разрушили и продолжают разрушать осколок империи — Российскую Федерацию, отдав Китаю стратегические острова на Амуре, отдав Китаю на поток и разграбление лесные богатства Сибири и намереваясь отдать Японии Южно-Курильские острова. И здесь есть, что с чем сравнить.

Сталин после войны неуклонно повышал жизненный уровень народа. *Они* его столь же неуклонно снижают. Увеличивают пенсионный возраст, отбирают инфляционные надбавки у работающих пенсионеров, повышают НДС и т.д., и т.д.

При Сталине взятки чиновникам, если и были, исчислялись шоколадками, теперь они исчисляются миллионами (слово «распил» уже употребляется без кавычек). И здесь есть, что с чем сравнить.

При Сталине «вор должен сидеть в тюрьме», и воры сидели. Теперь стало по М.Горькому: «Если ты украл булку хлеба,

тебя посадят в тюрьму, если ты украл железную дорогу, тебя сделают сенатором». И здесь есть, что с чем сравнивать.

При Сталине любой приезжий иностранец был под контролем. Теперь в страну беспрепятственно прёт лавина иностранцев, везет с собой преступность и наркотики, вытесняет коренных жителей из сферы торговли и строительства, быстро получает гражданство (почти не владея русским языком) и пользуется всеми социальными благами, а по причине многодетности — и социальными привилегиями. И здесь есть, что с чем сравнивать.

Перед Сталиным заискивал сам Черчилль. Теперь о Россию вытирают ноги даже прибалтийские карлики, а такого унижения, как на олимпиаде в Сеуле, Россия не знала, кажется, со времён татаро-монгольского ига. И здесь есть, что с чем сравнивать.

Поэтому *они* из кожи вон лезут, чтобы очернить Сталина и сделать образ вождя настолько чёрным, чтобы на его фоне самим выглядеть светлыми. Грехов перед народом у Сталина хватало, но им этого мало, а потому на него навешивают и грехи Ленина с Троцким, а когда и этого мало, то не гнушаются самой фантастической ложью. Дело порой доходит до анекдотов. Мэрия Новосибирска отказала в установке памятника Сталину по причине того, что это может «повлечь оскорбление человеческого достоинства, общественной нравственности части населения города». Наличие памятников Ленину, площадей и улиц имени Свердлова, Войкова и других палачей русского народа их достоинство не оскорбляет.

Конечно, не страх перед лично Сталиным движет ими. Сталин давно мёртв. Но... В феврале 2017 г. глава «Левада-центра» Л.Гудков в интервью «Радио Свобода» с тревогой сообщил, что «рейтинг Сталина среди населения России... достиг 58%. Причем популярность личности Сталина активно растет среди молодежи России». Вот это-то *им* и страшно!

г. Новосибирск

ИНСТРУМЕНТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Либеральная колонна, лоббирующая интересы мирового правительства в нашей стране, вознамерилась осчастливить нас к 2021 году планетарным «электронным паспортом». При этом был выбран особо напряженный момент истории: всплеск русофобии Терезы Мэй и лидеров Польши и Прибалтики, а также прямые призывы к войне с Россией киевской фашистской хунты. В воздухе запахло большой войной, и как раз в это время глобалистам понадобился «электронный паспорт» с персональными данными россиян для Пентагона и спецслужб противника.

9 октября 2018 г. многие информационные агентства, ссылаясь на газету «Ведомости», сообщили о готовящемся в РФ поэтапном введении с 2021 г. электронных паспортов. Газета поместила статью «Правительство обсуждает замену бумажных паспортов на электронные» с подзаголовком «Они дадут доступ ко всей информации о человеке, которая есть у государства». Разработкой законопроекта об электронном паспорте займутся Минэкономразвития и автономная некоммерческая организация

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

«Цифровая экономика» (АНО «ЦЭ»). Поручение дал зам-пред правительства по цифровой экономике Максим Акимов. Введение планетарного электронного паспорта обойдется в 114,4 млрд. рублей до 2024 г. Как считает известный православный ученый В.П. Филимонов, «Электронный паспорт» — это не традиционный документ, удостоверяющий личность гражданина, а **электронное микропроцессорное устройство единого всемирного стандарта**, идентифицирующее и аутентифицирующее личность компьютерным способом, с помощью которого бездушная и безжалостная компьютерная система опознает человека по его личному коду и биометрическим данным как некий неодушевленный предмет, товар, вещь или, как говорится в документах РФ, — «биообъект». И далее: «...основой действия «электронного паспорта» является присвоение гражданину и его файлу-досье в базе данных *цифрового идентификатора личности* (личного кода) в отношениях с властями и коммерческими структурами. По словам Козырева, замминистра связи и массовых коммуникаций, «для цифровой экономики нужны «цифровые люди» или «цифровые личности», или «оцифрованные люди».

Для электронных документов была определена «логическая структура данных», предназначенная для программирования **чипа** с тем, чтобы чипы, запрограммированные в одной стране, можно было считывать в любой другой стране (ИКАО Дос9303 Т 2+1). ИКАО — структура ООН — Международная организация гражданской авиации. 11 июля 2005 г. на сессии ИКАО в Монреале были окончательно утверждены единые всемирные стандарты машиносчитываемых «электронных паспортов» для «граждан мира сего» в системе «нового мирового порядка». Они включают дополнительные биометрические параметры — помимо трехмерного образа лица; предлагается также использовать биометрические параметры радужной оболочки глаза или дактилоскопию в качестве вспомогательной технологии. Филимонов пишет: «Впервые в истории человечества во всех странах мира вместо традиционных документов, удостоверяющих личность гражданина, вводятся «электронные паспорта» с личными кодами, изготовленные по единому всемирному стандарту, установленному ИКАО».

Тамплиеры торопятся: планетарное государство еще не создано, а планетарный паспорт уже на сковородке. И нас всех из русских и православных намечено перековать в оцифрованных граждан планеты! «Попутно» будет создан такой тоталитарный строй, что, по словам Бжезинского, Робеспьер и

Ленин покажутся мягкими реформаторами. 30 октября 2013 г. премьер-министр Д. Медведев заявил на форуме «Открытые инновации»: «Мы находимся на рубеже совершенно новой цивилизации». И она его радует. Большевики предлагали (и навязывали большой кровью) новую социально-экономическую *формацію* — коммунизм, и в 1980 г. Хрущев обещал ввести его первую стадию. Глобалисты пошли дальше: предлагают уже не только *формацію*, а — иную цивилизацию, о которой Бжезинский с упоением писал: «Скоро станет возможно осуществить почти непрерывный контроль над каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, содержащие помимо обычной информации самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека (в первую очередь — о его религиозных и мировоззренческих взглядах. — **В.О.**). Власть будет сосредоточена в руках тех, кто контролирует *информацию*».

В 1992 г. на 1-м международном форуме по информатизации была принята «Информациологическая конвенция единого мирового локально-распределенного информационно-сотового общества». Эта Конвенция провозглашена программным документом ООН, «определяющим развитие мирового сообщества на ближайшее будущее». В этой сверхреволюционной Конвенции провозглашено: «В *информационном* обществе сначала границы, а затем и государства как таковые **исчезнут**. Планету Земля со временем все будут называть своей единой родиной». Итак, мировой закулисой запланировано исчезновение России и, разумеется, Православия. В развитие положений «Информациологической конвенции» за спиной народа и парламента, расстрелянного в октябре 1993 г., представителями РФ, верными ельцинистами, были подписаны международные соглашения, обязывающие Россию к вхождению в это всемирное наднациональное сообщество: Окинавская хартия глобального информационного общества» (2000 г.), нью-йоркская «Декларация тысячелетия» (2000 г.), Женевские «Декларации принципов: построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» и «План действий по построению глобального информационного общества» (2003 г.), а также «Тунисское обязательство» и «Тунисская программа для информационного общества» (2005 г.).

Сионобольшевики, не спросив народ, стали строить карательный социализм. Теперь глобалисты тоже внаглую сооружают народам информационный концлагерь. Вдохновитель

и покровитель антихристовой глобализации Дэвид Рокфеллер в 1991 г. на заседании Бильдербергского клуба без стеснения заявил: «Сверхнациональная власть интеллектуальной элиты и мировых банкиров более предпочтительна, нежели право народов на самоопределение».

Как пишет политолог О.А. Яковлева, «Тунисская программа для информационного общества» 2005 года предписывает суверенным государствам правила, полностью исключающие такие понятия, как суверенитет, национальная безопасность, государственная тайна, личная безопасность отдельного гражданина... Россия в ущерб национальным интересам, с огромными финансовыми затратами пытается внедрить электронный документ единого мирового стандарта, что делает прозрачным не только жизнь каждого гражданина России, но и всего населения в целом. Прозрачной для наднациональных структур становится и деятельность всех органов российской власти, включая сферы обороны страны» («О.А. Яковлева «Электронные услуги» или приватизация власти», Москва, 2013 г., с. 37).

Доктор технических наук, академик С.С. Ковалевский еще 11 лет назад предупреждал: «...СУБД (системы управления базами данных) — ядро любой информационной системы. Алгоритмы чтения, коды доступа и так далее — всё это контролируют СУБД. А какие СУБД используются в нашей стране сейчас? Опять же **западные**. Их приверженцы говорят, что в западных разработках хорошая криптография, т.е. шифрование передачи данных. Это так. Но так называемая проблема «стеганографии» (скрытая передача информации) почему-то умалчивается. И запрограммировано это может быть в любом закрытом ПО (программном обеспечении). В 2000 г. была принята доктрина информационной безопасности России. Но о какой безопасности может идти речь, когда всеми информационными ресурсами в России управляют **западные** ОС (операционные системы) и СУБД, исходные коды которых известны только разработчикам» («Российская газета» от 28 декабря 2007 г.). О.А. Яковлева напоминает: «... создание и функционирование электронного правительства производится при непосредственном участии Белого дома США», т.е., добавляет она, мероприятия, проводимые Россией в этой области, «входят в национальные интересы США».

Президент Трамп направляет войска в Польшу, придвигает НАТО к самой границе России тоже фактически по воле «электронного правительства». Совершенно очевидно, что «тотальная рыночная электронизация — угроза националь-

ной безопасности России, поскольку перевод всей деятельности российских органов власти в электронную форму при работе на иностранном оборудовании в системах, созданных иностранными компаниями, делает ее **управляемой извне**» (О.А. Яковлева, там же, стр. 38—39). При этом от электронного правительства отказались многие страны.

Глубокий исследователь глобализации А.С. Панарин (1940—2003) пишет: «В некоем пределе, который сейчас уже просматривается, вся власть на земле будет отдана **наихудшим**. Разве в результате приватизации весь экономический потенциал громадного постсоветского пространства оказался у лучших — наиболее трудолюбивых, ответственных, связанных с материально и морально оправданными видами активности? Нет, всё заполучили как раз те, кому нечем оправдаться ни по человеческим, но по Божьим законам, те, что грабят и вывозят, одновременно разлагающая и растлевая. И это не только наша, провинциальная особенность: таковы законы глобализации, действующие в планетарном масштабе. Глобальная экономика тем именно и отличается от национальной, что ее представляют в основном **паразитарные слои**, связанные со спекулятивными валютными играми, направленными на экспроприацию народных богатств. Ясно, что эта новая экономическая власть на планете заинтересована в **растлении**, в моральном разоружении всей планеты» (А.С. Панарин «Православная цивилизация в глобальном мире», Москва, Алгоритм, 2002 г., с. 363). «Ведя войну во имя торжества худших — тех, чьим богатствам и влиянию нет никакого социального и морального оправдания, она не может оставить в своем тылу таких опасных противников, как мораль, культура, духовность» (там же, с. 363—364). «Пока они не растоптаны, она не может чувствовать себя в безопасности... Власть глобалистов воплощает сатанинский дух глумления, преследующий все формы человеческого воодушевления, морального пафоса и искренности. ...Власть растлевающая — это особый тип властной формации, неизвестный прежде. Прежние формы власти выполняли удерживающую или охранительную функцию... Власть глобалистов, напротив, вербует себе сторонников там, где концентрируется всё теневое, держащее левую (люциферову) сторону, где клокочет энергия глумливого богохульства, уже не просто высмеивающего, но прямо преследующего всё, исполненное верности долгу, вере и искренности. Определенные силы весьма находчиво отменили вместе с тоталитарной цензурой и обычные нормы нрав-

ственности, отделяющие цензурное слово от нецензурного. Непечатная брань в печатных изданиях, на телевидении, публичных выступлениях — это не проявление «традиционного невежества», это изуверство мефистофельской воли, не уставшей пробивать всё новые бреши в твердых старой христианской культуре» (там же, с. 364). «Наряду с социально и национально ответственной государственностью помехой глобальному естественному отбору признана и мораль» (там же, с. 365).

14 ноября 2007 г. наша Государственная дума приняла закон под хитрым наименованием, фактически запрещающий преподавание «Основ православной культуры» в школах России. Почин шел снизу, со стороны губернаторов и законодательных собраний регионов примерно в 15 краях и областях РФ. И этот почин зарубили по требованию секулярных либералов и раввина Берла Лазара. Но когда возмутилась патриотическая общественность, президент Медведев милостиво разрешил преподавание ОПК, но только в одном-единственном 4-м классе и к тому же в довольно адаптированном виде. В выхолощенном учебнике больше всего говорилось о почтении к иным конфессиям и о *толерантности*. Есть, однако, прекрасные учебники А.В. Бородиной, других авторов, есть наработки, методики. Было согласие Патриархии и Министерства просвещения, но, увы, воз и ныне там. Мы по-прежнему лишены крайне необходимого предмета. В сегодняшней школе моральная планка резко упала вниз, и все это знают. Денег не хватает? Но потоки денег уходят из России за бугор, и никакая Набиуллина этому не препятствует. Отсутствие такого важнейшего предмета в православной стране — это наш национальный позор.

Глобализация привела к энтропии человечности, традиционной нравственности и морали. Если у нас огромную роль в понижении моральной планки сыграл богоборческий режим, уничтоживший 200 тысяч священнослужителей, включая почти всех архиереев, то на Западе энтропия и апостасия распространились мирным путем, без крови и тюрем. Благодаря глобализации в первую очередь. В 1997 г. Евросоюз закрепил Амстердамским договором в качестве своей официальной стратегии «гендерный мейнстрим», а ООН определила его как «основную глобальную стратегию содействия гендерному равенству», обязательную для всех государств — членов ООН: народы отдельных государств должны пересмотреть свои «устаревшие» взгляды (на семью, рождение и воспитание детей, образование) и... признать «альтернативные» сексуальные

ориентации такими же нормальными, как и традиционные гетеросексуальные. И пошло-поехало. 4 сентября 2015 г. слова «мать» и «отец» официально выведены из употребления в Италии, как уже они были запрещены в США и в ряде других стран, ибо они «полностью устарели». Официально введены понятия «родитель №1» и «родитель №2».

С сентября прошлого года в школах Франции началось гей-образование. Сегодня в Германии и в ряде других стран запрещено указывать пол в свидетельстве о рождении — дескать, пол ребенок сам определит в 18 лет: желает ли он быть педерастом, лесбиянкой, транссексуалом, педофилом или зоофилом. Мир сходит с ума, и наш министр здравоохранения Вероника Скворцова потакает этому, сочинив документ «О смене пола». А вице-премьер Татьяна Голикова недавно ратовала за активное сексуальное просвещение детей и подростков якобы во избежание «подростковой беременности». Однако в целом наш народ сопротивляется нашествию извращений и, возможно, в этом молчаливом Сопроотивлении, а не в «оккупации Крыма», заключается подлинная причина ненависти ястребов Запада к нашей Родине. Однополые браки официально признаны в Голландии, Бельгии, Испании, Норвегии, Швеции, Франции, Великобритании, Исландии, Дании. Это уже не просто апостасия. Это апостасия, переходящая в сатанизм. Филимонов пишет: «Церковь, Родина, семья, традиции, патриотизм, национальность — это понятия, вызывающие жгучую ненависть у глобалистов. Человеком, лишенным этих традиционных ценностей, будет очень легко управлять».

Академик Петровской академии наук и искусств, доктор технических наук Юзеф Константинович Ковальчук подробно изучил последствия подписания правительством РФ «Письма о намерениях» с Международным валютным фондом и доказал, что де-юре РФ уже 26 лет находится под внешним управлением: «Летом 2012 года в интернете появилось сенсационное сообщение депутата Государственной думы четырех созывов, бывшего председателя Комитета по экономической политике и предпринимательству, члена Генерального совета партии «Единая Россия» Евгения Федорова о том, что «Государство у нас является оккупационным механизмом, созданным в 1991 г. американцами». Правительство Ельцина-Гайдара вступило в МВФ, подписав с фондом «Письмо о намерениях», взяв на себя обязательства внедрять программы «переходного периода», законы, кодексы, конституцию, разработанные только экспертами фонда. МВФ, в свою очередь, обязался обеспечить их разработку и переда-

чу правительству РФ для «перехода к рынку», выделение кредитов для их разработки экспертами МВФ и контроль за их исполнением. Таким образом, де-юре в России было введено внешнее управление. Ответственность за формирование институтов «рыночной экономики», за ее результаты перешло к МВФ, представляющему экономические интересы США и «семерки» (семи ведущих промышленно развитых стран). Из данного документа следует, что РФ не является суверенным государством.

На Московском экономическом форуме 2013 г. доктор экономических наук В.Ю. Катасонов отмечал: «Наше правительство — колониальная администрация. Оно чем-то управляет? Отвечаю категорически: нет! Ничем не управляет, потому что имеет место быть внешнее управление страной». Да и как можно управлять, когда 90% крупного и среднего бизнеса выведены в офшоры, на Сейшельские острова, Кипр, Гибралтар, Мальту, Англию, куда попало, лишь бы олигархам не платить налоги Родине. Президент Международного центра геополитического анализа, генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов в своей аналитической записке от 4 апреля 2015 г. с горечью свидетельствовал: «В России во все времена никогда не было столь некомпетентной и безответственной, большей частью предательской власти... Готово ли так называемое правительство РФ воевать на стороне России или же оно (за исключением двух-трех членов правительства) уже подготовило себе базу на Западе?» В прошлом году пятая колонна буквально взбесилась по поводу критики патриотами кощунственного русофобского фильма «Матильда». А как восторгались они балетом «Нуреев» в Большом театре, прославляя изменника Родины и содомита! Но прежде чем сбежать из России, они хотят навязать нам планетарный электронный паспорт. Отдать нас в электронное рабство поджигателям мировой войны.

Апостасия захватывает отдельных лиц и, к сожалению, целые Церкви, например, Константинопольскую. Судя по агрессивной позиции к критикам экуменизма после пресловутого Критского собора 2016 г. к апостасии склонилась значительная часть Румынской Церкви. Не поехали на Критский Собор Русская, Антиохийская, Болгарская и Грузинская Церкви. К чести Грузинской и Болгарской Церквей следует отнести их категорический отказ сотрудничать с нечестивым сборищем — Всемирным Советом Церквей. А вот наше Священноначалие всё еще там, куда втолкнул их богоборец Хрущев, несмотря на призывы митрополита Приморского и Владивостокского Вениамина покинуть эту берлогу.

В вопросе, ехать или не ехать на Крит, колебалась Сербская Церковь. В конце концов поехала, но многие архиереи отвергли экуменические документы, равно как и посланцы Эладской Церкви. Канонического юлианского календаря сегодня придерживаются Русская, Иерусалимская, Сербская и Грузинская Церкви плюс Святая Гора Афон и РПЦЗ. А все остальные 10 Поместных Православных Церквей под давлением Стамбула приняли, увы, неканонический григорианский календарь, перенятый у еретиков-католиков.

Более 50 афонских монахов в своем обращении к Киноту заклеили Критский собор как разбойничий и антиправославный. Все-таки православный мир сопротивляется безбожной апостасии. Убедим ли мы Патриарха Кирилла не брататься больше с главным еретиком планеты папой римским? Иезуит понтифик Франциск вскоре после встречи в Гаване «покаялся», попросил прощения у содомитов, словно в насмешку над гаванскими беседами с нашим предостелем о традиционных ценностях. Папа Франциск не отмыл руки от бензина, которым вместе с США поливал антирусский киевский майдан, а митрополит Иларион Алфеев зачем-то помчался обнять русофоба. 19 октября 2018 г. у него состоялась аудиенция с ним. Весь мир понял поездку Илариона Алфеева к папе как признание верховенства понтифика над Православными Церквями, как реализацию целей волчьего Критского собора. Мол, прикажите Варфоломею не разрывать Русскую Церковь, дескать, мы хорошие, мы тоже ваши вассалы. И кого просил? Члена Мирового правительства, друга Рокфеллера и блока НАТО, лютого врага России.

Итак, что за парадокс? Тамплиеры Запада не устают клеветать на Россию, калечить нас санкциями и угрожать войной, а наши чиновники безмятежно готовят нам уже к 2021 году планетарный электронный паспорт. Единый с супостатом паспорт, к тому же с чипами и биометрией. Пусть, дескать, Пентагон знает персональные данные наших генералов и наших разведчиков, да и всех нас, грешных. Пусть просвечивают наши министерства и ведомства. Планетарный электронный паспорт, по замыслу создателей, нацелен на уничтожение российской государственности, Святой Руси и Святого Православия. Нам это очевидно, но мы верим: супостат не пройдет. Как писал прозорливый русский философ Панарин, «сегодня единственным прибежищем беспокойного духа истории, продолжающим ее испытывать на верность какому-то высшему смыслу, является христианская традиция, более всего сбереженная Православием».

ПЛОДЫ ГНИЛОГО ДЕРЕВА

Лет 15 назад я решил устроить в своем городке конференцию «Спасем детей — спасем Россию», чтобы попытаться предостеречь от новой идеологии, навалившейся в том числе и на образование. Напросился на педсовет самой большой школы города, чтобы пригласить коллег обсудить надвигающуюся беду. Долго думал, что бы такого сказать, чтобы задеть их, встряхнуть, заставить задуматься... И сказал так: «Мы уже во всем догнали Запад, переняли образ жизни в США, кроме одного пункта: у нас пока еще ученики не расстреливают своих учителей. Но, увы, встав на этот путь, обязательно догоним и в этом...»

Учителя поулыбались, но на конференцию никто из учителей этой школы не пришел...

В истории с керченским стрелком поражает то, что он долго и тщательно готовился, всё рассчитал, нигде не прокололся, был хладнокровен и верен своей задаче до конца. Увы, в интернет попали съемки с видеокамер наблюдения. Как он уверен, абсолютно спокоен, собран, точен! Как циничен и предельно жесток. Сколько видно торжества в этой уверенной манере. Как он упивается своей властью над поверженными учениками и преподавателями колледжа. А какая голливудская походка, какая актерская манера держаться, играть ружьем, какая изысканная манера производить выстрелы. Всё это нам хорошо знакомо по тысячам бесчисленных боевиков. Но вот в реальности это производит совсем иное впечатление — жуткое, леденящее, парализующее...

Видно сразу, что его поступок — это не одноактный эмоциональный срыв, который нам понятен и достаточно привычен в нашей повседневной жизни. Нет, это результат долгой, кропотливой и тщательной внутренней работы, изменения сознания, впитывания идеи, страдания с ней.

Итог воспитания сердца.

Владислав Росляков много интересовался оружием, поддерживал украинскую нацгвардию и оскорблял героев Но-

вороссии. В соцсетях постоянно скрывался, меняя все данные. Жестко высказывался о проблеме бездомных животных, был замечен в группе скинхедов, называл себя расистом, собирался набить татуировку.

Что ж, теперь это у нас в порядке вещей. Мы уже привыкли, что в школах поножовщина, мат, наркотики, алкоголь, насилие, издевательства, насмешки, а в классах — т.н. «половое воспитание» открыто пропагандируются эротика, ранние связи...

И это ещё цветики, ягодки будут впереди.

Кстати, при обсуждении причин керченской трагедии среди малолетних посетителей интернета доминирует одна причина — травля в школе.

В общем, керченский стрелок, как видно по его поведению и поступкам, сознательный, уверенный, активный проводник определенной идеи. Даже майку где-то нашел (или сделал) с ярким «идеологическим» плакатом, чтобы не осталось никаких сомнений у нас с вами, — «ненависть».

А теперь — внимание: реакция наших властей.

Секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев причину нашел — недостатки в учебно-воспитательной работе с молодежью. «Хотел бы обратить внимание на повышение качества предупредительно-профилактической работы с молодежью, обеспечение безопасности образовательных учреждений. Показательной с точки зрения неэффективной организации этой работы стала эта трагедия».

Я всегда удивлялся, как умеют находить «нужные» слова наши руководители, — слова круглые, правильные, чистенькие, осторожные, на все случаи жизни, ни к чему не обязывающие, ничего не объясняющие, но зато спокойные, выдержанные, за которыми можно всегда спрятаться, а вернее, спрятать свою безответственность и нежелание что-либо менять. А в итоге — равнодушные, холодные и, прямо скажем, в итоге — убийственные. Ведь если истинная причина не указана, а тем более не устранена, завтра всё повторится, только в еще больших масштабах.

Кстати, сам Патрушев напомнил, что трагедия в Керчи стала не первым случаем нападения учащихся на своих сверстников — ранее такое происходило в Москве, Перми, Улан-Удэ, Ивантеевке, Шадринске, Барабинске...

Что ж, всё ясно: всех педагогов на местах наказать, сторожей разогнать, чиновникам на местах указать...

И жить дальше по-прежнему.

Наш уважаемый президент Путин также отозвался о трагедии в Керчи: «Это в том числе, судя по всему, результат гло-

бализации, как ни странно. В соцсетях, в интернете мы видим, что созданы целые сообщества. Всё началось с известных трагических событий в Соединенных Штатах...»

Правильные слова! Вот только народ постоянно спрашивает, а зачем мы эту глобализацию-то в свой дом пустили? И кто это сделал? Простой народ?

Далее: «...Мы не создаем нужного, интересного и полезного контента для молодых людей».

А здесь позвольте не согласиться. Есть в нашей стране немало людей, которые создают этот самый «полезный контент». Стараются, работают, предупреждают, жертвуют, отдают свое сердце... В глубинке, на местах, — невидные и забытые. Без средств и административного ресурса. Вот только ни они, ни их деятельность не востребованы государством. Их нет на телевидении, они не доходят до высокой власти, их не печатают, не приглашают, не замечают, не поддерживают... Государству на данном этапе они не нужны. Востребовано совершенно иное.

Когда ученик (кстати, отличник) расстрелял учителя и полицейского в московской школе № 263, президент призвал больше внимания уделять... эстетическому воспитанию подрастающего поколения и строить новые театры юного зрителя.

Как видим, не помогло...

Да и не могло помочь, ведь теперь у нас «эстетика» понимается совершенно по-иному, чем понималась в традиционном христианском обществе да и в Советском Союзе. И театры юного зрителя нет смысла строить. Даже, скажем честно, и вредно и опасно строить, если через них лишь увеличится возможность и масштаб проповеди новой либеральной идеологии вседозволенности, эгоизма и разврата.

Спросите у молодых, какие у них смыслы? Деньги, успех, путешествия, развлечения, карьера. Стать красивым, сильным, крутым. Что он еще может сказать, воспитанный на государственной политике конкурентности и успешности? А успешность, увы, не достигается иными способами и методами, как только добиванием слабых. Правда, эти слабые иногда мстят, как керченский стрелок. Но это иногда и это далеко...

В процессе заседания Валдайского клуба митрополит Тихон (Шевкунов) задал президенту вопрос о влиянии культуры на общество в наше время, об уровне милосердия как критерии культуры и о том, собирается ли государство поддерживать базовые духовные ценности российского общества. Путин ответил, что хотя его симпатии на стороне Владыки,

тем не менее, «мы должны давать высказаться и представителям других воззрений, ведь милосердие — это, по сути, та же толерантность...»

Вот так. Традиции и культура — это, конечно, хорошо, но толерантность — это выше, это свято, это неприкасаемо.

Президент и ранее неоднократно вполне *по-либеральному* говорил, что никакого контроля и цензуры в культуре и СМИ у нас теперь никогда не будет. И это, заметим, несмотря на то, что 80% населения выступают за нравственный контроль за содержанием СМИ, ТВ, интернета. Вся глубинка стонет от навязчивой проповеди новой либеральной идеологии, граничащей с сатанизмом.

Но если государство не занимается идеологией, принципами, мировоззрением, нравственным стержнем для своих сограждан, то это пространство тут же займут наши, мягко выражаясь, оппоненты, предлагая нам закон джунглей — конкуренцию, власть денег, насилие и разврат.

При нынешней идеологии либерализма все словно воды в рот набрали, никто не хочет говорить о главном, фундаментальном, определяющем — о мировоззрении. Лепечут лишь о внешнем и второстепенном.

Три выхода из подобных ситуаций предлагают сегодня все наперебой — ограничение продажи оружия, усиление охраны и — психолога в каждую школу.

Словно это изменит сердце нашего керченского стрелка и его многочисленных последователей...

А уж с психологами и вовсе, извините, смешно. Мать Владислава поведала, что в первую очередь он собирался убить директора. Знаете, почему? Потому что психолога не знал. А то бы точно психолог подвинул директора в этом списке и занял первую строку. Почему? Да потому что он бы еще более, чем директор-администратор, стал для юного мстителя проводником того самого мировосприятия, которое, видимо, так раздражало и требовало мщения в сознании апологета «ненависти».

Ведь сам психолог — лишь орудие, лишь проводник определенного, признанного в данное время и в данном обществе мировосприятия. Что он скажет вопрошающему юному сердцу о жизни и смерти? Бери от жизни всё, потому что после смерти — мрак. Пользуйся возможностями, как это делают другие. Не сдерживай своих желаний — это вредно для молодого организма.

Я не преувеличиваю. Когда я работал в Лысковском техникуме, к нам приезжали из области психологи и на встрече со студентами призывали именно к этому. Они — проводники государственной идеологии.

Поинтересуйтесь у психолога, и многие из них вам ответят, что, например, возможность удовлетворять интимные потребности снимет все ваши проблемы, страхи и комплексы. И т.п.

Не знаю, что было в голове у керченского стрелка, но то, что подобный «психоанализ» сдвигает «крышу» у наших студентов с твердого фундамента их бытийного дома, — это и к гадалке не ходи, как говорили мои студенты.

Получается, если мы теперь, при той ситуации, когда нам новое мировосприятие день и ночь проповедают по ТВ, еще и через психологов начнут внедрять в сознание в каждой школе каждому ученику, тогда мы точно догоним и перегоним Америку в части насилия среди школьников. С серьезными лицами обсуждают именно такой вариант борьбы с ненавистью в сердцах молодежи.

Так, зам председателя Госдумы по образованию и науке Борис Чернышов предложил создать Министерство психологического климата. Депутат выглянул из окна своего автомобиля и был весьма удивлен, что в России «зашкаливает градус жестокости». Люди, оказывается, издеваются над стариками и инвалидами, на дорогах и парковках возникают драки, а бывшие супруги скандалят из-за раздела имущества (он это по ТВ увидел). «Агрессия превращается в норму, а подрастающему поколению сострадание вообще, похоже, не свойственно», — наивно выражает свое удивление происходящим в стране народный избранник. «Психологи и социологи будут проводить исследования, — вносит он предложение, — измерять и менять агрессивный фон в образовательных учреждениях, организовывать мероприятия, целью которых станет снижение и развенчивание идеалов культуры насилия — уроки в школах, беседы с родителями, тренинги на предприятиях. Любой гражданин нашей страны также сможет позвонить в министерство на горячую линию, где ему окажут необходимую психологическую помощь или переправят для оказания помощи в специализированную клинику», — вещает депутат. Вот так. Всю страну — в клинику!

Не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться...

Наше ТВ — сплошь пропаганда жестокости, насилия, разврата, измен, предательства, скандалов, сплетен, роскоши и прочей нравственной дряни.

Всё продается и покупается, и главный товар — человек. Зачем придумали материнский капитал? Да потому что нужны работники для экономики, воины для армии, плательщики для пенсии и т.п. А кому нужен человек? Никому.

В школах создан конвейер для выпуска специалистов, в искусстве — машина для выкачивания денег, в интернете —

поле для выпячивания своего горделивого «я», в государстве — электорат, в экономике — потребитель, в семье — партнер и сожитель. Где же человек? Керченский стрелок, как и тысячи ему подобных, ушел в себя — и никто этому не придал значения, даже близкие, если это слово ещё применимо к нам, жителям такого общества.

Да, всё начиналось с нашего выхода из поля религиозного (где человек — образ Божий) в «свет», в общество светское. Идеологию «светского человека» Онегина мы закрепили в Конституции, как-то не придав значения ни убийству друга Ленского, ни разврата денди, ни его отношения к русской Татьяне, ни презрения к людям, — по сути, антихристианскую идеологию. Заметим, она сегодня внедряется при попустительстве государства такими активными темпами, каких мы не выдвали даже у тоталитарных режимов.

Стрелок из Керчи сжёг Библию и пошел исполнять то, чему его научил окружающий мир...

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

«ПЕРЕЗАГРУЗКА»

«Битва за мечту начинается. Новый сезон. Перегрузка». Узнали? Конечно, это — «Голос»! Тот самый телевизионный проект, который вызвал в своё время не только огромный интерес телезрителей России, но и дал повод для надежд на культурную перезагрузку, хотя бы на государственных каналах. Казалось, теперь-то мы точно услышим новые красивые голоса, увидим молодые светлые таланты, которые сменят надоевшую попсовую голубоэкрannую камарилью. И зазвучат, наконец, повсюду душевные, лирические мелодии, о которых вспоминал владыка Тихон Шевкунов, заявив, что в советское время песня нам заменяла молитву. Мы поверили в новый проект, ведь недаром же в наставники был приглашён Александр Градский. А присутствие Пелагеи обеща-

ло возвращение в эфир фольклора народов России, иначе ведь и не должно быть в многонациональной стране.

И вот Первый эфир 5 октября 2012 года. Открылся он песней группы The Beatles «Let it be», которую браво исполнили наставники Дима Билан, Пелагея, Александр Градский и Леонид Агутин. Конечно, песня эта была выбрана организаторами совсем не случайно, но мало кто из телезрителей понимал, почему ключевым словом проекта является «перезагрузка».

Перезагружали не телевизионный эфир, а сознание телезрителей.

Достаточно сравнить количество песен на русском и иностранных языках, конечно, в основном на английском, прозвучавших за прошедшие шесть сезонов, чтобы убедиться в плановой динамике процесса уменьшения числа песен отечественных.

Картина станет ещё неприглядней, если отсмотреть статистику следующего этапа «перезагрузки» — конкурса «Голос дети». Организаторы не щадили юных вокалистов, заставляя их истерить и визжать до разрыва аорты так же, как это делают взрослые шоу-звёзды. И, конечно же, на всё том же английском, изредка французском. Обезьянье подражание западным исполнителям с хвастаньем произношением продолжилось и у пожилых самодеятельных вокалистов (в качестве подслащения пенсионной «реформы»)...

Какая музыка звучит над Россией? Что слышим мы, когда гуляем семьями в парках и скверах, когда сидим в кафе, когда заходим в торговые центры? Только иноязычная. И в столице, и в провинции — сплошь иноязычная. Почему в День города Краснодар в сквере Жукова звучит «Hotel California» или «Dancing Queen»? А на Красной площади в Новогодье или во Внуково (Новая Москва) на детском празднике для самых маленьких? Рэп, хип-хоп, кантри, техно... Не раз спрашивала организаторов: почему? Во Внуково мне ответили, что причиной — авторские права, якобы с отечественными музыкантами договориться сложнее. И «нарезку» сделать — проблематично. Согласитесь, звучит очень странно.

Мы привыкли к тому, что подростки и молодёжь сплошь в наушниках, в транспорте, на улицах, даже в учебных аудиториях. Как вы думаете, что они слушают? Сомневаться не приходится. Прибавьте вывески наших городов и сёл (!) на тотальной латинице. Какой образ Родины формируется с раннего детства у нашей молодёжи? Покорённой, оккупированной, без права на свои песни, чувства и мысли...

Но вернёмся к «Голосу». «Перезагрузка» прошла успешно: новых открытий всё меньше. Таланты, конечно, есть, только они больше похожи на падающие звёзды — сверкнули и исчезли. Так что эфир по-прежнему принадлежит примитивной попсе и тюремному шансону (передача «Три аккорда» — апогей блатной музыки на ТВ), жиденько разбавляемые афроамериканским джазом. Последним особенно отмечен канал «Культура FM», который может полдня «травить» население примитивными фанками и соулами в мажорных тональностях. Как будто исполняется завет Геббельса, рекомендовавшего транслировать на оккупированную территорию только весёлую музыку.

Всё это сочетается с новыми «гуманными» установками в нашем образовании: никого не грузить, не напрягать, не огорчать — ни в коем случае не дать понять лодырю, что он лодырь, а дураку — что дурак. Учение должно быть сплошным развлечением и фаном.

За этими тотальными «весельем» и «гуманизмом» явно просматривается чья-то конкретная задача: из наследника великой русской культуры вырастить придурка с пустой головой, в которую всегда можно будет заливать всё, что требуется. Впрочем, «придурак» — это неполиткорректно. Выработан нейтральный, ничего не объясняющий, но красиво звучащий термин — «альтернативно одарённый». Кому-то очень нужен «альтернативный» — противоположный своей истории, своей вере, своей цивилизации, тот, кому можно впаривать любые, самые бесполезные товары и втюхивать любые сколь угодно фантастические политические утки. Альтернативный вечный недоросль.

И уже выращено такое поколение недорослей, абсолютно не знающее не только истории, но и географии: ведь они не разрисовывали контурные карты и не выучивали «советские глупости» вроде высоты гор, названий областей. Зачем? Надо будет — погуглят. Такой «альтернативный», не имеющий базовой информации в собственной голове, не может самостоятельно мыслить. Ему просто нечем мыслить, не из чего строить свои рассуждения — материала нет. Значит, задача выполнена.

В мире без мелодий — отсутствуют эмоции, значит, не живёт, не развивается, усыхает душа. «Музыка так же, как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвою этого народа, с его историческим развитием», — писал Владимир Васильевич Стасов. И продолжал: «Нигде народная песня не играла и не играет такой роли, как в нашем народе, нигде она не сохранилась в таком богатстве,

силе и разнообразии, как у нас». Но, увы, похоже, это теперь в прошлом. Из нашей жизни пытаются изгнать мелодию, служившую выразителем больших, сильных, красивых чувств, а из песенных текстов убрали мысль, лишили песню национального содержания.

Проект «Голос» звучит уже седьмой сезон. И, согласно изначальному плану «перезагрузки», теперь уже не нужен Градский, ни к чему Пелагея. Там, где был Лепс, теперь — Шнур... А кто будет завтра?

г. Краснодар

Сергий КАРАМЫШЕВ, иерей

АПОЛОГИЯ МАТА НА РОССИЙСКОМ ТВ

Пользующийся заслуженной широкой известностью ведущий телепрограммы «Вести недели» Дмитрий Киселев в последние годы выступает в качестве одного из основных рупоров государственной пропаганды. Задача такого человека — влиять на умы и сердца людей, заряжать их энергией, привлекать к делу государственного строительства в самом широком смысле этого понятия.

Киселев за словом в карман, что называется, не лезет. Его речь образна, ключевые слова выделяются не только интонацией, мимикой и жестикующией, но и высвечиваются на весь экран, сопровождаемые соответствующими картинками. Некоторые из его выражений становятся крылатыми, как, например, «радиоактивный пепел», в который могут при определенном стечении обстоятельств превратиться США. В одной из передач весьма он уместно и умело прошелся по лидерам старой Европы, указав на их ущербность и обозначив общую болезнь как кризис лидерства. При этом Польшу назвал «троянским конем» США в Евросоюзе, а прибалтий-

ские государства — «гроянскими пони». В меру и к месту, пожалуй, использует телеведущий просторечия, стараясь в то же время избегать канцелярщины и журналистских штампов.

Одним словом, Дмитрий Киселев — человек на своем месте. Однако с такими людьми, если они не внемлют конструктивной критике, случается болезнь, которую можно выразить кратко: почил на лаврах. К сожалению, такие люди склонны гоняться не за доброй, а за все более широкой славой. Подобная погоня приучает их к угождению властям, к стремлению не поднимать среднестатистического гражданина на чуть более высокий уровень мировосприятия, а, напротив, скатываться самому в желании быть для всех «своим в доску» к этому пресловутому среднестатистическому уровню. И это называется деградацией личности.

Не так давно Дмитрий Киселев сделал реверанс в сторону рэперов, указав, что не все они хулиганы, или, во всяком случае, не только хулиганы, но звучат иногда в их творчестве вполне патриотические ноты. Что касается рэперов, читающих-поющих взволнованным речитативом нехитрые свои вирши, в которые вливается, точно в воронку или водоворот, поток сознания, это дело вкуса. Каково сознание, таков и его поток. У кого-то оно напоминает сточную канаву, а у кого-то и преисподнюю. У кого-то оно выскакивает из скучной повседневности, чтобы увлечь за собою других. Конечно, можно и в куче навоза находить иногда некие сияющие светом разума перлы. Но это занятие на любителя.

Но в одной из передач в конце 2018 года Дмитрий Киселев пошел дальше романтического флирта с рэперами. Он затронул вопрос допустимости русского мата в общественном пространстве и ответил на него положительно, слегка, правда, пожурив артиста Шнурова за его слишком частое употребление нецензурной лексики.

Начал Дмитрий Киселев свою «Культурную страничку» (таково название рубрики) следующими словами: «Вообще пора выступить в защиту русского мата. И я лично очень хочу это сделать». В ходе сюжета телеведущий назвал мат «маркером правды» и сказал, что не представляет русского человека без мата. Что на это ответить? В моем пусть и небогатом жизненном опыте запечатлелись личности русских людей, от которых я никогда и ни при каких жизненных обстоятельствах не слыхивал мата и даже не могу представить их матерящимися. У меня не повернется язык назвать их лживыми или слабыми. Напротив, они для меня эталон чести и благородства. И они — украшение русского народа.

Зачем скатываться до того, чтобы делать на главных телеканалах и в главных программах рекламу рэперам и Шнурову?! Они и без этой рекламы неплохо проживут. Для чего выпячивать напоказ всякую грязь?! Желающие найдут ее и без Киселева. Зачем непечальным явлениям субкультуры давать жизненное пространство в самом центре общественного бытия, тогда как им, в силу самой их природы, естественнее быть на периферии?!

Чтобы осадить Шнурова, но не отстать и от пресловутого среднестатистического гражданина, Киселев устраивает в главной новостной программе апологию русского мата. Она достойна внимания, потому что подана умело.

Погрешность Шнурова, основательно слившегося с образом туповатого, но прямого, точно рельс, забулдыги, по мнению Киселева, не в том, что он употребляет инфернальную лексику, а в том, что делает это слишком часто, потеряв всякое чувство меры. Экспрессия матерных «чудо-слов», видите ли, теряется, а сами они (какой ужас!) девальвируются.

На фоне подобных высокопарных рассуждений фигура Шнурова из грязной крысы, ползающей по канализационным трубам, может вырасти в извращенном сознании человека с промытыми пропагандой мозгами до какой-нибудь типической ипостаси русского народа. Вся штука в том, что в преисподней не существует ни народов, ни личностей. Там вечная болезнь, вечная мука, вечное разложение и бесконечная смерть. Увы, но размышления над сущностью инфернальной лексики закономерно приводят к воображению преисподней.

Не нужны, Дмитрий Константинович, русскому народу (а вы, вроде как пытаетесь его воспитывать) такие образы, такие слова, такие примеры для подражания, такие «герои»... Если кому-то в «великом и могучем» русском языке не хватает слов для выражения мыслей и чувств, и он, якобы поэтому, прибегает к мату, пусть поработает над пополнением своего словарного запаса — почитает классиков, которые не страдали от бессилия даже когда требовалось выразить что-нибудь этакое, заковыристое. Пусть напряжёт извилины!

Матерщина свидетельствует не о силе, а слабости человеческого ума, плененного гневом, раздражением, похотью или же обыкновенной глупостью. Зачем эту скользкую немощь именовать силой и отождествлять с мужеством? Чтобы возвеличить грех и надругаться над добродетелью? Иных причин не вижу.

Дмитрий Константинович, не будьте лиха, пока оно тихо. Не говорите, будто «перемат» (т.е. чрезмерное употребление

инфернальной лексики) — это плохо, а вот умеренный, художественно выверенный мат — хорошо. Расхлябанность речи свидетельствует о расхлябанности ума, чувств и воли. Не она России сейчас нужна, потому что приведет к поражению на всех фронтах. Нужна самодисциплина, собранность.

Слова человека, любящего свой народ, должны быть драгоценны, как золото, сиять тонкими гранями смысла, точно драгоценные камни. Они призваны утешать, как может только утешить мать свое дитя; и когда необходимо, они должны разить, словно стальной клинок. Слова призваны житьворить, точно чистая родниковая вода.

Кто предлагает вместо всего этого своему народу какую-то зловонную слизь, разве он любит его? И не презирает ли? Не разлагает ли и не умерщвляет ли его душу? Не хочется думать подобных вещей о Дмитрие Константиновиче Киселеве. Вероятнее, он просто вляпался в гнилое болото популизма. Пора вылезать, потому что, соблазняя других на грех, легко и свою душу погубить, если она еще окончательно не погублена.

ТОСКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕСНЫ

(М.Ю. ЛЕРМОНТОВ)

XXVII

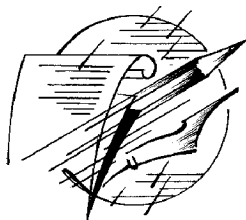
В начале мая 1840 года, прощаясь с друзьями в квартире Карамзиных, где были и полковые товарищи Лермонтова, поэт, стоя у окна и глядя на Неву, экспромтом написал стихотворение «Тучки небесные».

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.*

Приезд Лермонтова в Москву совпал с именинным обедом в честь Николая Васильевича Гоголя, устроенном историком Погодиным. Погодин пригласил и Лермонтова. Было весело, шумно, смеялись, и только Гоголь плохо скрывал какую-то озабоченность. После обеда все разбрелись по саду, и Лермонтова попросили прочитать «Мцыри».

Окончание. Начало в №10 за 2018 г.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

На другой день, на вечере у Свербеевой, Лермонтов снова увидел Гоголя, завязался разговор, и проговорили до двух часов ночи.

В Москве Михаил Юрьевич встретил Василия Боборыкина. Расставшись во Владикавказе, когда Боборыкин с изумлением смотрел, как Лермонтов и француз рисовали и пели во все горло, они больше не виделись. Боборыкин теперь был в длительном отпуске, тратя время, как сам признавался, на обеды, поездки к цыганам, загородные гулянья и почти ежедневные посещения Английского клуба, где играл в лото по 50 руб. ассигнациями ставку и почти постоянно выигрывал.

«Грустно вспомнить об этом времени, тем более что меня преследовала скука и бессознательная тоска. Товарищами этого беспутного прожигания жизни и мотовства были молодые люди лучшего общества и так же скучавшие, как я. Между ними назову: князя А. Бярятинского, барона Д. Розена, Монго-Столыпина и некоторых других.

И вот в их-то компании я встретил Лермонтова... Мы друг другу не сказали ни слова, но устремленного на меня взора Михаила Юрьевича я и до сих пор забыть не могу: так и виделись в этом взоре впоследствии читанные мною его слова:

*Печально я гляжу на наше поколение, —
Грядущее его иль пусто, иль темно...*

Нужно было особое покровительство провидения, чтобы выйти из этого маразма. Не скрою, что глубокий, пронизывающий в душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на переворот в моей жизни, заставивший меня идти совершенно другой дорогой, с горькими воспоминаниями о прошедшем».

(Василий Боборыкин подал в отставку, уехал учиться за границу, потом вернулся на родину, женился и, поселившись в селе Лыскове Нижегородской губернии, занялся сельским хозяйством. Вскоре окрестные помещики заговорили о нем с изумлением: Боборыкин учит мужиков разным ремеслам и открыл в селе школу для крестьянских детей. Как вспоминал племянник Боборыкина, «дядя был в то время эдаким Львом Толстым, с таким же неутомимым исканием правды»).

Монго Столыпин тоже не знал, куда себя деть в Москве: друзей у него почти не было, визиты к родным надоели, и он проводил время в Английском клубе, ожидая, когда соберутся товарищи «кружка 16-ти» едущие вместе с ним на Кавказ.

Из письма Ю.Ф. Самарина князю Гагарину:

«Вскоре после вашего отъезда я видел, как через Москву проследовала вся группа шестнадцати, направляющаяся на юг. Я часто видел Лермонтова за всё время его пребывания в Москве. Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма. Мне жаль, что я его не видел более долгое время. Я думаю, что между ним и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое».

Довольно часто Лермонтов бывал у Мартыновых, и девицам Мартыновым это нравилось. Отца у них уже не было, умер; брат Николай служил на Кавказе. Он после первой командировки был награжден орденом святой Анны 3-й степени с бантом, вернулся в Петербург, встречался с Лермонтовым, но никогда об этом не упоминал и вообще умалчивал, что два года находился в своем полку. В 1839 году по какому-то причинам был переведен на Кавказ — ротмистром в Гребенский казачий полк. Мать за него очень боялась, писала: «Где ты, мой дорогой Николай? Я страшно волнуюсь за тебя, здесь только и говорят о неудачах на Кавказе. Я стала более чем когда-либо суеверна: каждый вечер гадаю на трефового короля и прихожу в отчаяние, когда он окружен пиками». Рассказала о Лермонтове: «Он у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сестрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава Богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны».

История с пропажей писем была, очевидно, забыта или разъяснилась все той же простой причиной: отец, перед тем как вручить пакет, мог сказать: «Не возьметесь ли, Мишель, передать Николаю 300 рублей и письма?»

Вместе с Лермонтовым бывали у Мартыновых Александр Тургенев и Лев Гагарин — шутили, пили чай, гуляли с девицами. Но это случалось днем, а вечерами Михаил Юрьевич ездил к цыганам. Любил цыганские песни.

Приехала Мария Щербатова. Прощание ее с Лермонтовым происходило на глазах у Тургенева, и, как он рассказывал, она и плакала, и смеялась, и без конца повторяла: «Люблю! Люблю!»

В последних числах мая Лермонтов выехал на Кавказ. Ехал по Большому московскому тракту, который пересекал с севера на юг обширные земли донского казачества. Тракт про-

ходил через станицу Казанскую на Верхнем Дону, станицу Каменскую на Северском Донце и город Новочеркасск, в котором с недавнего времени служил генерал Хомутов.

Михаил Юрьевич не мог не навестить бывшего своего командира, который теперь был начальником штаба войска Донского. Он прогостил у него трое суток. Хомутов рассказал, что первого мая начался Чеченский поход, войска двинулись в Аух и Салатавию, затем через Кумыкское плоскогорье на правый берег Сунжи и, наконец, перенесли военные действия в Малую Чечню, где встречи с неприятелем сделались чаще, и битвы упорнее и кровопролитнее. Перекрестил на дорогу своего питомца.

В Ставрополь Лермонтов прибыл 10 июня. Святослава Раевского там уже не было, он перешел к хану Букеевской орды и кочевал с ним в Астраханских степях; для этнографа и ученого это было очень полезно.

Михаил Юрьевич доложил о себе командующему войска-ми генерал-адъютанту Граббе, который уже получил приказ императора не отпускать опального поэта с передовой и за-действовать его во всех военных операциях! Граббе приписал его к чеченскому полку генерала Галафеева — в самое пекло, где совсем недавно русские войска потерпели ряд неудач: горцами были взяты три русские крепости, остальные крепости горцы держали в осаде.

В свой полк Михаил Юрьевич прибыл в разгар подготов-ки к походу. Познакомился с братом Пушкина, Львом Сер-геевичем, бесстрашным в боях офицером, и в то же время спо-собным на детские выходки. Декабрист Лорер с юмором вспо-минал, как «в один прекрасный вечер, возвратясь от друзей часов в 11, я лег в постель и стал читать по обыкновению. Вдруг слышу стук колес подъехавшей телеги и голос, назы-вающий мою фамилию. Я узнал, что это был Лев Пушкин, и не успел я вскочить с постели, как он лежал уже на мне и целовал меня.

— Куда тебя бог несет? — спросил я.

— За Кубань, в экспедицию.

Я чрезвычайно рад был видеть милого Льва Сергеевича. Всегда, а особенно в скучной станице, это невыразимое сча-стие и находка. В такие минуты забываешь всю горечь жиз-ни. После первых расспросов и рассказов, сидевши у меня на кровати, Пушкин громко приказал позвать своего камер-динера; и в самом деле вошел человек в бархатном чекмене, обшитом галунами, опоясанный черкесским ножом, с сереб-ряными пуговицами и кинжалом, богато оправленным в се-ребро. Зная прежнюю диогеновскую жизнь Пушкина, я не-

вольно улыбнулся, но он преспокойно отдавал свои приказания: «Здесь поставь мне железную кровать, вынь батистовое белье и шелковое одеяло да подай мою красную шкатулку».

— Скажи, пожалуйста, откуда взял ты эту роскошную барскую обстановку, Лев? Верно, выиграл у кого-либо из гвардейских офицеров?

— Совсем нет. Ко мне в Ставрополь приехал дальний родственник, флигель-адъютант N, его отправили курьером в Тифлис, и он оставил мне своего человека и вещи на сохранение, а так как меня самого отправили в экспедицию совершенно неожиданно, то я и взял все это с собой.

— Помилуй, любезный, да ведь это все — чужое, — возразил я.

— А что ж за беда? — отвечал, смеючись, Пушкин.

Когда мы улеглись, и я увидел Льва Сергеевича в батистовой рубаше, покрытого шелковым одеялом, на двух сафьяновых красных подушках, я не мог удержаться от гомерического смеха, и мы оба хохотали, как дети».

Еще с одним человеком в отряде, хотя и не сразу, сблизился Михаил Юрьевич — это с Руфином Дороховым, командиром летучей сотни. С тем самым отчаянным Дороховым, которого Лев Толстой в романе «Война и мир» вывел Долоховым.

«Лермонтов принадлежал к людям, которые не только не нравятся с первого взгляда, но даже поселяют против себя довольно сильное предубеждение. Было много причин, по которым и мне он не понравился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг, не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всеми, что терлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичную выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу — впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба будто на смех послала ему общую армейскую наружность. На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и смотрит на меня насмешливо. То, что он был трезвее меня, — совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил, сколько следует, только, как впоследствии оказалось, на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому он был порядочным ребенком. Мало-помалу мое неприятное впечатление стало изглаживаться. Я узнал события его прежней жизни, узнал, что он по старым связям имеет много знако-

мых и даже родных на Кавказе, а так как эти люди знали его еще дитятей, то и естественно, что они оказывались старше его по служебному положению» (Р.И. Дорохов).

С 6 июля по 2 августа Лермонтов принимал участие в целом ряде стычек и сражений. Насколько было опасно, рассказал декабрист Николай Лорер: «Владимир Николаевич Лихарев был замечательнейший человек своего времени, он знал четыре языка и говорил и писал на них одинаково свободно, так что мог занять место первого секретаря при любом посольстве. Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только делиться, но, что труднее, отдавать свое последнее. Был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле, и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навывлет, и он упал навзничь».

Самое значительное сражение произошло 11 июля на реке Валерик. Плоскогорная Чечня, присоединившись весной к горным чеченцам, непрерывно воюющим против русских, обратила все взоры на имама Шамиля как на освободителя. В июне подняли восстание надтеречные чеченцы: в нескольких аулах разгромили мирных князей, забрали всё имущество и ушли в глубь Чечни. Генерал-лейтенант Галафеев поставил целью остановить их движение, помешать соединению с Шамилем, который собрал уже огромное ополчение.

Четырехтысячный отряд Галафеева вышел из крепости Грозной 6 июля и с боем прошел до селения Гехи. Тем временем чеченцы собрали крупные силы под командованием наиба Мухаммеда. Утром 11 июля отряд Галафеева двинулся к Гехинскому лесу. Чеченцы, скрывавшиеся в лесной чаще, не выдавали себя, заманивая противника в глубь лесных дебрей. Лишь дым костров (маяков), с помощью которых горцы сообщались друг с другом, передавая сигналы о движении вражеских войск, говорил о присутствии в лесу чеченских разведчиков. Войдя в лес, русский отряд двинулся вперед по узкой арбяной дороге, подошел к чеченским завалам, перекрывавшим ее, и чеченцы открыли яростный огонь! Пули летели со всех сторон, чеченцы забирались на деревья и, привязывая себя к стволам, стреляли сверху. Командиры бросали свои роты в штыковые атаки на штурм завалов, теряя людей, но чеченцы исчезали как привидения.

Наконец, отеснив их и разобрав завалы, отряд двинулся к лесной поляне. По опушке протекала речка Валерик (Валарг-хи), пересекавшая дорогу. Берега ее были отвесны: по

левому тянулся лес, правый, обращенный к русским, был открыт лишь в некоторых местах. Выехав на поляну, русская артиллерия открыла картечный огонь в сторону леса. В ответ не было ни звука. Был отдан приказ сделать привал. Артиллеристы уже снимали орудия с конных передков, как в этот момент чеченцы открыли убийственный огонь. Стреляли из-за завалов, с вершин деревьев, из-за кустов, били на выбор. Скоро заряды кончились, и тогда они кинулись вперед, выхватив шашки и кинжалы. Начался упорный рукопашный бой прямо в воде! Кровь опьяняла чеченцев, они теряли рассудок; глаза загорались свирепым огнем, движения становились ловчее, быстрее, из горла летели звериные рыки.

«Выйдя из леса со своими орудиями, я увидел огромный завал, обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле меня не было никакого прикрытия. Оглядевшись, увидел, однако, Лермонтова, который, заметив мое опасное положение, подоспел со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами. После двухчасовой страшной резни грудь с грудью неприятель бежал. Я преследовал его со своими орудиями — и, увлекшись стрельбой, поздно заметил засаду, устроенную в высокой кукурузе. Один миг раздумья — и из наших лихих артиллеристов ни один не ушел бы живым. Быстро приказал я зарядить все четыре орудия картечью и встретил нападающих таким огнем, что они рассеялись, оставив кукурузное поле буквально заваленное своими трупами» (К.Х. Мамацев).

С тех пор имя Константина Христофоровича Мамацева приобрело в отряде большое уважение. Лермонтов тоже показал на реке Валерик образцовую доблесть. В официальных военных сводках о нем говорилось: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшей для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы».

За доблесть, проявленную в сражении на речке Валерик, Михаил Юрьевич был представлен к ордену Святого Владимира с бантом.

«Вообще говоря, начальство нашего края хорошо ведет себя с молодежью, попадающей на Кавказ за какую-нибудь ис-

торию, и даже снисходительно обращается с виновными более важными. Лермонтова берегли по возможности и давали ему все случаи отличиться; ему стоило попроситься куда угодно, и его желание исполнялось, — но ни несправедливости, ни обиды другим через это не делалось. В одной из экспедиций, куда пошли мы с ним вместе, случай сблизил нас окончательно: обоих нас татары чуть не изрубили, и только неожиданная выручка спасла нас. В походе Лермонтов был совсем другим человеком против того, чем казался в крепости» (Р.И. Дорохов).

Кровопролитный бой на реке Валерик Михаил Юрьевич описал в стихотворении «Валерик». В нем нет ни единого слова в осуждение «врага» или чванливого превосходства над ним, как нет и порицания русских. Народы Кавказа пережили трехвековое владычество Османской империи, приняли мусульманство, и теперь имамы Кавказа, имея хозяев в Турции, получая оттуда оружие, пугали людей русским крепостным правом. «Уйти под защиту халифа» принималось ими как единственный выход.

В крепость Грозную отряд возвращался с перестрелками, а через несколько дней началась экспедиция в Северный Дагестан. По пути, в палатке у Миатлинской переправы, барон Пален нарисовал карандашом профильный портрет Лермонтова. У поэта усталый вид, он, очевидно, давно не брился, и вообще ему было не до себя: фуражка помята, сюртук без эполет, ворот расстегнут... Существует мнение, что на этом портрете Лермонтов единственно схож с оригиналом.

В Дагестане отряд пробыл две недели; крупных боевых действий не происходило, и люди смогли отдохнуть. «Хорошо помню Лермонтова, — вспоминал Константин Христофорович Мамацев, — и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенную через плечо черкесскою шашкой. Натуру его постичь было трудно. В кругу гвардейских офицеров он был всегда весел, любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были направлены. Когда он оставался с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение. Но стоило появиться хоть одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости. Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни карикатуры, и если чем интересовался — так это шахматною игрою, которой предавался с увлечением. Он

искал, однако, сильных игроков, и часто устраивались состязания между ним и молодым артиллерийским поручиком Москалевым. Последний был действительно отличный игрок, но ему только в редких случаях удавалось выиграть партию у Лермонтова. Он [Лермонтов] был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается. В бою она искала самых опасных мест».

Тяжелораненый Руфин Дорохов был отправлен в Пятигорск, передав командование своей летучей сотней Лермонтову. «К делу, я теперь в Пятигорске, — писал он приятелю, — лечусь от ран под крылышком у жены — лечусь и жду погоды! Когда-то проветрит? В последнюю экспедицию я командовал летучею сотнею казаков, и по силе моих ран сдал моих удалых налетов Лермонтову. Славный малый — честная, прямая душа. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Командовать летучею командою легко, но не малина. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр — не сносить ему головы».

Бесстрашие Лермонтова, его тактическая разумность, отсутствие неоправданной жестокости по отношению к чеченцам снискали ему уважение воинского руководства и даже самих чеченцев. Девять раз его отряд ходил за линию фронта, Лермонтов дважды был ранен, но никогда его летучая сотня не действовала исподтишка — сражались честно. Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами наперегонки, увертываться от них, избегать тех, кто пытался идти ему наперерез. Его натура, сильная и подвижная не выносила обыденности.

«Он любил бешеную скачку и предавался ей на воле с какою-то необузданностью. Ничто ему не доставляло большего удовольствия, как головоломная джигитовка по необозримой степи, где он, забывая весь мир, носился как ветер, перескакивая с ловкостью горца через встречавшиеся на пути рвы, канавы и плетни» (П.К. Мартьянов).

Но вот как вспоминал о Лермонтове барон Россильон:

«Лермонтов был неприятный, насмешливый человек и хотел казаться чем-то особенным. Он хвастал своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею. Он мне был противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого сюртука. Гарцевал на белом, как снег, коне, на котором молодецки заломив холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Собрал какую-

то шайку грязных головорезов. Совершенно входя в их образ жизни, спал на голой земле и ел с ними из одного котла».

Своей походной одеждой и шашкой через плечо Лермонтов был ненавиден не только Россильону. Был случай, когда прибыл в отряд какой-то важный чин из Петербурга, и Лермонтов предстал перед ним потный, расхристанный после стычки с чеченцами, и сабля через плечо. Это вместо безукоризненного офицерского вида!

До глубокой осени оставались войска в Чечне, сражаясь почти ежедневно. По состоянию здоровья Лермонтов на короткое время отправлен был в Пятигорск, откуда написал Алексею Лопухину:

«Мой милый Алеша. С тех пор как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч, и всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте... Вообрази себе, что в овраге... час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности — только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд, в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галофеева, на левый фланг».

Самый жаркий и продолжительный бой, в котором участвовал Лермонтов, случился 27 октября:

«В Автуринских лесах войскам пришлось проходить по узкой лесной тропе под адским перекрестным огнем неприятеля; пули летели со всех сторон, потери русских росли с каждым шагом, и порядок невольно расстраивался. Последний арьергардный батальон, при котором находились орудия Мамацева, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг Мамацев увидел возле себя Лермонтова, который точно из земли вырос со своею командой. И как он был хорош в красной шелковой рубашке с косым расстегнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала. И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент, чтобы кинуться на горцев, если б они добрались до орудий. Но этого не случилось. Мамацев подпустил неприятеля почти в упор и ударил картечью. Чеченцы отхлынули, но тотчас собрались вновь, и начался бой, не поддающийся никакому описанию. Чеченцы через груди тел ломились на пуш-

ки; пушки, не умолкая, гремели картечью и валили тела на тела. Артиллеристы превзошли в этот день всё, что можно было от них требовать; они уже не банили орудий — для этого у них не доставало времени, а только посылали снаряд за снарядом. Наконец эту страшную канонаду услышали в отряде, и высланная помощь дала возможность орудиям выйти из леса. По выходе из него попала небольшая площадка, на которой Мамацев поставил четыре орудия, обстреливая дорогу, чтобы облегчить отступление арьергарду. Вся тяжесть боя легла на артиллерию. К счастью, скоро показалась другая колонна, спешившая на помощь с левого берега Сунжи. Раньше всех явился к орудиям Мамацева Лермонтов со своей командой, но помощь его оказалась излишней: чеченцы прекратили преследование. Пользуясь плоскостью местоположения, Лермонтов бросился с горстью людей на превосходящего числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственною рукою хищников. Затем с командою первый перешел шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению, и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от пушки. При переправе через Аргун он действовал отлично... и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же ускакала в ближайший лес, оставив в руках наших два тела» (В.А. Потто).

30 октября, опять при речке Валерик, Михаил Юрьевич явил новый пример хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партии неприятеля, из которой только малая часть спаслась благодаря быстроте лошадей, а остальные были уничтожены.

24 декабря командующий кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии Голицын подал рапорт командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанту Граббе представить к награждению Михаила Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость». Свой рапорт Голицын сопроводил запиской генерала Галафеева: «...Я поручил начальству Лермонтова команду из охотников состоящую. Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы».

Наградной список, отправленный в Петербург, был рассмотрен императором в конце февраля следующего года; Николай Павлович вычеркнул из него Лермонтова, объявив: «Поручик Лермонтов при своем полку не находился, но был употреблен в

экспедиции с особо порученною ему казачьею командою; поручик Лермонтов непременно должен состоять налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку!»

XXVIII

Елизавета Алексеевна после отъезда Михаила Юрьевича на Кавказ немедленно сдала большую петербургскую квартиру, за которую приходилось платить две тысячи в год, и поехала в Тарханы. О том, что уедет, она говорила внуку. Но то, что вернулась в Петербург, сняв домик на Шпалерной улице, он узнал только в Ставрополе от Павла Ивановича Петрова.

Арсеньева хлопотала о внуке изо всех сил: писала его полковому начальству, просила родных и знакомых замолвить за него словечко перед государем. Жаловалась, что не доживет до возвращения Мишеньки.

В декабре Михаилу Юрьевичу разрешили двухмесячный отпуск для свидания с ней.

Лермонтов до последнего ничего не знал, письма не доходили. Денег, кроме офицерского жалования, не было, и он чувствовал себя стесненно. Не знал и того, что в журнале «Отечественные записки» постоянно печатались его произведения, а по ходатайству Андрея Краевского Цензурный комитет разрешил к изданию первый томик его стихов. 25 октября сборник вышел в свет в количестве тысячи экземпляров.

Перед Новым годом он получил разрешение на поездку до Ставрополя, где должен был взять отпускное свидетельство. Был извещен, что военный министр сделал запрос в Штаб командующего войсками о его поведении. В Ставрополе зашел в канцелярию, узнать, что же ответили? Старшим адъютантом оказался университетский товарищ Костенецкий, он сказал Лермонтову, что ответ подготовлен, но еще не отправлен. Велел писарю отыскать бумаги. Оказалось, что писарь собственноручно подготовил характеристику: «Поручик Лермонтов служит исправно, ведет жизнь трезвую и добропорядочную и ни в каких злокачественных поступках не замечен». Михаил Юрьевич расхохотался и велел, ничего не меняя, так и отправить министру.

Остановился Лермонтов у Павла Ивановича Петрова, и, как всегда, начались радостные встречи с друзьями, среди которых было немало декабристов, отбывавших кавказскую ссылку рядовыми солдатами. Помянули Александра Одоевского, умершего в августе 1839 года от малярийной лихорадки, похороненного в форте Лазаревском.

В те дни в Ставрополе было много офицеров, отличившихся в Чеченском походе и поощрённых отпусками. Приехал Монго-Столыпин. Летом он участвовал в экспедиции Галафеева и вместе с Лермонтовым сражался на речке Валерик. Участвовал и в осенних боях, за что был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом.

Среди офицеров был молоденький Александр Есаков, который оставил свои воспоминания:

«Я еще совсем молодым человеком был в осенней экспедиции в Чечне и провел потом зиму в Ставрополе. Редкий день мы не встречались в обществе. Чаще всего сходились у барона Вревского, тогда капитана генерального штаба. Как с младшим в этой избранной среде, еще безусым, Лермонтов школьничал со мной до пределов возможного; а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймёт мой пыл».

Более официальная обстановка соблюдалась на обедах у командующего войсками генерала Граббе. Павел Христофорович Граббе высоко ценил Лермонтова как человека талантливого, дельного и храброго офицера. Но, как вспоминал Николай Дельви́г, обедали чопорно, молча; Лев Пушкин и Лермонтов называли молчальников картинной галереей. 14 января, получив отпускной билет на два месяца, Михаил Юрьевич выехал в Петербург через Новочеркасск, Воронеж и Москву.

В Воронеже он задержался у вышедшего в отставку поручика лейб-гвардии Гусарского полка Александра Потапова. В мае он уже побывал у него. Тогда, проездом на Кавказ, к Потапову пригласил его однополчанин Александр Реми, вместе с Лермонтовым ехавший в Ставрополь. По дороге узнали, что у Потапова гостит его дядя — генерал Алексей Николаевич Потапов, известный в армейских кругах как «свирепый генерал». Лермонтов наотрез отказался встречаться с ним, зная свою несдержанность; однако Реми его уговорил. Потапов отвел им отдельный флигель, но когда за обедом Лермонтов встретился со «свирепым генералом», на нем лица не было, аппетит пропал. К удивлению, генерал был любезен, а к концу обеда любезность его с Лермонтовым дошла до дружески-товарищеского обращения. Лермонтов развернулся! После обеда Реми и Потапов пошли зачем-то во флигель, и, возвращаясь, увидели, что Лермонтов сидит на шее согнувшегося генерала! Оказалось, «зверь» и поэт играли в чехарду. После чего Реми в присутствии Лермонтова рассказал о его опасениях, рассказал, как Лермонтов собирался даже остаться и ждать его на почтовой станции. Генерал

рассмеялся, заметив молодым людям: «На службе никого не шажу — всех поем, а в частной жизни я человек как человек».

В этот раз у Потапова Михаил Юрьевич написал музыку к своей «Казачьей колыбельной». К сожалению, ноты не сохранились. Отсюда, уже без остановок, доехал до Москвы, и первое, что узнал, это то, что в «Герое нашего времени» он вывел Наталью Мартынову княжной Мэри! Он восемь месяцев не получал писем, не представлял, что происходит в обеих столицах, а между тем, происходило много интересно-го и в том числе свадьба одной из сестер Мартынова с князем Гагариным.

Лев Гагарин переехал в Москву из Петербурга в начале 1840 года после шумного скандала, в котором сыграл низкую роль. При одобрительном смехе приятелей он угрожал графине Воронцовой-Дашковой швырнуть в партер театра любовные письма к нему и публично ее ославить, если она не вернет ему своей благосклонности. Князь Лобанов-Ростовский вызвал его на дуэль, но при покровительстве Третьего отделения и родного дяди, известного николаевского фаворита князя Меншикова, Лев Гагарин от дуэли увильнул. Всё это смаковалось в петербургских великосветских гостиных, скандал разрастался по мере того, как развивалась история с вызовом Лобанова и уклонением Гагарина. Графиня Воронцова-Дашкова не смела несколько недель показываться из дому.

Переехав в Москву, Гагарин и здесь продолжал ее компрометировать, зная, как любит Москва всякие сплетни и толки, особенно если касаются Петербурга. Встретив на улице простолюдинку, похожую на Воронцову-Дашкову, Гагарин заказал ей самую модную шляпку, одежду для прогулки и отправился, взяв ее под руку, на Тверской бульвар. Быстро разнёсся слух, что Воронцова-Дашкова в Москве и продолжает любовную связь с Гагариным! Дошло до Петербурга — со всевозможными прибавлениями и комментариями. Когда маскарад разъяснился, московское высшее общество приняло Гагарина с распростертыми объятьями: шутка его передавалась из уст в уста, из гостиной в гостиную.

Вот этого-то молодого человека и принимала в своем доме госпожа Мартынова в мае минувшего года. Но в то время как она писала сыну на Кавказ, что опасается злого языка Лермонтова, предвидя, что он не пощадит ее дочерей, она оказалась менее шепетильной в отношении Гагарина. Крупное состояние князя, высокий титул и дядюшка, фаворит императора, парализовали ее материнскую предусмотрительность.

Через два месяца после отъезда Лермонтова на Кавказ состоялась помолвка Льва Андреевича Гагарина и Юлии Со-

ломоновны Мартыновой. Александр Тургенев писал Вяземскому по поводу ожидаемой свадьбы: «Все ваши в Петербурге и Москве женятся. Здесь говорят о браке Льва Гагарина, который стал москвичом, с одной из Мартыновых, которая прелестна; они составят прекрасную парочку, на несколько недель по крайней мере».

У Мартыновой было три дочери: младшей, Марии, 12 лет, Юлии — 19, Наталье — 21 год.

Наталья оставалась в старых девах, и чтобы как-то оправдать свое положение, пустила слух, что в нее был влюблен Лермонтов и потому вывел ее княжной Мэри в «Герое нашего времени!» Наталья гордилась этим и находила в Мэри сходство с собой. В доказательство показывала подругам красную шаль, говоря, что Лермонтов эту шаль очень любил. Не было ничего легче и заманчивее, как опозитизировать свое положение, сопоставив себя с княжной Мери, тем самым связав свое имя с именем Лермонтова, которое после выхода в свет «Героя нашего времени» приобрело прочную известность во всех московских гостиных.

Кто-то еще нашел сходство с собой в «Герое нашего времени», кто-то успел приписать образ Грушницкого Николаю Мартынову, — и все говорили одно: Печорин — это сам Лермонтов. Уже в Петербурге, готовя второе издание романа, Михаилу Юрьевичу пришлось объяснять в предисловии: «Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

В Москве Михаил Юрьевич задержался на две недели, но у Мартыновых не был, иначе глупые слухи о «княжне Мэри» еще бы усилились. А мог бы прийти, рассказать, что в чеченском походе был с Николаем Мартыновым.

О походе в Малую Чечню и о битве на реке Валерик Мартынов написал стихи, но его взгляд на войну был иным, чем у Лермонтова. Михаил Юрьевич воспринимал происходящее на Кавказе как трагедию, ему было больно видеть казака, сраженного пулей черкеса, и больно смотреть на черкеса, сраженного саблей казака.

*...И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?*

Мартынову эти сомнения были неведомы. В верноподданническом восторге он рисовал иную картину:

*Горит аул невдалеке...
Там наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.*

*На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем все у них...*

В Ставрополе Михаил Юрьевич узнал от сослуживцев Мартынова, что Николай пережил большие неприятности в полку, нарочно или нечаянно попав в историю с мошенничеством в карточной игре. Мартынов подал в отставку, желая, по всей вероятности, прекратить разговоры вокруг себя, но дело приняло серьезный оборот и дошло до государя. (2 июля 1841 года Николай I лично отказал Мартынову в награде — орден св. Владимира 4-й степени с бантом, к которой он был представлен за участие в осенней чеченской экспедиции.)

Кавказские товарищи отзывались о Мартынове с неприязнью: «Всё мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина».

Находясь в Москве, Михаил Юрьевич не изменил своим привычкам: посещал балы, театры, цыган, встречался с друзьями. В Петербург прибыл в разгар масленицы, и на другой же день отправился на бал к графине Воронцовой-Дашковой — самый блестящий бал после придворных. Его армейский мундир выделялся среди гвардейских мундиров, великий князь Михаил Павлович косо смотрел на Лермонтова, но Михаил Юрьевич танцевал то с одной, то с другой дамой и, казалось, не замечал его взглядов. Наконец Воронцовой-Дашковой шепнули, что великий князь недоволен. Она уве-

ла Лермонтова во внутренние покои, откуда он смог выйти из дома. Едва удалось ей выгородить его перед князем, взяв всю вину на себя. Но князь всё равно был сердит: не явившись еще «по начальству», опальный поэт примчался на бал, где присутствуют члены царской фамилии!

Этот промах Лермонтова повлек за собой распоряжение о скорейшем его возвращении в полк.

Больше чем когда-либо хотел он теперь выйти в отставку, отдаться литературной деятельности. Мечтал основать новый журнал и говорил об этом с Краевским, не одобряя направления «Отечественных записок»:

— Мы должны жить своей, самостоятельной, жизнью, внести свое, самобытное в общечеловеческое. Зачем нам тянуться за Европой и за французским? Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-нибудь оригинальное, не так, как Жуковский, который всё кормит переводами, да еще не говорит, откуда берет их.

Любовь, которую Лермонтов встречал в кругу друзей, отнюдь не питали к нему официальные сферы. Годом раньше по заказу великой княгини Владимир Соллогуб написал роман «Большой свет», выказав Лермонтова ничтожным человеком, рвущимся правдами и неправдами в круг петербургской знати. В пасквиле Соллогуба не хватало только известной сплетни о Лермонтове: «отец его был пьяница, спившийся с кругу, а история матери — это целый роман!»

Усилиями Елизаветы Алексеевны удалось смягчить гнев великого князя: поэт получил разрешение остаться в Петербурге еще на некоторое время. В «Отечественных записках» вышло его стихотворение «Родина». Белинский пришел в восторг: «Аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских!»

В этом номере «Отечественных записок» Краевский извещал читателей: «Герой нашего времени», соч. М.Ю. Лермонтова, принятый с таким энтузиазмом публикою, теперь уже не существует в книжных лавках: первое издание его всё раскуплено; готовится второе издание, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана. Кстати, о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в «Отечественных записках». Тревоги военной жизни не позволили ему спокойно и вполне предаваться искусству, которое назвало его одним из главнейших жрецов своих; но замыслено им много и всё замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки».

Михаилу Юрьевичу снова продлили отпуск, он уже начал питать надежду на увольнение, так как бабушка не противилась больше, но внезапно Клейнмихель приказал ему покинуть столицу в 48 часов! Дело это вышло по настоянию графа Бенкендорфа, который не желал иметь в столице «беспокойного» молодого человека, становившегося любимцем публики. «Мир боится новой жизни этих людей, особенного склада их ума и чувства; характеры эти уклоняются от обычного пути: что страшно другим, им не страшно; они иначе любят и иначе ненавидят» (П.А. Висковатов).

Перед отъездом Михаил Юрьевич зашел к двоюродному брату Александра Одоевского — Владимиру Одоевскому. Подарил ему свою картину. Одоевский написал на ее обороте: «Картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору...»

Владимир Федорович, в свою очередь, подарил ему свою записную книжку: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам и всю исписанную. Князь В. Одоевский, 1841, Апреля 13-е, СПбург».

«Мы с ним сделали подробный пересмотр всем бумагам, выбрали несколько как напечатанных уже, так и еще не изданных и составили связку. «Когда, Бог даст, вернусь, — говорил он, — может, еще что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберемся и посмотрим, что надо будет поместить в томик и что выбросить». Бумаги эти я оставил у себя, остальные же, как ненужный хлам, мы бросили в ящик. Если бы знал, где упадешь, говорит пословица, соломки бы подостлал; так и в этом случае: никогда не прощу себе, что весь этот хлам не отправил тогда же на кухню под плиту» (Аким Шан-Гирей).

Пушкин тоже говорил: «Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет как упрек на совести моей... По крайней мере, не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. Стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати или которое простительно мне было написать на девятнадцатом году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом». Он сетовал, что неизвестно откуда берут его юношеские стихотворения, публикуют их, публикуют чужие проказы под его именем, и нет управы на этих господ.

В квартире Карамзиных еще раз собрались друзья, как за год перед тем, проститься с Михаилом Юрьевичем. По сви-

детельству многих, Лермонтов был чрезвычайно грустен и говорил о близкой смерти. Недели за две до отъезда он с товарищем посетил ворожею Александру Филипповну, которая предсказала Пушкину смерть от «белого человека». Михаил Юрьевич выслушал то, что гадалка сказала его товарищу, затем спросил о себе: «Буду ли выпущен в отставку и останусь ли в Петербурге?» В ответ услышал, что в Петербурге ему вообще больше не бывать, и что ожидает его отставка «после коей уж ни о чем просить не станешь». Лермонтов засмеялся, тем более, что вечером того же дня получил отсрочку отпуска: «Уж если дают отсрочку за отсрочкой, то и совсем выпустят». Но когда получил приказ, был поражен предсказанием гадалки!

Его печальное настроение стало еще заметней, когда после прощального ужина он уронил кольцо, взятое у Софьи Николаевны Карамзиной, и, несмотря на поиски всех собравшихся, кольцо найти не удалось.

Михаил Юрьевич тронулся в путь, успев буквально в последний момент отправить записку Андрею Краевскому: «Сделай одолжение, отдай подателю сего письма для меня два билета на «Отечественные записки». Это для бабушки моей. Будь здоров и счастлив. Твой Лермонтов».

Провожал его только Аким Шан-Гирей.

С мальпоста Михаил Юрьевич последний раз с ним расцеловался и передал поклон бабушке. Наружно был весел, шутил. «У меня не было никакого предчувствия, но очень было тяжело на душе. Пока закладывали лошадей, Мишель давал мне различные поручения, но я ничего не слышал. «Извини, Мишель, я ничего не понял». — «Какой ты ещё дитя, — отвечал он. — Прощай, поцелуй ручки у бабушки». Это были в жизни его последние слова ко мне».

XXIX

«17 апреля 1841 г. в 7 часов пополудни, — как значилось в московских ведомостях прибытия и убытия, — прибыл из Петербурга при почтовой карете отставной полковник Мосолов, отставной поручик Панышин и Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов».

Чуть раньше прибыл капитан Нижегородского полка Алексей Столыпин-Монго, которому предписывалось сопровождать Лермонтова в отряд.

Тем часом Елизавета Алексеевна умоляла Софью Карамзину: «Вы милостивы к Мишеньке... попросите Василия Андреевича [Жуковского] напомнить государыне, что вче-

рашный день прощены: Исаков, Лихачев, граф Апраксин и Челищев; уверена, что и Василий Андреевич извинит меня, что я его беспокою, но сердце мое растерзано...»

В Москве Михаил Юрьевич встретился с Василием Красовым, который, по словам Чернышевского, был «едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху Кольцова и Лермонтова». Стихи его читались с увлечением, цитировались в статьях, ставились эпиграфами к повестям, перепечатывались в хрестоматиях. Сын протоиерея, семинарист, поступивший затем в Московский университет, Красов притягивал к себе образованностью и теплым сердцем.

«Я не видал Лермонтова десять лет — и как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергичное, простое, львиное лицо. Он был грустен, и когда уходил из собрания в своем армейском мундире и с кавказским кивером, у меня сжалось сердце — так мне жаль его было».

Последний, с кем прощался в Москве Михаил Юрьевич, был Юрий Самарин: «Я никогда не забуду нашего последнего свидания, за полчаса до его отъезда. Прощаясь со мной, он оставил мне стихи, его последнее творение... Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны. Я был последний, который пожал ему руку в Москве».

Лермонтов нагнал Монго возле Тулы, их путь был на левый фланг Кавказской линии. Рассудительный Монго сдерживал безоглядные порывы Лермонтова, и Михаил Юрьевич ворчал: «Ты — вторая бабушка!» В Туле встретились с Александром Меринским, товарищем по юнкерской школе, отобедали у него, Лермонтов был весел, и после обеда поехал в Кропотово — попрощаться с тетками.

Монго дождался его, двинулись в Мценск, завернули к однополчанину Михаилу Глебову, который, узнав, что они едут на Кавказ, выхлопотал для них негласное разрешение погостить у него несколько дней. На реке Валерик Михаил Глебов был ранен в ключицу, долго лечился, и теперь собирался на воды.

Добравшись до Ставрополя, Лермонтов сразу написал бабушке: «Я, слава богу, здоров и спокоен, лишь бы вы были так спокойны, как я: одного только и желаю; пожалуйста, оставайтесь в Петербурге: и для вас и для меня будет лучше во всех отношениях. Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне все-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку».

Второе письмо было Софье Карамзиной:

«Я только что приехал в Ставрополь, дорогая m-lle Sophie, и в тот же день уезжаю в экспедицию с Столыпным-Монго. Пожелайте мне счастья и легкого ранения, это всё, что только можно мне пожелать».

Перед отъездом Лермонтов неожиданно встретил корнета Петра Магденко. Затем, уже вместе с Монго, встретились с ним на одной из почтовых станций, когда ожидали тройку лошадей. В результате все вместе отправились в Пятигорск.

Вот как пишет об этом Магденко:

«Приехав на станцию, я вошел в комнату для проезжающих и увидел Лермонтова в офицерской шинели с отогнутым воротником; — после я заметил, что он и на сюртуке своем имел обыкновение отгнать воротник. И другого офицера чрезвычайно представительной наружности, высокого роста, хорошо сложенного, с низкоостриженной прекрасною головой и выразительным лицом. Это был — тогда, кажется, уже капитан гвардейской артиллерии — Столыпин. Через несколько минут вошел только что прискакавший фельдъегерь с кожаной сумой на груди. Едва переступил он за порог, как Лермонтов с кликом: «А, фельдъегерь, фельдъегерь!» — подскочил к нему и начал снимать с него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпин стал говорить, что они едут в действующий отряд и что, может быть, к ним есть письма из Петербурга. Фельдъегерь утверждал, что он послан «в армию к начальникам»; но Лермонтов сунул ему что-то в руку, выхватил суму и выложил хранившееся в ней на стол. Она, впрочем, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались только запечатанные казенные пакеты; писем не было.

Солнце уже закатилось, когда я приехал в крепость Георгиевскую. Смотритель сказал мне, что ночью ехать дальше не совсем безопасно. Я решил остаться ночевать и в ожидании самовара пошел прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, как в комнату вошли Лермонтов и Столыпин. Они поздоровались со мною, как со старым знакомым, и приняли приглашение выпить чаю. Вошедший смотритель на приказание Лермонтова запрягать лошадей отвечал предостережением в опасности ночного пути. Лермонтов ответил, что он старый кавказец, бывал в экспедициях и его не запугаешь. Решение продолжать путь не изменилось и от смотрительского рассказа, что позавчера в семи верстах от крепости зарезан был черкесами проезжий унтер-офицер.

Я с своей стороны тоже стал уговаривать подождать завтрашнего дня, утверждая, что лучше приберечь храбрость на время какой-либо экспедиции, чем рисковать жизнью в борьбе с ночными разбойниками. К тому же разразился страш-

ный дождь, и он-то, кажется, сильнее доводов наших подействовал на Лермонтова, который решился-таки заночевать.

Принесли, что у кого было съестного, явилось на стол кахетинское вино, и мы разговорились. Я утверждал, что не понимаю их влечения к трудностям боевой жизни и противопоставлял ей удовольствия, которые ожидаю от кратковременного пребывания в Пятигорске, в хорошей квартире, с удобствами жизни и разными затеями, которые им в отряде, конечно, доступны не будут...

На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпным сидели уже за самоваром, обратясь к последнему, сказал: «Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины (он назвал еще несколько имен); поедем в Пятигорск». Столыпин отвечал, что это невозможно. «Почему? — быстро спросил Лермонтов, — там комендант старый Ильяшенков, и являться к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск». С этими словами Лермонтов вышел из комнаты. На дворе лил проливной дождь. Надо заметить, что Пятигорск стоял от Георгиевского на расстоянии сорока верст, по-тогдашнему — один перегон. Из Георгиевска мне приходилось ехать в одну сторону, им — в другую.

Столыпин сидел, задумавшись. «Ну что, — спросил я его, — решается, капитан?» — «Помилуйте, как нам ехать в Пятигорск, ведь мне поручено везти его в отряд. Вон, — говорил он, указывая на стол, — наша подорожная, а там инструкция — посмотрите». Я поглядел на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцию посовестился и, признаться, очень о том сожалею.

Дверь отворилась, быстро вошел Лермонтов, сел к столу и, обратясь к Столыпину, произнес повелительным тоном: — «Столыпин, едем в Пятигорск! — С этими словами вынул он из кармана кошелек с деньгами, взял из него монету и сказал: — Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадет кверху орлом — едем в отряд; если решеткой — едем в Пятигорск. Согласен?»

Столыпин молча кивнул. Полтинник был брошен, и к нашим ногам упал решеткою вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал: «В Пятигорск, в Пятигорск! Позвать людей, нам уже запрягли!»

Лошади были поданы. Я пригласил спутников в свою коляску. Лермонтов и я сидели на задней скамье, Столыпин на передней. Нас обдавало целым потоком дождя.

Промокшие до костей, приехали мы в Пятигорск и вместе остановились на бульваре в гостинице, которую содержал

армянин Найтаки. Минут через двадцать в мой номер явились Столыпин и Лермонтов, уже переодетыми, в белом как снег белье и халатах. Лермонтов был в шелковом темно-зеленом с узорами халате, опоясанный толстым снурком с золотыми желудами на концах. Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: «Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним».

XXX

Верзилины, о которых говорил Лермонтов Алексею Столыпину, имели собственный дом в Пятигорске, а во дворе дома небольшой флигель, куда пускали приезжих. Сейчас во флигеле жил Николай Мартынов. «Он носил азиатский костюм, за поясом пистолет, через плечо на земле плеть, прическу а la мужик и французские бакенбарды с козлиным подбородком» (К. К. Любомиров).

Можно представить изумление Лермонтова и Столыпина, когда Мартынов пришел к ним в гостиницу. Лермонтов, вероятно, хохотал до слез и, наверно, спросил, с чего вдруг Мартынов так вырядился? Мартынов же чувствовал перед ним свое превосходство: Лермонтов всего лишь пехотный поручик, а он, Мартынов, вышел в отставку майором линейного казачьего полка. Поэтический дар Лермонтова в счет не шел: Мартынов тоже писал стихи и уже написал повесть. (Как не вспомнить Пушкина: «Вчера было литературное совещание у Греча, было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей».) И все-таки друзья были рады встрече.

На другой день Лермонтов и Столыпин призвали писаря комендантского управления, который составил необходимые рапорты. Комендант велел им пройти медицинскую комиссию, врачи обнаружили у них лихорадку и ревматизм — обычные болезни кавказских военных, а так как госпиталь был переполнен, то предложили им ехать в Георгиевск. Столыпин и Лермонтов тут же наврали, что выпили уже по 29 стаканов минеральной воды и не намерены прекращать начатое лечение. Комендант разрешил им остаться.

Что представлял собой Пятигорск в ту пору, рассказывает в своих «Записках декабриста» Н. И. Лорер:

«В то время съезды на Кавказские воды были многочисленны. Кого, бывало, не встретишь на водах! Какая смесь одежд, лиц, состояний! Со всех концов огромной России собираются больные к источникам в надежде — и большею

частью справедливой — исцеления. Тут же толпятся и здоровые, приехавшие развлечься и поиграть в картишки».

Чиновник Пятигорской военной прокуратуры Василий Иванович Чилиев, узнав, что Лермонтов и Столыпин подыскивают жильё, предложил им свой флигель, объяснив, что дом уже занят князем Александром Васильчиковым и Сергеем Трубецким. Поехали, посмотрели. Обыкновенная мазанка под соломенной крышей, четыре небольшие комнаты и открытая веранда, которую здесь называли балконом. Лермонтов встал на веранде; через забор — дворик Верзилиных, где квартировал Мартынов.

Соседство Мартынова, Васильчикова и Трубецкого вполне устраивало, и молодые люди дали Чилиеву задаток. В домово́й книге Чилиева сохранилась запись: «С коллежского секретаря Александра Илларионовича князя Васильчикова из С-Петербурга получено за три комнаты в старом доме 62 руб. 50 коп. серебром, с капитана Алексея Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова из С-Петербурга получено за весь средний дом 100 руб. серебром».

В доме Михаил Юрьевич выбрал для себя две комнаты, оклеенные простой бумагой, окрашенной домашним способом. Обстановка тоже была простая, но зато из окна кабинета был виден цветущий сад. Две другие комнаты занял Монго.

Как оказалось, в соседстве жили товарищи по лейб-гвардии Гусарскому и Гродненскому полку, и среди них Александр Арнольди, с которым Лермонтов подружился в «сумасшедшем доме».

«На дворе дома, нами занимаемого, во флигеле поселился Тиран, по фасу к Машуку подле нас жил Лермонтов со Столыпинам, а за ними Глебов с Мартыновым. Лермонтов, который при возникающей уже своей славе рисовался, — и сначала сделал вид, будто меня не узнаёт, но потом сам первый бросился ко мне на грудь и нежно меня обнял и облобызал. Раз или два в неделю мы собирались в залу ресторации Найтаки и плясали до упаду часов до двенадцати ночи, что, однако, было исключением из обычной водяной жизни, потому что обыкновенно с наступлением свежих сумерек весь Пятигорск замирал и запирался по домам.

Я часто забегал к соседу моему Лермонтову. Однажды, войдя неожиданно к нему в комнату, я застал его лежащим на постели и что-то рассматривающим в сообществе Сергея Трубецкого и что они хотели, видимо, от меня скрыть. Поздно заметив, что я пришел не вовремя, я хотел было уйти, но так как Лермонтов тогда же сказал: «Ну, этот ничего», — то и

остался. Шалуны товарищи показали мне целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообща начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах вроде французских карикатур, где красавец, бывший когда-то кавалергард Мартынов был изображен в самом смешном виде» (А. И. Арнольди).

Лермонтов, кроме того что весело проводил время и принимал ванны, занимался литературным трудом. Окно его кабинета выходило в сад, и он работал при открытом окне. Он замыслил трилогию — три романа из трех эпох жизни русского общества. Первый — о Пугачеве и суворовских походах, второй — период Отечественной войны 1812 года: показать в нем «действие в сердце России и под Парижем» с развязкой в Вене. Третий мыслился как изображение эпохи после восстания декабристов. В нем Лермонтов хотел описать события из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его усмирении Кавказа, персидской войной, среди которой погиб в Тегеране Грибоедов. На осуществление такого грандиозного замысла необходима была отставка, сведения Государственного архива и многочисленные поездки.

«Образ жизни Михаила Юрьевича в Пятигорске был самый обыкновенный и простой. На конюшне он держал двух собственных верховых лошадей. Штат прислуги его состоял из привезенных с собой из Петербурга четырех человек, из коих двое было крепостных: камердинер Иван Абрамович Соколов, конюх Иван Вертюков, и двое наемных — помощник камердинера и повар. Дом его был открыт для друзей и знакомых, и если кто к нему обращался с просьбой о помощи или одолжении, никогда и никому не отказывал, стараясь сделать всё, что только мог. Заведовал хозяйством, людьми и лошадьми Столыпин. Чаще всего у Лермонтова и Монго бывали Мартынов, Глебов и князь Васильчиков. Остроты, шутки, смех не прекращались. Вставал Лермонтов неодинаково, иногда рано, иногда спал часов до 9-ти и даже более. Но это случалось редко. В первом случае тотчас, как встанет, уходил пить воды или брать ванны и после пил чай; во втором же — прямо с постели садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов возвращался домой обедать, и почти всегда в обществе друзей-приятелей. Поесть любил хорошо, но стол был не роскошный, а русский, простой. На обед готовилось четыре-пять блюд по заказу Столыпина, мороженое же, до которого Лермонтов был большой охотник, ягоды или фрукты подавались каждодневно. Вин, водок и закусок всегда имелся хороший запас. Около шести часов подавался чай, и затем все уходило. Вечер, по обыкновению, посвящал-

ся прогулкам, танцам, любезничанью с дамами или игре в карты» (В.И. Чилияев).

Лермонтов называл Пятигорск кавказским Монако.

«Лермонтов тоже играл, но редко, с соблюдением известного расчета и выше определенной для проигрыша нормы не зарывался. Иногда по утрам он уезжал на своем лихом Черкесе за город, уезжал рано и большей частью вдруг, не предупредив заблаговременно никого: встанет, велит оседлать лошадь и умчится один. Он любил бешеную скачку, но при этом им руководила не одна только любительская страсть к езде, он хотел выработать из себя лихого наездника, в чём неоспоримо и преуспел, так как все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой езды, признавали и высоко ценили в нем столь необходимые по тогдашнему времени качества. Знакомые дамы приходили в восторг от его удалости и неустрашимости, когда он, сопровождая их на прогулках в кавалькадах, показывал им «высшую школу» наездничества, а верзилинские грации (дочери П.С. Верзилина, наказного атамана Кавказского линейного войска в Пятигорске) не раз даже рукоплескали, когда он, проезжая мимо перед их окнами, ставил на дыбы своего Черкеса и заставлял его чуть ли не плясать лезгинку» (П.К. Мартьянов).

«Характер Лермонтова, — вспоминал Василий Иванович Чилияев, — был характер джентльмена, сознающего свое умственное превосходство; он был эгоистичен, сух, гибок и блестящ, как полоса полированной стали, подчас весел, неприпужен и остроумен, подчас антипатичен, холоден и едок. Но все эти достоинства или, скорее, недостатки облекались в национальную русскую форму и поражали своей блестящей своеобразностью».

Вечерами армейская молодежь часто собиралась в доме Верзилиных, где устраивались танцы. Лермонтов пользовался успехом у дам, хоть и не был красавцем. «Но и не был так безобразен, каким рисуют его и каков он на памятнике, — говорил Аким Шан-Гирей. — Скулы там слишком уж велики, нос слишком неправилен; волосы он носил летом коротко остриженными, роста был среднего, говорил приятным грудным голосом, но самым привлекательным в нем были глаза — большие, прекрасные, выразительные».

Глава семьи, генерал Верзилин, имел от первого брака дочь Аграфену; вторая его жена имела от первого брака с Клингенбергом дочь Эмилию — «бело-розовую куклу», как называли ее в Пятигорске. В 1841 году Эмили было 25 лет. Совместная дочь Верзилиных — Надежда была еще юной.

Хлебосольность, радушие и три красивые, веселые дочери привлекали в верзилинский дом молодых людей. Николай Мартынов ухаживал за пятнадцатилетней Надей, и Лермонтов, дурачась, дразнил юную Наденьку, приписывая ей кокетство с приехавшим на лечение Глебовым:

*Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
Не женись!*

Михаил Глебов жил во флигеле Верзилиных вместе с Мартыновым, так что друзья, отделённые друг от друга только забором, постоянно встречались у Лермонтова и Столыпина. Мартынов всё так же носил свой бешмет и кинжал, а порой два кинжала, за что Лермонтов прозвал его «Два горца».

Михаил Юрьевич отправил для альманаха «Наши: списанные с натуры русскими», — статью «Кавказец», в которой дал точное определение настоящему кавказцу, то есть человеку, прослужившему на Кавказе много лет. «Кавказец есть существо полурусское-полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих из России. Настоящих кавказцев вы находите на Линии; статские кавказцы редки; они большею частью неловкое подражание, и если вы между ними встретите *настоящего*, то разве только между полковых медиков».

Монго Столыпин не бывал у Верзилиных, он волочился за аристократками. Но Лермонтов, Лев Пушкин и большинство офицеров гораздо свободнее чувствовали себя в доме Верзилиных. Молодежь наперебой ухаживала за Эмилией. Поклонниками Нади были Мартынов и Лисаневич, а Груша собиралась замуж за пристава Дикова. По этому поводу Лермонтов написал шуточное шестистишие:

*Пред девицей Эмили
Молодежь лежит в пыли,
У девицы же Надин
Был поклонник не один;
А у Груши целый век
Был лишь дикий человек.*

«Как сейчас вижу его, — вспоминала Эмилия, — среднего роста, коротко остриженный, большие красивые глаза; лю-

бил повеселиться, посмеяться, поострить, затевал кавалькады, распорядился на пикниках, дирижировал танцами и сам очень много танцевал. А бывало, сестра заиграет на пианино, он подсядет к ней, опустит голову и сидит неподвижно. Зато как разойдется да пустится бегать в кошки-мышки, так бывало нет удержу... Бегали в горелки, играли в серсо; потом всё это им изображалось в карикатурах, что нас смешило. Поймает меня во дворе за кучей камней (они и сейчас лежат там) и ведет торжественно сюда. Характера он был неровного, капризного: то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен».

Василий Иванович Чилиев с большим интересом следивший за жизнью своих постояльцев, впоследствии на вопрос биографа Лермонтова, ухаживал ли Михаил Юрьевич за Эмилией, отвечал: «Серьезно или так, от нечего делать, но ухаживал. В каком положении находились его сердечные дела — покрыто мраком неизвестности».

Кроме Верзилиных, еще один дом привлекал молодежь: дом генеральши Мерлины, защитницы Кисловодска от черкесского набега, случившегося в отсутствие ее мужа, коменданта кисловодской крепости. Ей пришлось самой распорядиться действиями артиллерии, и она повела дело так, что горцы рассеялись прежде, чем прибыла казачья помощь. За этот подвиг государь прислал ей бриллиантовый браслет и георгиевский крест. Когда молодежь устраивала кавалькады, Катерина Ивановна садилась на казацкую лошадь с мужским седлом и гарцевала, как подобает георгиевскому кавалеру. Обыкновенно отправлялись в Шотландку, немецкую колонию в семи верстах от Пятигорска, где немка Анна Ивановна встречала гостей с распростертыми объятьями. У нее был небольшой ресторан и две симпатичные прислужницы — Милле и Гретхен, составлявшие погибель для офицеров.

Своим похождениям Лермонтов, Трубецкой, Раевский, Лев Пушкин и другие вели отчет. Выдающиеся эпизоды вносились в «альбом приключений», где можно было увидеть всё: и кавалькады, и пикники, и всех действующих лиц. Об этом альбоме, находившемся потом в бумагах Глебова и пропавшем из поля зрения после его гибели, вспоминали многие. На одном из рисунков Васильчиков был изображен тощим и длинным, Лермонтов — маленьким и сутулым, как кошка вцепившимся в огромного коня Монго-Столыпина, а впереди всех красовался Мартынов в черкеске, с длинным кинжалом. Все это гарцевало перед открытым окном, вероятно дома Верзилиных, так как в окне были нарисованы три женские головки.

Мартынову в этом альбоме доставалось больше всех. На одном из рисунков изображалась стычка с горцами, где Мартынов, размахивая кинжалом, восседал на лошади, повернувшей вспять. На другом — целая эпопея: Мартынов гордо въезжает в Пятигорск, а затем присев перед красавицей так, как садятся на очко, держась обеими руками за ручку кинжала, изъясняется ей в любви.

Лермонтов не раз по-приятельски советовал Мартынову снять свой шутовской наряд. В «Герое нашего времени» Печорин — сильный, глубокий человек, не прощает Грушницкому несовершенства и слабости и даже стремится поставить его в такое положение, где бы эти качества выявились до конца, но... делает это с надеждой, что человек одумается, перестанет быть посмешищем, повернет в лучшую сторону.

Увы, Мартынов не понял Лермонтова, он гордился своим одеянием, показывая тем самым, что он настоящий кавказец. Он словно не замечал насмешливых взглядов, какими окидывали его боевые офицеры, но замечал восхищенные взгляды дам — им он казался красавцем: осиная талия, чекмень с побрякушками... Он заказал художнику князю Гагарину свой портрет в полный рост, и Григорий Григорьевич изобразил его в лаковых штиблетах, безупречных брюках, в черкесском бешмете с газырями и украшениями, на поясе сабля, кинжал, а на голове огромная баранья шапка.

С.Н. Филиппов в статье «Лермонтов на Кавказских водах» (журнал «Русская мысль», декабрь 1890 г.), так описывает Мартынова: «Тогда у нас на водах он был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, черная, серая и к ним шелковые архалуки такие же или еще синие. Папаха самого лучшего каракуля, черная или белая. И всегда всё это было разное — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь. Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т.е. его острого языка, насмешек, каламбуров».

Любуясь собой, Мартынов добился того, что над ним уже чуть не в открытую стали смеяться. Он что-то почувствовал, и, будучи мнительным, как его мать, решил, что общество, вероятно, прознало о полковой неприятности, из-за которой

он вышел в отставку. Еще год назад он заявлял, что дослужиться до генерала, и вдруг такой поворот! А тут еще Лермонтов со своими шуточками.

В юнкерской школе Мартынов имел, кроме клички «Мартышка», прозвище «Свирепый человек». Не потому, что был свирепого нрава, а от стремления быть лучше всех, чего не скрывал и упорно добивался. Если верить А.Ф. Тирану, то было так:

«Явится кто из отпуска поздно ночью:

— Ух, как холодно!..

— Очень холодно?

— Ужасно.

Мартынов в одной рубашке идет на плац, потом, конечно, болен.

Или говорят:

— А здоров такой-то! Какая у него грудь славная.

— А разве у меня не хороша?

— Всё ж не так.

— Да ты попробуй, ты ударь меня по груди.

— Вот еще, полно.

— Нет, попробуй, я прошу тебя, ну ударь!..

Его и хватают так, что опять болен на целый месяц».

Высказать Лермонтову свое недовольство Мартынов, очевидно, боялся: с Лермонтовым что-то происходило, он иногда за весь день не говорил двух слов, взгляд его стал тяжелым, его присутствие на вечерах у Верзилиных сковывало людей, никто не смел смотреть ему в глаза, словно сквозь них, изнутри, смотрел не Лермонтов, а *кто-то* — всевластный и страшный для человека. Он стал по ночам гулять в одиночку, и однажды сказал присоединившемуся к нему товарищу по юнкерской школе Павлу Гвоздеву: «Чувствую, что мне очень мало осталось жить...» Ночь была тихая, теплая. Они шли по бульвару, Лермонтов был грустен.

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?*

А в это время В. И. Красов писал Андрею Краевскому: «Не возвращен ли он? Вы бы засмеялись, если б узнали, от-

чего я особенно спрашиваю про его возвращение. Назад тому месяц с небольшим я две ночи сряду видел его во сне — в первый раз в жизни. В первый раз он отдал мне свой шлафрок какого-то огненного цвета, и я в нём целую ночь расхаживал по незнакомым огромным покоем; в другой раз я что-то болтал ему про свои любовные шашни, и он с грустной улыбкой и бледный как смерть качал головой. Проснувшись, я был уверен, что он возвращен. И я почти был уверен, что он проехал уже мимо нас, потому что я живу на большой дороге от юга».

Товарищ Лермонтова Александр Чарыков, встретившись с ним по пути в Железноводск, заметил, что с ним что-то неладно: «Я шел в гору по улице совсем еще тогда глухой, которая вела к Железноводску, а он в то же время спускался по противоположной стороне с толстой суковатой палкой... Лицо его показалось мне чрезвычайно мрачным; быть может, он предчувствовал тогда свой близкий жребий».

Приступы мрачности Лермонтов все же преодолел: из Тифлиса приехал Михаил Дмитриевский, знакомый с семьей Чавчавадзе; слушая его, Лермонтов как бы заново переживал встречи с дорогими ему людьми. Дмитриевский воспевал какие-то карие глаза, и Лермонтов говорил: «После твоих стихов разлюбишь поневоле черные и голубые очи и полюбишь карие глаза».

Гвардейская молодежь задумала дать бал пятигорской публичке. Составилась подписка, и затея приняла громадные размеры. Праздник состоялся 8 июля на площадке у грота. Стены его обтянули персидскими коврами, свод — разноцветными шаями, соединив их в центральный узел, прикрытый зеркалом, повесили импровизированные люстры из обручей и веревок, обвитых живыми цветами и зеленью; снаружи, на деревьях, развесили выше двух тысяч разноцветных фонариков; музыканты разместились над гротом на специальной площадке.

К восьми часам приглашенные собрались, и танцы быстро следовали один за другим. Лермонтов необыкновенно много танцевал, да и всё общество было особенно весело. После бешеного тура вальса Михаил Юрьевич, запыхавшись, подошел к декабристу Николаю Лореру:

— Видите даму Дмитриевского?.. Это его «карие глаза»... Не правда ли, как она хороша?

Лорер пригляделся и согласно кивнул.

Красное сукно длинной лентой стелилось до палатки, назначенной служить уборной для дам. Уборную обставили настолько роскошно, что дамы ходили туда просто полюбо-

ваться. Погода стояла чудесная, тихая, с темно-синего неба светили звезды.

Александр Арнольди пришел вместе с мачехой и сестрой. Был очень доволен, что он и друзья так замечательно всё устроили. «Наш бал сошел великолепно, все веселились от чистого сердца, и Лермонтов много ухаживал за Идой Мусиной-Пушкиной».

Бал продолжался до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а остальные расходились уже при утреннем свете. Лермонтов провожал Екатерину Быховец, которая всё восклицала: «Как же я весело провела время! Лавочки в чудесных коврах, грот весь в цветах, прелестная музыка!.. Я танцевала до упаду! А как вы, Мишель, были веселы!..»

Екатерина приходилась ему дальней родственницей, и он называл ее прекрасной кузиной. Она только на днях приехала в Пятигорск и через Лермонтова познакомилась с его компанией. Он и Мартынова ей представил, рекомендуя как товарища и друга. Екатерина имела внешнюю схожесть с Варенькой Лопухиной, поэтому Михаил Юрьевич не скрыл от нее:

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.*

Михаил Юрьевич был рад, что пикник удался, ведь это он был инициатором и руководителем затеи. Ни с одним из балов нельзя было это сравнить, ни с одним маскарадом. Живая природа, южное небо со звездным богатством, тысячи разноцветных огней и море цветов.

XXX

10 июля заканчивался для Лермонтова и Столыпина срок лечения на водах. Комендант вызвал к себе Монго, велел ему вместе с Лермонтовым отправляться в отряд. Столыпин стал уверять, что они и сами того желают, но по совету врачей купили билеты на пользование железными ваннами. Разрешение остаться было получено.

В тот день приехал профессор Московского университета, известный врач и мудрец Иустин Евдокимович Дядьковский, привез Лермонтову гостинцы от бабушки. Незадолго до его приезда Михаил Юрьевич получил сразу три письма от нее, отправленные на Ставрополь. Ответил, что находится в Пятигорске, попросил купить и прислать полное собрание

сочинений Шекспира и выразил надежду на возможность отставки: «То, что вы мне пишете о словах господина Клейнмихеля, я полагаю, еще не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь еще ждать?»

«Иустин Евдокимович, — вспоминал Николай Молчанов, — сам пошел к Лермонтову и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Михаил Юрьевич пришел к нему в дом Христофоровых. В тот вечер мы видели Лермонтова. Он пришел к нам и всё просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остер. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходу его Иустин Евдокимович много раз повторял: «Что за умница!» На другой день поутру Лермонтов пришел звать на вечер Иустина Евдокимовича в дом Верзилиных: жена генерала Петра Семеновича Верзилина велела звать его к себе на чай (сам Петр Семенович был в Варшаве. — Н.Б.). Иустин Евдокимович отговаривался болезнью, но вечером Лермонтов его увёз и поздно вечером привёз обратно. Опять он восторгался Лермонтовым: «Что за человек! Экий умница, а стихи его — музыка, но тоскующая». (Дуэль и смерть Лермонтова так потрясли И.Е. Дядьковского, что он прожил после нее только шесть дней.)

По воскресеньям в Пятигорске бывали собрания в ресторане гостиницы Найтаки, где молодежь танцевала и оживленно проводила время. 13 июля компания Лермонтова решила не ходить в ресторан, а провести вечер у Верзилиных. Мартынов уже оставил юную Наденьку, переключившись на Эмилию, и она отдавала ему предпочтение перед другими. «Он хоть и глуп, но красавец, — говорила она. — Хоть он и фат, и льстив в разговоре, но очень красив». Лермонтов не понимал, какой «красотой» мог привлекать ее Мартынов, дразнил Эмилию и называл Мартынова горцем с большим кинжалом.

Некоторые лермонтоведы утверждают, что Михаил Юрьевич ревновал Эмилию, но, судя по тому, что приехала Ида Мусина-Пушкина, его петербургская пассия, предпочтение Эмилии не могло его задевать. Жениться на ней он не собирался, да и вообще не думал жениться, так как не знал, дадут ли отставку или придется несколько лет служить на Кавказе. Уверения, что он из мести написал: «За девицей Emilie Молодежь как кобели. У девицы же Nadine Был их тоже не один», — совершенно напрасны, поскольку девице Надин только-только исполнилось пятнадцать лет, а сочинять клевету Лермонтов не был способен.

Но то, что он подтрунивал над Эмилией за ее благосклонность к Мартынову, — это так. «Он находил особенное удовольствие дразнить меня. Я отделялась, как могла, то шуточно, то молчанием, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец мне это надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое».

Надо сказать, что впервые Лермонтов повстречался с ней еще в детстве, когда бабушка привезла его на воды. «Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом... Белокурые волосы, голубые глаза... нет; с тех пор я ничего подобного не видел или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз... И так рано! В десять лет!» Это была Эмилия, но Лермонтов так и не узнал об этом. Да и она бы не вспомнила, если бы через несколько лет не прочитала его дневниковые записи: муж ее, Аким Шан-Гирей, бережно хранил литературное наследство Лермонтова. Уже в XX веке дочь Эмилии, Евгения Акимовна, призналась лермонтоведам: «Эта девочка была моя мать, она помнит, как бабушка ходила в дом Хастатовых и водила ее играть с девочками, и мальчик-брюнет вбегал в комнату, конфузился и опять убежал, и девочки называли его Мишель».

13 июля, как намечалось, молодежь собралась в доме Верзилиных.

«Я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что в этот вечер он продолжал свои поддразнивания. Тогда, переменяв тон насмешки, он сказал мне:

— Мадемуазель Эмилия, прошу вас на один только тур вальса, последний раз в моей жизни.

— Ну уж так и быть, в последний раз пойдёмте.

Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, уселись мирно разговаривать. К нам присоединился Л.С. Пушкин, который тоже отличался злоязычием, и принялись они вдвоем острить свой язык наперебой. Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Сергей Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счет, называя его «горец с большим кинжалом». Надо же было так случиться, что когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово «кинжал» раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошел к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову:

— Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах! — и так быстро отвернулся и отошел прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на мое замечание: «Язык мой — враг мой» Михаил Юрьевич отвечал спокойно: «Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями».

Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали мне, что когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?» Мартынов ответил решительно: «Да», — и тут же назначил день».

Во флигеле Верзилиных вместе с Глебовым и Мартыновым жил Николай Раевский. За отличие в штурме крепости Ахульго, где находился Шамиль, он был награжден орденом святого Владимира 4-й степени, произведен в поручики, участвовал в Чеченском походе 1840 года, но больше служить не захотел. Раевскому было 22 года, Глебову — 21. После ссоры в верзилинском доме, они стали думать, как бы собраться всем вместе и помирить недавних друзей. «Но ни тогда, ни после, до самой той минуты, когда мы узнали, что всё уже кончено, нам и в голову не приходили какие бы то ни было серьезные опасения. Думали, так себе, повздорили приятели, а после и помирятся. Только хотелось бы, чтоб поскорее всё это кончилось, потому что мешала их ссора нашим увеселениям. На другое утро собрались мы в нашей с Глебовым комнате. Пришел и поручик Руфин Иванович Дорохов, знаменитый тем, что в 14 дуэлях участие принимал. Как человек опытный, он дал совет:

— В таких случаях принято противников разлучать на некоторое время. Раздражение пройдет, а там, Бог даст, и сами помирятся.

Мы согласились. Столыпин сейчас же пошел в рабочую комнату, где Михаил Юрьевич чем-то был занят. Говорили они довольно долго, а мы сидели и ждали.

Столыпин нам после рассказывал, как было дело. Он, как только вошел к нему, стал его уговаривать и сказал, что мы бы все рады были, кабы он уехал.

— Мало тебе и без того неприятностей? Только что эта история с Барантом, а тут опять. Уезжай ты, сделай милость!

Михаил Юрьевич не рассердился.

— Изволь, — говорит, — уеду, и всё сделаю, как вы хотите.

И сказал он тут же, что в случае дуэли Мартынов пускай делает, как знает, а сам он целить не станет. «Рука, — сказал, — на этого дурака не поднимется».

Как Столыпин рассказал нам всё это, мы обрадовались. Велели лошадей седлать, и уехал наш Михаил Юрьевич в Железноводск. Устроили мы это дело, да и подумали, что конец — и с Мартыновым всякие предосторожности оставили. Ан и вышло, что маху дали. Пошли к нему, стали его убеждать, а он сидит угрюмый.

— Нет, — говорит, — господа, я не шучу. Я много раз его просил прежде, как друга; а теперь уж от дуэли не откажусь.

Мы, как ни старались, ничего не помогло. Так и разошлись. Предали всё в руки времени. Авось-де он это так сгоряча, а после, может, и обойдется» (Н.П. Раевский).

Уезжая в Железноводск, Лермонтов по пути заглянул к Екатерине Быховец, приглашая ехать вместе с ним, но она обещала прибыть на другой день. Возле дома, где квартировала семья Арнольди, Михаил Юрьевич увидел Александра, что-то рисующего перед открытым окном. Остановился на минуту. Арнольди сказал, что его мачеха и сестра перебрались в Железноводск, и завтра он собирается их навестить.

В отсутствие Лермонтова друзья, по словам Раевского, старались склонить Мартынова к мировой. Однако Мартынов уже знал, что Лермонтов не будет в него стрелять. Знал и то, что если убьет поэта, наказание будет не строгим: государь давно недоволен Лермонтовым.

«Мартынов развеселился, о прошлом ни слова не поминает; стали подумывать о том, как бы изгнанника нашего из Железноводска вернуть: скучно ему там одному. Собрались мы опять. И Манзей тут был, и Руфин Дорохов, и князь Васильчиков. А тут и Мартынов жалуется. Без всяких предисловий нас так и огорошил:

— Что ж, господа, скоро ли ожидается благополучное возвращение из путешествия? Я уж давно дожидаюсь. Можно бы понять, что я не шучу!

Тут кто-то из нас и спросил:

— Кто же у вас секундантом будет?

— Да вот, — отвечает, — я был бы очень благодарен князю Васильчикову, если б он согласился сделать мне эту честь! — И вышел.

А Дорохов опять свое слово вставил:

— Можно, господа, так устроить, чтобы секунданты постановили какие угодно условия.

Мы и порешили, чтобы они дрались в 30-ти шагах и чтобы Михаил Юрьевич стоял выше, чем Мартынов. Вверх труднее целить».

О тридцати шагах Раевский написал уже много лет спустя, прочитав в прессе воспоминания Васильчикова, где он

нагло лжет, указывая на тридцать шагов. Секунданты назначили шесть шагов, и противники могли стрелять трижды. Когда Мартынов был уже под следствием, Глебов с Васильчиковым написали ему: «Покамест не упоминай об условии трех выстрелов; если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего, надо будет сказать всю правду». Инициатором убийства был Васильчиков, и это подтверждает сам Раевский: «Князь Васильчиков сказал Мартынову, что будет его секундантом с условием, чтобы никаких возражений ни со стороны его самого, ни со стороны его противника не было. Посланные так и сказали Михаилу Юрьевичу. Он ответил, что согласен, повторил только, что целить не будет, на воздух выстрелит, и тут же попросил Глебова быть у него секундантом».

Васильчиков знал, что гордость не позволит Лермонтову отклонить условия дуэли.

Рано утром 15 июля Екатерина Быховец, как и обещала Лермонтову, в компании Льва Пушкина, Дмитриевского и еще нескольких человек отправилась в Железноводск. «На половине дороги в колонии мы пили кофе и завтракали. Как приехали на Железные, Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рощу и все там гуляли. Я всё с ним ходила под руку. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоем, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что всё та же — он был страстно влюблен в Варвару Александровну Бахметеву; она ему была кузина; он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был. Я уговаривала его, утешала, как могла, и с полными глазами слёз он меня благодарил, что я приехала. В колонии обедали. Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит:

— *Cousine*, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни.

Я еще над ним смеялась; так мы и отправились. Это было в пять часов».

В тот день, проехав Шотландку, Арнольди увидел перед одним из домов торопливые приготовления хозяев к какому-то пикнику, но не обратил на это внимания. Он торопился в Железноводск, так как огромная черная туча нагоняла его от Пятигорска, и крупные капли дождя падали на ярко освещенную местность. Навстречу попались Столыпин и Глебов на беговых дрожках.

«Глебов правил, а Столыпин с ягдташем и ружьем через плечо имел пред собою что-то покрытое платком. На вопрос

мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я еще посоветовал им убить орла, которого неподалеку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчичьи дрожки с Дмитревским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни» (А.И. Арнольди).

«Что-то покрытое платком» был ящик с дуэльными пистолетами Кухенройтера, теми, из которых стрелялись Лермонтов с де Барантом и принадлежавшие Монго. Пистолеты с кремнево-ударными запалами.

Через несколько лет Глебов расскажет Акиму Шан-Гирею: «Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений я от него не слышал. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что не мог получить увольнения от службы в Петербурге, и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. «Я выработал уже план двух романов», — говорил он».

Выходит, нагнав Столыпина с Глебовым, Лермонтов пересел к ним в дрожки, а Дмитриевский поехал к месту дуэли один.

Дуэль состоялась в седьмом часу вечера по левой стороне горы Машук. Врача не было. Секунданты отмерили барьер в шесть шагов, противники встали на крайних точках. По условию дуэли каждый из них имел право стрелять, когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру.

Кто были действительными секундантами, не выяснено. Глебов не мог бы кричать: «Стреляйте, или я вас разведу...» Мог кричать только Столыпин. На дуэли Лермонтова с Барантом он так же, продрогнув, злился. Единственный, кто оставил воспоминания о дуэли — это Васильчиков, но верить ему не приходится.

«Мы отмерили с Глебовым 30 шагов; последний барьер поставили на 10-ти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на 10 шагов по команде: «Марш!» Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста».

Опытным дуэлянтом Лермонтов не был, так как стрелялся второй раз в жизни. Курок не взводил, поскольку уже объяснил, что не будет стрелять. Пистолет держал в опущенной руке, потому что поднимать пистолет было незачем. (На другой день после дуэли Васильчиков назвал следственной ко-

миссии расстояние в 15 шагов, сознавая, что в 30 шагов да плюс от барьера 10, где стоял Лермонтов, никто не поверит.)

«В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на Лермонтова и никогда не забуду того спокойного, почти веселого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру. Противники столь долго не стреляли, что кто-то из секундантов заметил: «Скоро ли это кончится?» Мартынов взглянул на Лермонтова — на его лице играла насмешливая, полупрезрительная улыбка... Мартынов спустил курок. Раздался роковой выстрел. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить больное место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные. Мы подбежали...»

Причиной заминки было то, что в Мартынове, как и Грушницком, началась борьба: выстрелить или нет? «Я решил испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда всё устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать» (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»).

Для удовлетворения своей гордости Мартынов мог выстрелить в руку или ногу противника, но он убил в упор. И в этот момент начался ливень.

«Он едва дышал; пуля пробила руку и правый бок. По увещеванию секундантов, Мартынов подошел к Лермонтову и сказал: «Прости, Лермонтов!» Последний хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей ужасною погубившею его улыбкою» (А. И. Васильчиков).

Впоследствии в разговоре с Висковатовым Васильчиков дополнил свой рассказ:

«Вероятно, вид торопливо шедшего и целившегося в него Мартынова, вызвал в поэте новое ощущение. Лицо приняло презрительное выражение, и он, всё не трогаясь с места, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета».

Не было на лице Лермонтова насмешливой, полупрезрительной улыбки, которая бы вызвала раздражение Мартынова! Лермонтов только пристально наблюдал: осталась ли в «друге» хоть капля человеческого чувства? Потому и случилась заминка: Мартынов не сразу решился на выстрел. И руку Лермонтов вверх не вытягивал, ибо сказал уже, что не будет стрелять. «Лермонтов упал, как будто его скосило на месте», «хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей

ужасною погубившею его улыбкою». Ложь! Пуля разворотила ему внутренности, и в таком состоянии уже невозможно движение, а тем более, какая-либо улыбка.

«Хотя признаки жизни уже, видимо, исчезли, но мы решили позвать доктора, — продолжает Васильчиков. — По предварительному нашему приглашению присутствовать при дуэли, доктора, к которым мы обращались, все наотрез отказались. Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам, но получил такой же ответ, что на место поединка по случаю дурной погоды (шел проливной дождь) они ехать не могут, а приедут на квартиру, когда привезут раненого. Когда я возвратился, Лермонтов уже мертвый лежал на том же месте, где упал; около него Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли».

Лжет! О присутствии медика на дуэли, сразу не было речи. Мартынов выстрелил, и Лермонтов упал, как подкошенный. С перепугу все бросились наутек. Бежали на дрожках, а не верхом — не было верховых лошадей. Бросили Глебова с телом убитого, крикнув ему, очевидно, что едут за доктором, и умчались. Почему именно Глебова — он был в компании самым безродным, и значит, незащищенным; один только Лермонтов относился к нему с любовью.

То, что не было верховых лошадей, свидетельствуют Арнольди, Глебов и Раевский:

«На полпути в Железноводск встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил. Несколько далее я встретил извозчицьи дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым».

«Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений я от него не слышал».

«После обеда, видим, что Мартынов с Васильчиковым выехали из ворот на дрожках». (Вероятно, и Трубецкой вместе с ними.)

О том, что были повозки, запротоколировала на другой день следственная комиссия, выехавшая на место дуэли: на земле остались отпечатки колес. Три повозки стояли у места дуэли, и ни в одной не нашлось места поэту, чтобы в городе тотчас представить врачу. Глебов сидел один под проливным дождем, но все-таки взял на колени голову Лермонтова, и в этот момент Лермонтов вздохнул. Глебова охватил ужас! Может быть, жив? Покрыв тело поэта своей шинелью, Глебов побежал в город. Об этом он сам рассказал Акиму Шан-Гирею.

«Видим, едут Мартынов и князь Васильчиков. Мы к ним навстречу бросились. Николай Соломонович никому ни сло-

ва не сказал и, темнее ночи, к себе в комнату прошел, а после прямо отправился к коменданту Ильяшенко и всё рассказал ему. Мы с расспросами к князю, а он только и сказал: «Убит!» Мы чуть не рехнулись от неожиданности» (Н.П. Раевский).

Значит, Васильчиков прибыл вместе с Мартыновым. А как же тогда его уверения: «Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам... около него [Лермонтова] остались Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли».

Раевский пишет, что Мартынов из дома отправился к коменданту, но вот что ответил Мартынов на вопрос следственной комиссии, по чьему приказанию, и в какое время тело убитого перевезено было с места дуэли на его квартиру: «Мне неизвестно, в какое время взято тело убитого поручика Лермонтова. Простившись с ним, я тотчас же возвратился домой; послал человека за своей черкеской, которая осталась на месте происшествия, чтобы явиться в ней к коменданту. Об остальном же и до сих пор ничего не знаю».

Он, бедный, когда убежал, даже черкеску свою позабыл. По городу ходил слух, что Мартынов хотел улизнуть к черкесам, но по дороге был пойман. Кстати, черкеска была у него не одна, незачем в ливень и ночь посылать «человека», но он, вероятно, боялся оставить свой след. И, может быть, слух справедлив, что с перепугу Мартынов кинулся под защиту врагов.

А вот какие показания следственной комиссии дал Иван Козлов — слуга Мартынова: «Мною привезено со степи в расстоянии от города в 4-х верстах тело убитого поручика Лермонтова с помощью кучера Ивана Вертюкова в десять или же в одиннадцатом часу ночи, по приказанию приехавшего оттолъ корнета Глебова».

То есть о перевозке тела волновался Глебов, сам не свой примчавшись с места дуэли (возможно, попросил в первых домах Пятигорска коня, чтобы быстрее). И привезли Михаила Юрьевича слуга Лермонтова Иван Вертюков и слуга Мартынова Иван Козлов. Лучший друг Лермонтова, близкий родственник — Монго, захватив свои пистолеты, сбежал в Железноводск, так как это была вторая дуэль с его участием. Куда убежал Трубецкой, неизвестно, может быть, вместе с Монго, поскольку тоже боялся: ему бы припомнили мнимоумершего графа А.М. Борха, которого они хоронили всем полком под траурный марш полкового оркестра.

Но князь Васильчиков врал, где только мог: «Столыпин и Глебов уехали в Пятигорск, чтобы распорядиться перевозкой тела, а меня с Трубецким оставили при убитом. Как теперь помню странный эпизод этого рокового вечера; наше

сиденье в поле при трупe Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, следуя примеру храбрости господ докторов, тоже отказались один за другим ехать для перевозки тела убитого. Наступила ночь, ливень не прекращался... Вдруг мы услышали дальний топот лошадей по той же тропинке, где лежало тело, и, чтобы оттащить его в сторону, хотели его приподнять; от этого движения, как обыкновенно случается, спертый воздух выступил из груди, но с таким звуком, что нам показалось, что это живой и болезненный вздох, и мы несколько минут были уверены, что Лермонтов еще жив. Наконец, часов в одиннадцать ночи, явились товарищи с извозчиком, наряженным, если не ошибаюсь, от полиции. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его все вместе до общей нашей квартиры».

Какова же тогда вера Васильчикову в его воспоминаниях о Лермонтове: «Он был шалун... например, когда к обеду подавали блюдо, которое он любил, то он с громким криком и смехом бросался на блюдо, вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал всё кушанье и часто оставлял всех нас без обеда». Получается, что у Лермонтова был не желудок, а курдюк. «Обедая каждый день в Пятигорской гостинице, он выдумал еще следующую проказу. Собирая столовые тарелки, он сухим ударом в голову слегка их надламывал, но так, что образовывалась только едва заметная трещина, а тарелка держалась крепко, покуда не попадала при мытье посуды в горячую воду; тут она разом расплзлась, и несчастные служители вынимали из лохани вместо тарелок груды лома и черепков. Разумеется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтов поспешил сам заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги и расплатился щедро за свою забаву».

Что сказать о Васильчикове? Придумать, что Лермонтов собирал со стола грязные тарелки и бил их о свою голову, мог только дурак. Прозорливый Лермонтов не сразу понял Васильчикова в «кружке шестнадцати», а может быть, списывал кое-что на его юный возраст. Но когда понял, то «князю Ксандру» не поздоровилось:

*Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной серебристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.*

В четырех строчках Лермонтов сказал всё. Этот, едва переступивший порог своего двадцатилетия кандидат прав, имея

возможность как сын председателя Государственного совета сделать блестящую карьеру, «принял приглашение» ехать на Кавказ к барону Гану для введения там нового административного устройства. В действительности папаша выхлопотал ему это место. Миссия Гана не удалась, и Александр Васильчиков был отправлен в отпуск, оказавшись в Пятигорске.

Но послушаем дальше Николая Раевского:

«Приехал Глебов, сказал, что покрыл тело шинелью своею, а сам под дождем больше ждать не мог». Еще одно доказательство, что с Лермонтовым оставался только Глебов.

А вот что пишет Эмилия Верзилина (Клингенберг):

«Собираться в сад должны были в шесть часов; но вот с четырех начинает накрапывать мелкий дождь. Надеюсь, что он пройдет, мы принарядились, а дождь все сильнее да сильнее и разразился ливнем с сильнейшей грозой. Приходит Дмитриевский и, видя нас в вечерних туалетах, предлагает позвать *этих господ* всех сюда и устроить свой бал».

Лжет! Не до балов Дмитриевскому было.

«Не успел он докончить, как вбегает в залу полковник Зельмиц (он жил в одном доме с Мартыновым и Глебовым) с растрепанными длинными седыми волосами, с испуганным лицом, размахивает руками и кричит: «*Один наповал, другой под арестом!*» Мы бросились к нему — что такое, кто наповал, где? «*Лермонтов убит!*» Такое известие, и столь внезапное, до того поразило матушку, что с ней сделалась истерика; едва могли ее успокоить. От Дмитриевского узнали мы подробнее, что случилось».

Верзилина, таким образом, подтверждает, что Дмитриевский был на дуэли.

«Когда мы несколько пришли в себя от такого тревожения, — продолжает она, — переоделись и, сидя у открытого окна, смотрели на проходящих, то видели, как проскакал Васильчиков к коменданту и за доктором; позднее провели Глебова под караул на гауптвахту. Мартынова же, как отставного, посадили в тюрьму, где он провел ужасных три ночи в сообществе двух арестантов, из которых один все читал псалтырь, а другой произносил страшные ругательства. Это говорил нам сам Мартынов впоследствии».

Лжет! Никуда Васильчиков не скакал, он затаился в своей квартире и пришел к коменданту на другой день, да и то уже вынужденно. Глебова не вели под караулом, он сам отдался в руки Ильяшенкову. Мартынов был арестован позднее.

«Комендант Ильяшенков, когда Глебов явился к нему после дуэли и, рассказав о печальном событии, просил арестовать, до такой степени растерялся, что не знал, что делать. Расспрашивая Глебова о происшествии, он суетился, бегал из одной комнаты в другую, делал совершенно неуместные замечания; наконец послал за плац-адъютантом и, переговорив с ним, приказал арестовать Мартынова» (служащий Пятигорской военной комендатуры В. И. Чиляев).

16 июля начальник Пятигорского округа Ильяшенков доносил плац-майору Унтилову:

«Лейб-гвардии Конного полка корнет Глебов вчерашнего числа в вечеру пришел ко мне в квартиру, объявил, что отставной майор Мартынов убил на дуэли Тенгинского пехотного полка Поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре от города Пятигорска у подошвы горы Машухи».

Тело Лермонтова привезли сначала к дому Чиляева, но Глебов уже доложил о дуэли коменданту, «и он приказал отвезти его на гауптвахту. Привезли на гауптвахту, возник вопрос: что с ним делать? Оказалось, что телу на гауптвахте не место, повезли его к церкви Всех Скорбящих (что на бульваре) и положили на паперти. Тут оно лежало несколько времени, и только под вечер (ночью! — **Н.Б.**) по чьему-то внушению тело было отвезено на квартиру» (В. И. Чиляев).

Когда тело привезли с церковной паперти, слуги Лермонтова положили его на кровать, затем убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича и положили его на стол.

«Гвоздев, услышав о происшествии и не зная наверное, что случилось, в смутном ожидании отправился на квартиру Лермонтова и там увидел окровавленный труп поэта. Над ним рыдал его слуга. Все, там находившиеся, были в большом смущении. Грустно и больно было ему видеть бездыханным того, чья жизнь так много обещала! Невольно тогда приятелю моему пришли на память стихи убитого товарища: «Погиб поэт, невольник чести» (А. М. Меринский).

XXXII

«Когда страшная весть о его кончине пронеслась по городу, я тотчас же отправился разыскивать его квартиру. Вхожу в сени, налево дверь затворенная, а направо, в открытую дверь, увидел труп поэта, покрытый простыней, на столе; под ним медный таз; на дне его аела кровя, которая за несколь-

ко часов еще сочилась из груди его. Но вот что меня особенно поразило тогда: я ожидал тут встретить толпу поклонников погибшего поэта и, к величайшему удивлению моему, не застал ни одной души» (А. Чарыков).

Позже пришел врач Барклай-де-Толли в сопровождении подполковника Унтилова, председателя Черепанова, стряпчего Ольшанского и жандармского подполковника Кушинникова. Было произведено вскрытие тела.

«Пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра при срастании ребер с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягие части левого плеча» — Медицинское заключение № 34, выданное 16 июля 1841 года ординатором Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклаем-де-Толли.

Тем же составом, взяв с собой надзирателя Марушевского, Глебова и Васильчикова, которому всё же пришлось идти к коменданту, поехали осматривать место дуэли. Васильчиков указал, что стрелялись с 15 шагов.

Секунданты были допрошены в Пятигорском окружном суде.

На вопрос «кто из дуэлянтов сделал первый выстрел», Глебов ответил: «После первого выстрела, сделанного Мартыновым, Лермонтов упал, будучи ранен в правый бок навывлет, почему и *не мог* сделать своего выстрела». Васильчиков подтвердил: «Майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и *не успел* дать своего выстрела».

Лгали оба.

На вопрос «какая причина была поводом к дуэли», ответили:

Глебов: «Поводом к дуэли были насмешки со стороны Лермонтова насчет Мартынова, который, как говорил мне, предупреждал несколько раз Лермонтова, но, не видя конца его насмешкам, объявил Лермонтову, что он заставит его молчать, на что Лермонтов отвечал ему, что вместо угроз, которых он не боится, требовал бы удовлетворения».

Васильчиков: «В самый день ссоры, когда Майор Мартынов при мне подошел к поручику Лермонтову и просил его не повторять насмешек для него обидных, сей последний отвечал что он не вправе запретить ему говорить и смеяться, что, впрочем, если обижен, то может его вызвать и что он всегда готов к удовлетворению. Вышеприведенные слова сего последнего как бы подстрекали к вызову».

Был допрошен Мартынов. На вопрос «какая причина была поводом к дуэли», ответил то же, что сказали Васильчиков и Глебов: сам он не хотел дуэли, но Лермонтов вынул к ней.

Прибавил еще, что его выстрел в Лермонтова имел случайный характер.

(Как Лермонтов общался с этим бесчестными и трусливыми людьми?! Прав Пушкин: гении простодушны и доверчивы.)

Город разделился на две партии: одна защищала Мартынова, другая оправдывала Лермонтова. «Было слышно даже несколько таких озлобленных голосов против Мартынова, что, не будь он арестован, ему бы несдобровать».

«На другой день я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубашке. Комната была пуста, и в углу валялась его канасовая малиновая рубашка с кровавыми пятнами» (А.И. Арнольди).

«Я еще не знал о смерти его, когда встретился с товарищем сибирской ссылки, Вигелиным, который, обратившись ко мне, вдруг сказал:

— Знаешь ли ты, что Лермонтов убит?

Ежели бы гром упал к моим ногам, я бы и тогда, думаю, был менее поражен, чем на этот раз. «Когда? Кем?» — мог только воскликнуть.

Мы оба с Вигелиным пошли к квартире покойника, и тут я увидел Михаила Юрьевича на столе, уже в чистой рубашке и обращенного головою к окну. Человек его обмахивал мух с лица покойника, а живописец Шведе снимал портрет с него масляными красками. Дамы — знакомые и незнакомые — и весь любопытный люд стали тесниться в небольшой комнате, а первые являлись и украшали безжизненное тело поэта цветами... Полный грустных дум, я вышел на бульвар. Во всех углах, на всех аллеях только и было разговоров, что о происшествии. Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру. Они, как черные вороны, почувствовали мертвое тело и нахлынули в мирный приют исцеления, чтобы узнать, отчего, почему, зачем, и потом доносить по команде, правдиво или ложно» (Н.И. Лорер).

Во дворе дома Чилиева стал собираться народ. Ходили смотреть на убитого — в основном из любопытства. Расспрашивали о причине дуэли. Никто ничего не знал наверняка. Заговорили о «ссоре двух офицеров из-за барышни». Называли то Эмилию, то Надежду Верзилиных, то Екатерину Быховец. «Это хождение туда-сюда продолжалось до полуночи. Все говорили шепотом, точно боялись, чтобы слова их не раздалось в воздухе и не разбудили бы поэта, спавшего уже непробудным сном. На бульваре и музыка два дня не играла».

«А мы дома спуем из угла в угол как потерянные. Только уж часов в одиннадцать ночи (16 июля. — Н.Б.) приехал к нам комендант Ильяшенков, сказал, что гроб уж он заказал, и велел нам завтра пойти священника попросить. Мы уж и сами об этом подумывали, потому что знали, что бабушка поэта очень богомольная и никогда бы не утешилась, если б ее внука похоронили не по церковным установлениям. На другой день Столыпин и я отправились к священнику единственной в то время православной церковки в Пятигорске (церковь Всех Скорбящих Радость. — Н.Б.). Встретила нас попадья, сказала, что слышала о нашем несчастье, поплакала, но тут же прибавила, что батюшки нет и что вернётся он только к вечеру. Мы стали ее просить, целовали у нее и ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обряд совершить. Она нам обещала свое содействие, а мы, чтоб уж она не могла на попятный пойти, тут же ей и подарочек прислали, разных шелков тогдашних, их, покупая, о цене не спрашивали.

Вернулись домой, а народу много набралось: и приезжие, и офицеры, и казачки из слободки. Принесли и гроб, и хорошо так его белым глазетом обили. Мы уж собрались тело в него класть, когда кто-то из публики сказал, что так нельзя, что надо сперва гроб освятить. А где нам святой воды достать! Да у кого-то из прислуги нашлась. Мы хотя, в гроб тело положивши, и пропели все хором «Святой Боже, святой крепкий...» и покрестились, но полагали, что этого недостаточно, и очень беспокоились об отсутствии священника.

Опять мы с Столыпиным пошли к священнику. Матушка-то его предупредила, но он всё же не сразу согласился, и пришлось Столыпину вместо 50-ти, 200 рублей ему пообещать. Однако батюшка всё настаивал на том, что по такой-то-де главе «Стоглава» дуэлисты причтены к самоубийцам и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его следует вне кладбища. Боялся он очень от архиерея за это выговор получить. Мы стали уверять его, что архиерей не узнает, а он тут и говорит:

— Вот если бы комендант дал мне записочку, что в своем доносе он обо мне не упомянет, я был бы спокоен.

Мы попробовали у Ильяшенкова эту записочку для священника выпросить, но он сказал, что этого нельзя, а велел на словах передать, что хуже будет, когда узнают, что такого человека дали без заупокойных служений похоронить. Сказали мы это батюшке (Павлу Александровскому. — Н.Б.), а он опять заартачился. Однако когда ему еще и икону обещали в церковь дать, он обещался прийти. А икона была богатая, в серебряной ризе и с камнями драгоценными, — одна из

тех, которых бабушка Михаила Юрьевича ему целый иконо-стас надарила» (Н.П. Раевский).

Уговоры священника длились долго. «Руфин Дорохов горячился больше всех, просил, грозил и, наконец, терпение его лопнуло: он как буря накинудся на священника и непременно бы избил его, если бы не был насильно удержан Львом Пушкиным, князем Трубецким и другими» (А.С. Гангелов).

Находившийся при этом священник Василий Эрастов пришел в негодование, тайком забрал ключи от храма, запер его и скрылся.

«Отец Павел Александровский, хотя и получил разъяснение от следственной комиссии, что смерть Лермонтова не должна быть причислена к самоубийству, лишаящему умершего христианского погребения, всё же не смог отпеть поэта в церкви, Эрастов активно тому противился: забрав тайком ключи от храма, он скрылся, найти его не смогли.

Мы вернулись домой. Народу — море целое. Все ждут, а священника всё нет. Как тут быть? Вдруг из публики католический ксендз, спасибо ему, вызвался.

— Отец Павел боится, — говорит, — а я не боюсь, и понимаю, что такого человека, как собаку, не хоронят. Давайте-ка я литию и панихиду отслужу.

Мы к этому были привычны, так как в поход с нами ходили по очереди то католический, то православный священник, поэтому с радостью согласились.

Когда он отслужил, то и лютеранский священник, тут бывший, гроб благословил, речь сказал и по-своему стал служить. Одного только православного батюшки при сем не было. Уж народ стал расходиться, когда он пришел, и, узнавши, что священнослужители других вероисповеданий служили прежде него, отказался служить, так как нашел, что этого довольно. Насилу мы его убедили, что на похоронах человека греко-российского вероисповедания полагается и служение православное» (Н.П. Раевский).

И все-таки, отслужив панихиду, Александровский не вписал имя Лермонтова в церковно-метрическую книгу. Получилось, что Лермонтова похоронили без отпевания. (Через несколько месяцев Эрастов обвинит отца Павла в том, что в метрической книге нет записи об отпевании поручика Лермонтова, но похоронен поручик на кладбище, где не положено хоронить самоубийц.)

Во время панихиды многие стояли в другой комнате, где лежал окровавленный сюртук поэта, и никому не пришло в голову сохранить его. За оградой дома народ волновался, Дорохов прямо называл Мартынова убийцей, были горячие

головы, которые выражали желание мстить и вызвать Мар- тынова на дуэль! Плац-майор Унтилов несколько раз выходил из квартиры Лермонтова успокаивать толпу.

«В 4 или 5 часов пополудни, я, слышавши, что имеет быть погребено тело умершего поручика Лермонтова, пошел, по примеру других, к квартире покойника, у ворот коей встретил большое стечение жителей Пятигорска и посетителей минеральных вод. Духовенство погребальным гласом начало пение: «Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас», и с этим вместе медленно выходило из двора; за этим вслед было несено из комнат тело усопшего поручика Лермонтова» (коллежский секретарь Д. Рощановский. Из показаний следственной комиссии).

«При выносе же тела, когда увидел наш батюшка музыку и солдат, как и следует на похоронах офицера, он опять испугался.

— Уберите трубачей, — говорит, — нельзя, чтобы самоубийцу так хоронили» (Н.П. Раевский).

Люди шли за гробом так тихо, что слышен был шорох сухой травы под ногами. Потом стали коротко переговариваться; затем, не опасаясь больше паникера отца Павла, полковой оркестр заиграл траурный марш. Погода стояла солнечная, теплая. Непосредственно за гробом шли начальник Штаба войск Кавказской линии и Черномории Александр Степанович Траскин, комендант Пятигорской крепости Василий Иванович Ильяшенков, и свыше пятидесяти штаб- и обер-офицеров, все в белых шарфах.

«В сопровождении целого Пятигорска, священника и музыки мы отнесли Михаила Юрьевича на руках в последнее его жилище. По странному стечению обстоятельств, на похоронах поэта случились представители всех тех полков, в которых служил покойный, так как там были С.Д. Безобразов — командир Нижегородского драгунского полка, А.Ф. Тиран — лейб-гусарского, я — Гродненского гусарского, и дядя мой Н.И. Лорер — Тенгинского пехотного полка. Дамы забросали могилу цветами, и многие из них плакали, а я и теперь еще помню выражение лица и светлую слезу Иды Мусиной-Пушкиной, когда она маленькой своей ручонкой кидала последнюю горсточку земли на прах любимого ею человека» (А.И. Арнольди).

«Вы думаете, все плакали по Лермонтову? Все радовались» (священник Василий Эрастов).

«Теперь слышишь, все Лермонтова жалеют, все его любят... Хотел бы я, чтоб он вошел сюда хоть сейчас: всех бы оскорбил, кого-нибудь осмеял бы...» (А.Ф. Тиран).

«Когда могилу засыпали, так тут же ее чуть не разобрали: все бросились на память об Лермонтове камешков мелких с его могилы набирать. Потом долгое еще время всем пятигорским золотых дел мастерам только и работы было, что вделывать в браслеты, серьги и брошки эти камешки. А кольца в моду вошли тогда масонские, такие, что с одной стороны гордиев узел, как тогда называли, а с другой камень с могилы Лермонтова. Тогда же Столыпин отдал батюшке и деньги, и икону; а мы тогда же черновую рукопись «Героя нашего времени», оказавшуюся в столе в рабочей комнате (Лермонтова. — Н.Б.), на память по листкам разобрали» (Н.П. Раевский).

На могилу был положен небольшой камень, как временный памятник, на котором значилось: *«Поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов»*.

Александр Арнольди зарисовал дом в Кисловодске, где происходило действие повести «Княжна Мэри», веранду дома в Пятигорске, где они с Лермонтовым часто сидели вместе, и временную могилу Михаила Юрьевича.

У Арнольди хранилась картина маслом, написанная Лермонтовым — кавказский вид снеговых гор при закате солнца, а также черкесский пояс с серебряной «жерничкой» покойного, который он получил на память о поэте. Все эти вещи он передал через несколько лет генерал-майору Бильдерлингу в Лермонтовский музей, устроенный в школе юнкеров.

В юности Михаил Юрьевич мечтал о такой же судьбе, как у Байрона. И это сбылось. Его поэтический гений встал вровень с гением Байрона, заслужив мировую славу. Так же, как Байрон, он умер не в бою, хоть оба были уверены, что погибнут в сражении.

Как истинный друг человечества, уважавший и понимавший все народы и все религии, Михаил Юрьевич, пусть и невольно, но был отпет тремя священниками: католическим, лютеранским и православным. Это ли не протянутая к нему рука Бога! И первый, кто откликнулся стихами на его смерть, был осетинский поэт Коста Хетагуров.

XXXIII

Письмо П.Т. Полеводина к неустановленному лицу:

«Теперь 6-й день после печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель. Уверяет, что эта дуэль *сделана против всех правил и чести*».

Москва первая узнала о смерти Лермонтова. Генерал Ермолов гневно воскликнул: «Уж я бы не спустил этому Мартынову! Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать, да вынувши часы считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься».

Из письма А.Я. Булгакова П.А. Вяземскому. Москва, 31 июля.

«Не знаю, известно ли уже у вас (в Петербурге. — **Н.Б.**) о смерти Лермонтова. Он убит — и убит не черкесом, не чеченцем, а убит русским на дуэли. Сообщу тебе подробности, кои мне известны и кои слышал от Пуляты. Мартынов подошел к самому Лермонтову и выстрелил ему прямо в сердце. Удивительно, что секунданты допустили такой бесчеловечный поступок. Слышно также, что Мартынов хотел бежать в Одессу, а другие говорят, что к горцам, как будто Одесса не та же Россия. Секунданты на гауптвахте, а Мартынов посажен в острог. Армия закавказская оплакивает потерю храброго своего офицера, а Россия одного из лучших своих поэтов. Не стало Лермонтова!..»

Из письма П. А. Вяземского А. Я. Булгакову:

«В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Людвиг-Филиппа. Второй раз не дают промаха. Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова».

«Государь по окончании литургии (в дворцовой церкви. — **Н.Б.**), войдя в комнату перед церковью, где еще оставались бывшие у богослужения лица, сказал: «Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит» (М.В. Воронцова).

Командующий войсками Кавказской линии и Черномории П.Х. Грабе — начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории А.С. Траскину: «Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти».

Аудитор начальника штаба войск Ефремов — командиру Кавалергардского полка: «Надо вам рассиропить историю полка, а то ведь у вас только два убийцы — Дантес и Мартынов».

XXXIV

О смерти любимого Мишеньки Елизавета Алексеевна узнала спустя почти месяц: из Москвы приехал Алексей Лопу-

хин. По его убитому виду Арсеньева все поняла. Велела пустить ей кровь. И уже после попросила Лопухина сказать всю правду. Тихо, покорно приняла она страшную весть. У нее в это время жила Мария Акимовна Шан-Гирей, собираясь вместе с Акимом ехать в Тарханы, и Елизавета Алексеевна решила уехать с ними.

Варенька Лопухина слегла, узнав о смерти Лермонтова.

«Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — она отказалась, за границу — отказалась, и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля, поскольку эти обстоятельства так близко сходятся, что это не может не возбудить известных подозрений (М.А. Лопухина, из письма Верещагиной).

У Елизаветы Алексеевны отнялись ноги. Она запретила при ней произносить не только имя внука, но даже слово «поэт».

Кое-как добралась до Тархан, где Мария Акимовна объявила о смерти Михаила Юрьевича. Страшный плач стоял по селу! От всеобщего неподдельного горя с Арсеньевой случился припадок. После того стало резко снижаться зрение. Все вещи, тетради, игрушки внука она раздала — их вид вызывал у нее бурные слезы. Псалтырь, на обложке которого десятилетний Миша написал: «Сия книга принадлежит М. Lermantoff. М. Лермантов», Арсеньева подарила Акиму Шан-Гирею. «Екиму Павловичу Шан-Гирей. Знаю, что тебе приятна будет эта книга — она принадлежала тому, кого ты любил. Читай ее, мой друг. Е.А. 1841». На том же листе Шан-Гирей написал: «Лермонтов 15-го июля 1841 убит на дуэли».

Образ Спаса Нерукотворного, которым ее благословил еще дед и которому она ежедневно молилась о здравии Мишеньки, Арсеньева велела отнести в церковь, сказав: «И я ли не молилась этому образу, а он все-таки его не спас...»

Всеми силами она теперь добивалась вернуть тело внука в Тарханы.

XXXV

Михаил Глебов, как военный, был поначалу посажен на гауптвахту, но почти сразу, принимая во внимание, что его рана еще в опасности, отправлен под домашний арест. Васильчиков тоже выпросил относительную свободу: «Меня

перевели по моей просьбе в Кисловодск, потому что нарзан мне необходим. Я живу здесь в слободке скромно, вдвоем с Столыпинам. Меня выпускают в ванны и на воды с часовым».

Глебов больше всех переживал за свое участие в дуэли. Сын мелкопоместного дворянина, без связей, он знал, что ему не избежать сурового наказания, в то время как Васильчиков, сын председателя Государственного совета, отделается легко. Догадывался, что осторожный Мартынов не стал бы убивать Лермонтова, если бы не имел надежды на заступничество. Глебов теперь прилагал все усилия, чтобы выкрутиться.

Мартыновым и секундантами занималось жандармское министерство, вел допросы подполковник Кушинников, усиленно добиваясь: была ли дуэль по всем правилам, или было убийство? И еще один человек добивался того же — плацмайор Унтилов.

Мартынов и секунданты имели возможность переписываться, и Глебов наставлял Мартынова: «Посылаем тебе брүльон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему разумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал (к месту дуэли. — Н.Б.) верхом на своей лошади, а не в дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади: так и пишем».

Как ни вертелись Мартынов и секунданты, выгораживая себя, Унтилов им не верил. Почувствовав это, Мартынов решил признаться: «По условию дуэли, каждый из нас имел право стрелять когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру. Я первый пришел на барьер; ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок».

Свои показания он переправил Васильчикову и Глебову. Друзья разозлились: «Признаться тебе, твое письмо несколько было нам неприятно. Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и во всем, но и потому, что не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова и приписываем этот выстрел *несчастному случаю* (все это знают, судьба так хотела, тем более, что ты *в третий раз в жизни* своей стрелял из пистолета; второй, когда у тебя пистолеты рвало в руке, и этот третий), и совсем не потому, чтобы ты хотел пролить кровь, в доказательство чего приводим то, что ты сам не походил на себя, бросился к Лермонтову в ту секунду, как он упал, и простился с ним. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении Трубецкого и Столыпина, которых имена не должны быть упомянуты ни в каком случае».

Все трое уверяли следственную комиссию в виновности Лермонтова: он привязывался к Мартынову с самого приезда в Пятигорск, на вечеру у Верзилиных смеялся над ним, и когда Мартынов его попросил прекратить, он ответил: «Ты не можешь мне запретить говорить про тебя то, что я хочу».

Допрошенные слуги Мартынова и Лермонтова в один голос уверяли, что никаких ссор или размолвок между Лермонтовым и Мартыновым не было «жили дружно, и даже в тот день [15 июля] никаких ссор не происходило».

Окружной суд обратился к Мартынову с вопросами: «Вами ли был размерен барьер или же секундантами и по вашему ли с Лермонтовым согласию было назначено это расстояние для выстрела? Чьи были pistols и заряды и сами ли вы заряжали оные или кто другой? Не заметили ли вы у pistols Лермонтова осечки или он выжидал вами произведенного выстрела, и не было ли употреблено с вашей стороны или секундентов намерения к лишению жизни Лермонтова?»

Узнав об этих вопросах, Васильчиков перепугался: «Непременно и непременно требуй *военного* суда. Гражданским тебя замучат. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твое письмо Траскину. Столыпин судился (после дуэли Лермонтова с Барантом. — Н.Б.) военным судом».

Мартынов ответил: «Узнай от Столыпина, как он это сделал? Комендант был у меня сегодня; очень мил, предлагал переменить тюрьму, продолжить лечение и выпускать ко мне всех знакомых и проч. А bestия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу, в чём».

Исполняющий должность стряпчего Пятигорска Ольшанский был уверен, что дуэли не было, было убийство. «... Для Ольшанского ясно, что поединка, как такового, не было» (из анализа материалов следствия).

По подсказке Васильчикова, Мартынов отправил письмо Бенкендорфу: «Сиятельнейший граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свыкся с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастье почел бы быть судимым военными законами. Не оставьте, Ваше Сиятельство, просьбу мою благословенным вниманием. Я льщу себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше, тем более что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок собственной кровью на службе Царя и отечества».

Это письмо для отправки в Петербург Мартынов передал через кого-то Глебову, разъяснив письменно: «Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру».

Между тем Кушинников и Ольшанский продолжали задавать ему вопросы, на которые трудно было ответить. Например, почему, измученный насмешками Лермонтова, Мартынов не обратился в суд? Пришлось Мартынову сочинять более вескую причину дуэли: якобы Лермонтов вывел его сестру княжной Мэри в романе «Герой нашего времени», чем глубоко оскорбил не только ее, но и его, Мартынова.

Допустить причиной только несчастную «княжну Мэри» было нельзя. Об этом ему прямо заявил Кушинников. И Мартынов припомнил пропавший пакет! Присовокупив, что с письмами в нём находился дневник Натальи Мартыновой, он повернул дело так, что Лермонтов, безответно влюбленный в его сестру, знал о наличии дневника и был заинтересован прочтением его.

Не было дневника! Стоит вспомнить письмо Мартынова к матери и ее ответ:

«Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собою разумеется, отдал мне свои. Если вы помните содержание вашего письма, то сделайте одолжение — повторите; также и сестер попросите от меня...»

«Как мы все огорчены, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе бы пришлось читать много: твои сестры целый день писали их».

О «пропавшем пакете» Кушинников отправил донесение Дубельту в Петербург, несколько не веря этому вымыслу. И если бы дело Мартынова продолжало вести жандармское министерство, Кушинников бы докопался до истины. Но Бенкендорф снизошел к раболепной просьбе Мартынова: дело передали военному суду. Мартынова перевели из тюрьмы на гауптвахту.

«Когда его перевели на гауптвахту, которая была тогда у бульвара, то ему позволено было выходить вечером в сопровождении солдата подышать чистым воздухом, и вот мы однажды, гуляя на бульваре, встретили нечаянно Мартынова.

Это было уже осенью; его белая черкеска, черный бархатный бешмет с малиновой подкладкой произвели на нас неприятное впечатление. Я не скоро могла заговорить с ним, а сестра Надя положительно не могла преодолеть своего страха. Васильчикову и Глебову заменили гауптвахту домашним арестом. Они [все трое] бывали у нас каждый день до окончания следствия и выезда из Пятигорска. Старательно мы все избегали произнести имя Лермонтова, чтобы не возбудить в Мартынове неприятного воспоминания о горестном событии» (Э.А. Верзилина).

Дружеские отношения Верзилиных с убийцами поэта дали повод горожанам думать, что в дуэли был всё же виновен Лермонтов. Мартынов не упускал возможности рассказать о несчастной своей сестре и пропавшем пакете, и за Лермонтовым пополз шлейф непорядочного человека. Как тут не вспомнить его строки:

*За все, за все Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я еще благодарил.*

Пятигорский окружной суд непременно потребовал бы переписку Мартынова, в которой ни он, ни его мать, ни о каком дневнике, вложенном в пакет, не упоминали. Но дело Мартынова по требованию военного министра было передано Траскину да к тому же с указанием императора закончить как можно скорее. Закончили в 4 дня. По совету Траскина, переданному через Васильчикова и Глебова, Мартынов исключил из своих показаний упоминание об условиях дуэли. «Покамест не упоминай об условии трех выстрелов, — пишет Глебов, — если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего, надо будет сказать всю правду».

Глебов при допросе дополнил: «О старой же вражде между нами, нам, секундантам, не было известно. Мартынов и Лермонтов нам об этом не говорили». Тем самым он подтвердил «княжну Мэри» и «пропавший дневник». С количеством секундантов Васильчиков и Глебов запутали комиссию. Сперва секундантом был *один Глебов*, потом добавился Васильчиков, потом оказалось, что командовали на дуэли то Столыпин, то Трубецкой.

Суд вынес решение: «Подсудимых — отставного майора Мартынова за произведение с поручиком Лермонтовым дуэли, на которой убил его, а корнета Глебова и князя Васильчикова за принятие на себя посредничества при этой дуэли, лишить чинов и прав состояния».

Согласно установленному порядку, окончательное решение принимал император, и Николай I вынес свою резолюцию: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

Постановление военного суда гласило: Мартынову отбыть трехмесячный арест на Киевской крепостной гауптвахте; срок церковного покаяния для него назначит Киевская духовная консистория. Васильчиков и Глебов были прощены.

XXXVI

Священник Василий Эрастов через месяц после похорон Лермонтова затеял тяжбу с настоятелем Павлом Александровским за то, что «он, погребши в июле месяце тело убитого на дуэли Лермонтова, в статью метрических за 1841 год книг его не вписал, и данные 200 рублей ассигнациями в доходную книжку причта не внёс». В результате, 15 декабря 1841 года было начато «Дело по рапорту Пятигорской Скорбященской церкви Василия Эрастова о погребении в той же церкви протоиереем Павлом Александровским тела наповал убитого на дуэли поручика Лермонтова».

В это же время Арсеньева добилась перезахоронения тела любимого Мишеньки.

Из документа, разрешающего провоз тела и выправленного в Чембаре 12 февраля 1842 года, Иван Вертюков был в числе тех, кого Арсеньева послала за останками Михаила Юрьевича. Кроме него значились Андрей Соколов и Иван Соколов. До Пятигорска они добрались в середине марта. 22 марта гроб с телом Лермонтова был вырыт из могилы.

«Ранней весной 1842 г. офицер Куликовский посетил могилу Лермонтова. Камень с надписью, по вырытии праха поэта, лежал рядом с могилой, которая оставалась незаконною. Вдруг пронесся слух, что кто-то хотел похитить этот камень, и благодетельное начальство приказало зарыть его в могилу. «Через несколько дней по увозе тела Лермонтова из Пятигорска, в одну из родительских суббот, я сам видел, — говорил упомянутый выше офицер, — камень был сброшен

уже в могилу и стоял в ней торчком, где его после и зарыли. Теперь нет никакого следа могилы, немногие старожилы узнают это место по углублению в земле, но я уже указать вам не могу» (П.К. Мартыанов. «Всемирный труд», 1870 г.).

25 дней слуги везли тело Лермонтова. Задолго до Тархан крестьяне Арсеньевой сняли с телеги гроб, запаянный в тяжелый свинцовый ящик, накрытый черным бархатом, и понесли своего Михаила Юрьевича на руках. Когда дошли до Тархан, послышалось похоронное пение деревенского хора. Лицо бабушки было как каменное, глаза от постоянных слез уже ничего не видели. Дотронулась рукой до холодного ящика, спросила: «Здесь ли мой Мишенька?..»

Состоялось отпевание Михаила Юрьевича. Были Мария Акимовна, Павел Петрович, Аким и Катя Шан-Гирей, Евреиновы, множество соседей и все крестьяне Тархан. Из церкви к часовне Елизавета Алексеевна шла за гробом тихо, низко опустив голову. Аким Шан-Гирей и Павел Евреинов вели ее под руки. Михаил Юрьевич был погребен в фамильном склепе рядом с дедом и матерью, о чем урядник Москвин отрапортовал пензенскому губернатору. Над могилой поэта установили памятник из черного мрамора; на лицевой стороне его под позолоченным лавровым венком надпись: «Михайло Юрьевич Лермонтов», на левой стороне: «Родился 1814 года, 3 октября», справа: «Скончался 1841 года, 15 июля».

Время перезахоронения Михаила Юрьевича совпало с наступающими Пасхальными праздниками, но Арсеньева объявила по селу траур, и, снисходя к ее горю, священники не стали проводить обязательной праздничной службы. За что получили выговор от епископа.

Вместе с прахом Лермонтова были доставлены из Пятигорска его вещи и рукописи, которые Монго оставил под ответственность Василия Ивановича Чилиева. Разбирая их, Аким Шан-Гирей обнаружил записную книжку В.Ф. Одоевского, подаренную поэту перед отъездом его из Петербурга, в ней были стихотворения Лермонтова. Последним стояло «Нет, не тебя так пылко я люблю» — предсмертная память о Вареньке. Она пережила Михаила Юрьевича на десять лет, и тихо угасла. Похоронили ее в Малом соборе Донского монастыря.

После перезахоронения Мишеньки, над тремя дорогими могилами Арсеньева выстроила часовню. Перед входом в нее распорядилась посадить дуб — как хотел ее Мишенька:

*Надо мной чтоб вечно зелена
Тёмный дуб склонялся и шумел.*

Крестьяне вырыли в лесу несколько молодых дубков, посадили вблизи часовни, но прижилось только одно деревце — возле входа.

Елизавета Алексеевна умерла в 1845 году в возрасте 72 лет, и была похоронена в той же фамильной часовне. По ее духовному завещанию владельцем Тархан стал ее брат Афанасий Алексеевич Столыпин. Ему же она завещала раздать 300 тысяч рублей нескольким родственникам. «Другим наследникам и родственникам до вышеобъясненного имения и денежного капитала дела нет и ни почему не вступаться в сие мое приобретение».

За два года до смерти Арсеньева дала вольную Андрею Соколову, но он никуда не ушел, жил в маленьком флигеле на барской усадьбе, продолжая исполнять обязанности слуги.

«На дворе, в ста шагах от дома, построен маленький флигелёк, где давно уже проводит свои грустные дни бывший слуга Лермонтова, дряхлый, слепой старик, когда-то всей душой преданный поэту. Если вы спросите у него, помнит ли он своего барина? — Андрей Иванович привстанет с своего места и весь задрожит. «Портрет, — усиливается он произнести, — портрет»... и несет показать вам сделанный масляной краской снимок лица, чей образ ему так мил и дорог» («Пензенские губернские ведомости», 1867 г.).

Андрей Иванович умер в 1875 году в возрасте 80 лет и был погребен в Тарханах. До конца своих дней он свято берег вещи М.Ю. Лермонтова. Только благодаря ему часть вещей сохранилась: шкатулка орехового дерева с бронзовой отделкой, эполеты корнета с одной звездочкой, сафьяновые чувяки с серебряным позументом черкесской работы, купленные Лермонтовым на Кавказе. Но не сохранился портрет Михаила Юрьевича.

В 1883 году внучка Авдотьи Петровны Пожогойной-Отрашкевич передала в Лермонтовский музей юнкерской школы, переименованной в Николаевское кавалерийское училище, портреты прадеда, деда, отца и матери поэта, а также два рисунка Лермонтова. Сын Алексея Лопухина передал портрет герцога Лермы, который приснился 16-летнему Мише, когда он ночевал у Лопухиных. «Позвольте мне, бывшему воспитаннику Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, коего рождение воспето Лермонтовым («Ребенка милого рожденье...»), принести свой вклад в устроенный Вашим превосходительством Лермонтовский музей. Этот портрет приснившегося человека постоянно висел в кабинете отца, от которого и перешел мне по наследству» (Из обращения А.А. Лопухина к А.А. Бильдерлингу).

С картины Лермонтова «Крестовый перевал», подаренной поэтом В.Ф. Одоевскому, знаменитый живописец Архип Иванович Куинджи сделал копию.

XXXVIII

В 1844 году Аким Павлович Шан-Гирей, служивший адъютантом начальника полевой конной артиллерии, подал в отставку. Уехал в Пятигорск и приобрел небольшое имение неподалеку от города. Семь лет спустя женился на Эмилии Александровне Верзилиной, дружески принимавшей Мартынова после убийства поэта. Шан-Гирею было 32 года, Эмилии 36. Репутацию она имела весьма нехорошую. За два года до роковой дуэли она сошлась с князем Барятинским, а потом избавлялась от «плода любви» — Барятинский выслал ей в возмещение 50 тысяч. Эта дама была, очевидно, доступной, иначе бы не составили на нее стишок «за девицей Эмилии молодежь как кобели», перефразировав экспромт Лермонтова. Однако смогла околпачить Шан-Гирея. В семье родились сын и дочь.

Аким Павлович занимался ирригационными работами на Кавказе, открыв месторождение серы в Нахичеванском уезде. Бывал у Святослава Раевского в Пензе, и вместе они подготовили ряд документов о Лермонтове, которые предполагалось издать. В 1860 году Святослав Афанасьевич написал ему:

«Соглашаясь на напечатание избранных тобою его бумаг, которые я берегу как лучшие мои воспоминания, я считаю необходимым к избранному тобою письму его, писанному ко мне в Петрозаводск, присовокупить мои объяснения. В этом письме Мишель, между прочим, написал, что я пострадал через него».

Раевский разъяснял, что, упомянув на допросе его имя, Лермонтов не причинил ему вреда: у него уже раньше были несогласия по службе, и Клейнмихель воспользовался этим. «Записываю это, — пояснял Святослав Афанасьевич, — для отнятия права упрекать память благородного Мишеля».

Раевский горячо любил и по-настоящему понимал Лермонтова. Ценные, хоть и короткие сведения передал он пензенскому учителю Хохрякову, собирателю материалов о Лермонтове. Ими пользовались потом первые биографы Лермонтова, в том числе П.А. Висковатов. Многие годы и буквально по крупицам собирали они материалы о жизни поэта, разыскивали его стихи, записанные в альбомы друзей и знакомых, либо на отдельных листочках и не всегда рукой Лер-

монтова. Неудивительно, что Висковатов ошибочно опубликовал пародию Д.Д. Минаева под фамилией Лермонтова:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

«Имя великого поэта, на первый взгляд, и впрямь выглядело достоверно, так как пародия эта заканчивалась словами: «Быть может, за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей». Но разве мог Лермонтов, боготворивший Пушкина, так надругаться над его строкой «Прощай, свободная стихия»? Многие русские литературоведы возмущенно доказывали непричастность Михаила Юрьевича к данной фальшивке, но, не смотря ни на что, весь XX век Лермонтову приписывалось это гнусное стихотворение, переходя во все школьные учебники, во все томики и собрания сочинений поэта» (В.В. Хатюшин).

При жизни Михаила Юрьевича был издан единственный томик его стихов. В 1843 году Краевский переиздал его роман «Герой нашего времени». С 1842 по 1844 г. вышло расширенное издание стихотворений поэта, а в 1847 г. — двухтомник «Сочинения Лермонтова».

С 1856 года стали выходить заграничные издания произведений Михаила Юрьевича, в 1873 году были напечатаны его письма, переизданные в 1880, 1882, 1887 годах. К 1891 году Павел Александрович Висковатов подготовил биографию поэта, которая вошла в шестой том его собрания сочинений.

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ [«Тамань»] и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать. Не могу понять, как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь, тогда бы и умереть можно!» (А.П. Чехов).

Стихи Лермонтова перекладывались на музыку, по его поэме «Демон» Григорий Рубинштейн написал оперу. В советское время интерес к творчеству М.Ю. Лермонтова значительно усилился. По его произведениям были поставлены фильмы, в театрах играли «Маскарад». Нет человека в России, кто не читал бы его произведений.

Особое место в его творчестве занимают стихи о Родине. Как сильно отзывались они в русских сердцах во время Ве-

ликой Отечественной войны, когда фашисты рвались к Москве! На всех газетных полосах и плакатах были словно вот только что написанные строки из «Бородина»: «Ребята! Не Москва ль за нами?» Никогда ни один из поэтов не был так близок и дорог людям, готовящимся сдержать клятву верности и ценой своей жизни спасти свою землю.

В 1974 году из Шипово в Тарханы был перевезен прах Юрия Петровича Лермонтова и перезахоронен рядом с часовней, где упокоились его жена и гениальный сын.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго) уехал из Пятигорска, как только окончил лечебный курс. Находился в полку, но вскоре подал в отставку. Во время крымской кампании вновь поступил на службу, храбро дрался под Севастополем, участвовал в его обороне, за боевое отличие получил золотое оружие и чин майора. В тот же период у него обнаружили признаки чахотки. Попросил Николая I разрешить лечение за границей; император отказал. Согласие было получено позже, благодаря поддержке лейб-медика Мандта, но было упущено время. В Париже Монго перевел на французский язык роман «Герой нашего времени». Хотел ли он этим загладить вину перед Лермонтовым или имелась другая побудительная причина, но он дал редакции основание написать: «Господин Лермонтов недавно погиб на дуэли». Это было первое печатное сообщение о дуэли Лермонтова. В России истинная причина смерти поэта не упоминалась, как не упоминалось и о дуэли Пушкина.

Умер Монго во Флоренции, в возрасте 44 лет. Прах был перевезен в Петербург и захоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры, где нашли упокоение все Столыпины.

Михаил Павлович Глебов, излечившись от ранения, отправился на Кавказ адъютантом командира Отдельного Кавказского корпуса. 28 сентября 1843 года в районе Ставрополя был захвачен горцами в плен и томился в плену два месяца. Для освобождения молодого офицера генерал Нейдгардт подкупил «своих» горцев, и они выкрали его. В 1843—1845 годах в Тифлисе Глебов встречался с немецким литератором Боденштедтом, которому передал для перевода 17 стихотворений М.Ю. Лермонтова, ныне утраченных. На Кавказе заслужил множество наград, славу отчаянного храбреца и неустрашимого воина. 9 августа 1847 года ротмистр лейб-гвардии Конного полка Михаил Павлович Глебов был убит

выстрелом в голову при перестрелке в осаде аула Салты. В момент своей гибели сидел на коне перед готовящимся к атаке батальоном. Было ему, как и Лермонтову, 26 лет.

Руфин Иванович Дорохов продолжал служить на Кавказе в небольших офицерских чинах и погиб в 1852 году во время одного из сражений, изрубленный незаметно подкравшейся партией горцев. Очевидец рассказывал: «На моих глазах было, когда он погиб. Кстати, как удивлен я был, читая «Войну и Мир» Толстого лет 30 тому назад! Ведь его Долохов написан с моего старого знакомого Руфина Ивановича Дорохова! Толстой мог знать его в самый последний год его жизни, так как Дорохов был убит год спустя по прибытии Льва Николаевича на Кавказ. Но, несомненно, что все характеристические черты и особенности Долохова взяты Толстым с Дорохова. Да, это был человек даже на Кавказе среди отчаянно храбрых людей поражавший своей холодной, решительной смелостью».

Александр Иванович Арнольди участвовал в 1842 году в Ичкерийской экспедиции в составе Моздокского казачьего полка. Через год возвратился в Гродненский полк, прослужив в нём свыше двадцати лет. В 1849 году участвовал с полком в Венгерском походе. В 1877—1878 годах во время русско-турецкой войны командовал 4-й кавалерийской дивизией и стал первым русским губернатором болгарской столицы Софии.

Александр Илларионович Васильчиков долгое время жил в благополучии, родил троих детей, но когда в печати стали появляться статьи о дуэли Лермонтова с Мартыновым, забеспокоился. В 1867 году вышла книга А. Любавского «Русские уголовные процессы», где автор как опытный юрист добросовестно привел два варианта описания дуэли, воспользовавшись ответами Васильчикова и Мартынова на вопросы следственной комиссии. Васильчиков показывал, что один из секундантов подал знак рукою, и дуэлянты, по сему знаку *сойдясь к барьеру*, остановились. Мартынов же показывал иное: «он, *Мартынов, первый подошел к барьеру, ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок*». Публика заговорила об убийстве поэта, тучи над Мартыновым и Васильчиковым сгустились.

Васильчиков написал пространные воспоминания, обеляя себя со всех сторон, но добился обратного: ложь его скоро была раскрыта и стали говорить, что он-то и был инициатором убийства.

Николай Соломонович Мартынов был помещен на три месяца на гауптвахту в Киеве, после чего Киевская духовная

консистория определила ему покаяние сроком в 15 лет. Но уже 11 августа 1842 года Мартынов подал прошение в Святейший Синод, ходатайствуя, «сколько возможно, облегчить участь». Синод отклонил просьбу, указав, что в случае истинного раскаяния Мартынова духовный его отец может и по своему усмотрению сократить время епитимьи. Действительно, в следующем году срок был сокращен до семи лет. Тогда Мартынов обратился в духовную консисторию с «покорнейшею просьбою о смягчении приговора, о дозволении во время церковного покаяния иметь жительство, где домашние обстоятельства того требуют». Просьба была удовлетворена.

«Мне случилось в 1843 году встретиться в Киеве с тем, кто имел несчастье убить Лермонтова; он там исполнял возложенную на него епитимию и не мог равнодушно говорить об этом поединке; всякий год в роковой его день служил панихиду по убиенному, и довольно странно случилось, что как бы нарочно прислали ему в тот самый день портрет Лермонтова; это его чрезвычайно взволновало» (А.Н. Муравьев).

Напрасно Муравьев поверил стенаниям Мартынова: Николай Соломонович отмечал роковую дату не панихидой по Лермонтову, а очередным прошением о сокращении срока покаяния.

А.И. Дельвиг тоже встречал Мартынова в Киеве:

«У генерал-губернатора Юго-Западного края Бибикова было несколько балов, на которых танцевал, между прочим, Мартынов, убивший на дуэли поэта Лермонтова и посланный в Киев на церковное покаяние, которое, как видно, не было строго, потому что Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже через эту несчастную дуэль сделался знаменитостью. Каждый век российской истории рождает своих геростратов. Кто-то из них поджигает, кто-то из-за угла убивает, кто-то разваливает государства».

«Мартынов обыкновенно ходил с какой-то дамой, не очень молодой, небольшого роста и достаточно черноватой; при них было двое детей. Об этом тоже ходили какие-то разговоры... Кстати, передам об одном случае с Мартыновым; о том рассказал мне мой отец, который, кажется, сам даже был свидетелем этого случая. После обедни в церкви Киево-Печёрской Лавры митрополит Филарет вышел с крестом, к которому все стали прикладываться. Мартынов, перед тем разговаривавший с дамами, подошел за ними ко кресту и, наскоро проделав подобие крестного знамения, хотел, в свою очередь, поцеловать крест. «Не так», — громко заметил ему митрополит. Мартынов сконфузился, но очень скоро перекрестился

и снова наклонился к кресту. «Не так!» — снова сказал митрополит и прибавил: «Спаситель заповедал нам креститься таким образом: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». При этом митрополит весьма истово перекрестился. Мартынов в свою очередь так же истово прочел молитву и перекрестился. Тогда святитель глубоко вздохнул и сказал: «Так», дал поцеловать крест и удалился в алтарь. Об этом случае долго шумел в то время весь Киев» (А.И. Маркевич).

Было с чего шуметь: человек, который не первый год находился на покаянии, а значит, бывший на всех церковных службах, не знает, как правильно перекреститься и что нужно сказать, прикладываясь к кресту. Как же смотрели за ним святые отцы? И как же он «каялся»? Такой лицедей не мог не убить Лермонтова. Знал, что Лермонтов рано ли поздно выведет его на чистую воду.

Лицедейство было, как видно, семейной чертой Мартыновых. То мамынины стоны о «прочитанных» письмах, то «княжна Мэри»; а 1852 году младшая сестра Мартынова в разговоре с Я.К. Гротом утверждала, что Мартынов вынужден был выйти в отставку из-за дуэли с Лермонтовым. Не много и лет-то прошло, чтобы ей запомнить.

В 1846 году Мартынов был полностью избавлен от епитимьи. За год до этого он женился на дочери киевского губернского предводителя. После Киева поселился в Москве в отчем доме. При посредничестве Васильчикова записался в Английский клуб, играл в карты и был, вероятно, счастлив встречаться в клубе с Бахметевым, мужем Вареньки Лопухиной, который всей душой ненавидел Лермонтова.

За годы совместной жизни супруги Мартыновы родили пять дочерей и шестерых сыновей. Мартынов несколько раз пытался в печати обелить себя: его, как и Васильчикова, пугали появлявшиеся расследования дуэли. Злился, что слава Лермонтова растет с каждым днем: выходят книги в России и за границей, стихи учат во всех гимназиях, готовится к постановке опера «Демон», романсы на стихи Лермонтова исполняют знаменитые певцы — русские и зарубежные, гастролирующие в России.

Пророчески сказал Лермонтов в восемнадцать лет:

*Я рожден, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.*

«Мне было уже пятнадцать лет, и я был страшно поражен, что слышу о Лермонтове как о лично знакомом говорящему...

Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять:

— Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?!

— Господа, сказал он, — если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом. Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке...» (А.А. Игнатьев).

Молодой граф Игнатьев поверил, что Мартынов говорит искренне, и до конца своих дней ненавидел Лермонтова. Из уст его родственников, из уст его друзей и покровителей шла молва о несносном характере Михаила Юрьевича.

Владимир Михайлович Голицын хорошо помнил Мартынова:

«Жил он в Москве уже вдовцом, в своем доме в Леонтьевском переулке, окруженный многочисленным семейством, из коего двое его сыновей были моими университетскими товарищами. Я часто бывал в этом доме и не могу не сказать, что Мартынов-отец как нельзя лучше оправдывал данную ему молодёжью кличку «Статуя командора». Каким-то холодом веяло от всей его фигуры: беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом. Стоило ему появиться в компании молодёжи, часто собиравшейся у его сыновей, как болтовня, веселье, шум и гам разом прекращались и воспроизводилась известная сцена из «Дон-Жуана». Он был мистик, по-видимому, занимался вызыванием духов, стены его кабинета были увешаны картинами самого таинственного содержания, но такое настроение не мешало ему каждый вечер вести в клубе крупную игру в карты, причем его партнёры ощущали тот холод, который, по-видимому, присущ был самой его натуре».

Умер Николай Мартынов в 1875 году в возрасте 60 лет и был похоронен в фамильном склепе возле подмосковного села Иевлево. В 1924 году в этой усадьбе разместилась колония для беспризорников. Прошедшие огонь, воду и медные трубы, колонисты дружно разорили склеп, изъяв то, что было в нём ценного, а кости Мартынова вместе с костями всех остальных, кто покоился там, утопили в пруду.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ

2018 год
(Ноябрь — декабрь)

Не раз приходилось слышать о том, что, мол, Украину надо остановить в ее скатывании к нацизму и фашизму, что, мол, надо подождать, когда на Украине сменится власть, и тогда, может быть, там прекратится эта вакханалия русофобии, и нам удастся наладить с ней «братские» отношения...

Я же ни секунды не сомневаюсь в том, что **не надо** останавливать Украину на ее закономерном пути к окончательному, вождеденному маразму. Этот путь **она должна пройти до конца** — до полного, до самого что ни на есть конца. Потому что иначе она никогда не излечится от своего врожденного, кровного и умственного маразма. Потому что иначе запредельная, неистребимая гордыня ничем иным не сможет быть вытравлена из «этнических украинцев».

Пройти до конца — это значит перестать быть «Украиной» и перестать называть себя «украинцами», причем не по принуждению, а по внутренней, утробной необходимости. И это значит — вновь стать Малороссией и вновь стать малороссами, когда **прошедшая до конца** этот

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

путь Малороссия-Украина будет полностью и окончательно денацифицирована. А запрещённое к употреблению слово «укр» станет синонимом слов «нацист», «подонок», «мерзавец», «игиловец» и «террорист».

Украинская провокация в Керченском проливе произошла ровно через 40 дней после трагедии в колледже города Керчи. Это совпадение, конечно же, не случайно. И это лишнее подтверждение того, что к массовому убийству детей в Керчи Украина имеет прямое отношение, о чём я написал сразу же в день этой трагедии.

Но что тоже примечательно: НИКТО в российских новостях или в политических шоу не заикнулся о сороковинах жертв керченской бойни.

Я уже писал о том, что гибель 20 студентов керченского колледжа 17 октября — это цена кремлевского предательства Русской весны. Но и ноябрьская провокация порошковской банды в Керченском проливе, а также последующее введение нацистской хунтой военного положения в украинских юго-восточных областях — это также итог и цена трусливого предательства Новороссии. Ничего бы этого не случилось, если бы сразу были признаны ДНР и ЛНР, введены туда наши войска и освобожден от нацистов весь Донбасс. В который раз приходится повторять эту доказанную жизнью истину: малодушие, политиканство и нерешительность — главные причины всех поражений и будущих унижений.

Ясно, что ничтожный и ублюдочный «стратег» *поросенко* загнал себя в угол. В этом углу он, как всякий трусливый шакал, способен на любую мерзость и любую подлость ради спасения своей шкуры. Он уже лихорадочно, чуть не на коленях умоляет США создать военную базу на юго-востоке «незалежной» — на границе с Россией. Объявив военное положение в граничащих с Россией областях, он, похоже, надеялся ввести в них мобилизационную диктатуру и бесцеремонно отжать все православные храмы Украинской Церкви Московского патриархата, потому что по-другому, без военного положения, сделать это был не в силах. Три храма в Галичине отжал и на этом выдохся.

Этот трусливый «главнокомандующий» ввёл военное положение в стране, никому не объявляя войны. Мир еще не

наблюдал такого абсурда и такого паноптикума: война России не объявлена, но военное положение в граничащих с Россией областях было введено. Дипотношения с Россией не разорваны, безвизовый режим не отменен, а военное положение — объявил. Правда, всего на месяц. Более месяца выглядеть полным марзматику этому дураку за океаном не решились. Такого театра идиотизма еще не было нигде и никогда.

Однако теперь у юго-восточных областей Малороссии есть оправданный повод отделиться от остальной предавшей их «самостийной окраины». Раз уж так подло с ними поступила фашистская киевская хунта, народ этих юго-восточных областей имеет полное право обратиться к России с просьбой о защите от нацистского произвола и воссоединении с матерью-Россией.

Нередко московские литераторы, увидев меня, подходят и спрашивают: «Ну как дела? Журнал выходит?» «Выходит», — отвечаю. «В каком виде? В бумажном или в электронном?» — «И в том, и в другом». — «Да? — удивляются они. — А что-то я его уже лет двадцать нигде не вижу». — «А где ты можешь его увидеть, если у тебя и желания такого нет? Или, может, ты другие журналы видишь?» — «Нет, тоже не вижу». — «А интернет у тебя есть?» — «Есть». — «Ну и кто тебе мешает зайти на сайт «Молодой гвардии» и посмотреть, выходит журнал или нет?» — «Да? — глупо улыбаясь, смотрят они на меня. — Ладно, найду, посмотрю...» Как правило, этим разговор и ограничивается. Ясно, что никуда они не зайдут и ничего не увидят. И всякий раз хочется ответить им словами Пушкина: потому вы дальше своего носа ничего не видите, что вы ленивы и не любопытны.

Живя в своем близоруком полуграфоманском мирке, свои интересы эти московские литераторы, да и немосковские тоже, чаще всего ограничивают кухонным телевизором и летней дачей. Даже газеты они перестали читать, не говоря уже о литературных журналах. Им это стало неинтересно и не нужно. Ничего не видеть, не читать и не знать — стало их личной привилегией и личным удовольствием. «Да как-то времени нет — журналы читать. И не видно их нигде...» — почти поголовно оправдываются они. И когда спросишь их: а чем же вы занимаетесь, то окажется, что ничем полезным для литератора. Лень, безразличие и нелюбопытство стали повальными признаками большинства ныне живущих литераторов. Вот и спрашивают они при встрече: «А журнал еще выходит?»

Я его лет двадцать уже нигде не вижу». И никому из них в голову не приходит, что их близорукое зрение происходит от собственного нежелания что-либо знать и видеть.

Почему-то я, чуть ли не круглосуточно занимаясь редактированием, подготовкой к печати и изданием толстого литературного журнала, **знаю**, что публикуется в русских газетах и журналах, на сайтах «Российского писателя» и «Русской народной линии». Но у них, этих московских литераторов, ограниченных интересами подслеповатого мирка своей «кухни», не только «нет времени» на чтение русской прессы, но они даже не ведают, где и как ее найти. Более того, у них и желания нет ее находить и в неё вникать.

Вот так и живем. Литературные журналы выходят, но литераторы об этом не ведают, потому что у них, ограниченных пределами своей самоутешительной «кухни», нет ни времени, ни желания о них ведать. Я уж не говорю — читать. И почти никто из них не желает знать, что на журнал можно подписаться на почте или в редакции, почти никому из них не ведомо, что русский литературный журнал можно приобрести в книжном киоске Союза писателей России, и уж точно ни один из них не способен догадаться, что путем нажатия на пару кнопок клавиатуры можно через поисковик выйти на сайт любого русского журнала. Куда там! Их ума хватает только на то, чтобы каждый раз при встрече задавать этот глупый и невежественный вопрос: «А что, разве журнал еще выходит? Я его лет двадцать не видел...»

Мы дожили до такого времени, когда литераторам стала безразлична литература. Не всем, конечно. Но большинству из них. Одно пока еще радует. Во всяком случае, это касается «Молодой гвардии»: журнал интересен и нужен простым русским людям, не литераторам.

Хотя привыкнуть к этому невозможно, тем не менее мы уже свыклись с намозолившими глаза ехидными и наглými физиономиями киевских горлопанов на центральных каналах нашего телевизионного ящика. Физиономии эти настолько отвратны, а поведение их обладателей до того омерзительно, что у всех нормальных людей, видящих это, давно уже по отношению к ним возникло стойкое чувство презрения, если не отвращения. Но эти чувства — презрение и ненависть — личное дело каждого. Каждый сам решает — кого любить, уважать и кого ненавидеть.

Однако мы на протяжении уже нескольких лет практически ежедневно являемся свидетелями не просто отвратных и

ехидно лыбящихся физиономий вместе с хамским, оскорбительным поведением всех этих трюханов, ковтунов, цимбалуков и им подобных украинских русофобов. Истерическая ложь, клевета, сознательное оскорбление и унижение России бесконечным ежедневным потоком льется с их стороны на наши головы абсолютно безнаказанно. И видя эту безнаказанность, они наглеют и распоясываются еще больше. Но и это не всё. Мы являемся свидетелями их агрессивной пропаганды украинского нацизма, бандеровского фашизма и официального властного киевского экстремизма. Пропаганды опять-таки безнаказанной и более того — фактически поощряемой со стороны ведущих телешоу, в которых они участвуют.

У нас в стране судят за гораздо более безобидные высказывания в интернете или в печати. По 282-й и 280-й статьям УК осуждены и находятся под следствием тысячи русских людей. Но пропагандистам украинского нацизма и фашизма абсолютно всё сходит с рук, их раз за разом приглашают на центральные каналы российского телевидения даже после того, как ведущие порой их изгоняют из студии за слишком развязное и оскорбительное поведение. И их участие в этих политических шоу Москвой неплохо оплачивается.

Откровенные, бесцеремонные нацисты, засланные сюда враждебной по отношению к нам киевской властью, горланят на российском ТВ, а русских авторов и издателей в это время таскают по судам и следователям за мнимый, высосанный из пальца «экстремизм» и мнимое «разжигание»... Выходит так, что украинского нацизма и экстремизма наши власти не боятся... И 282-я, и 280 статьи УК в данном случае — бездействуют.

Наши люди видят всю эту мракобесную вакханалию украинского фашизма на своих экранах и недоумевают: что происходит? Почему им, откровенным бандеровцам и порошковским лизоблюдам, позволено лить грязь на Россию, в каждом слове клеветать на нее, оправдывая украинский фашистский режим? И отчего **никто** не собирается это непотребство пресекать? А ведущие нянчатся с ними, улыбаются им, боятся, как бы их не обидеть, и в конце каждого шоу — произносят, заглядывая им в глаза: «Большое спасибо!..»

А может быть, этот телевизорный садомазохизм именно таким и был задуман, чтобы морально поиздеваться над нами?.. Кстати сказать, многие мои знакомые в этом даже не сомневаются.